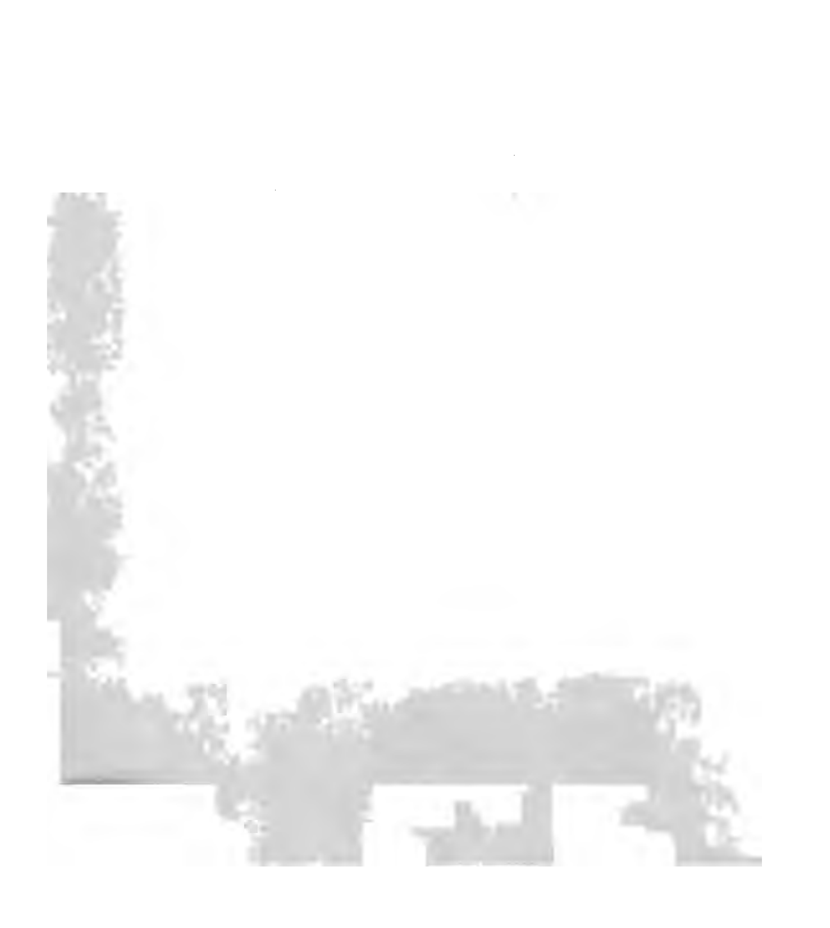

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

А. А. ГИРСЪ.

РОССІЯ И БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ

МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ
СЪ ТУРЦІЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1906

Печатаемыя въ настоящемъ сборникѣ небольшія изслѣдованія, частью самостоятельныя, частью въ выдержкахъ и переводахъ изъ трудовъ иностранныхъ историковъ и публицистовъ, знакомы лишь читателямъ «Русской Старины», гдѣ эти труды появлялись въ 1896—1898 годахъ. Имъ должны были слѣдовать въ ту пору и другія, но судьба перекинула меня тогда изъ мирныхъ Дунайскихъ княжествъ на Критъ, а затѣмъ въ Македонію, лишивъ необходимыхъ для такихъ работъ досуговъ.

Отъ воспоминаній о быломъ пришлось перейти къ дѣйствительности и убѣдиться, въ самое послѣднее время, что несчастная война наша съ Японіею и вызванная ею внутренняя неурядица тяжко поколебали значеніе русскаго вмѣшательства тамъ, гдѣ оно еще такъ недавно властно заключало возникавшіе переговоры по любому вопросу...

Къ изданію очерка событій, происшедшихъ на Турецкомъ Востокѣ въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ я приступлю, лишь только позволятъ обстоятельства и время. Издаваемый же нынѣ сборникъ можетъ служить какъ бы вступленіемъ; читатель найдетъ въ немъ нѣкоторыя справки о трехъ главнѣйшихъ эпохахъ въ сношеніяхъ нашихъ съ имперіею Османовъ: Екатерининской, Крымской войны и войны 1877—78 гг.

Безъ вѣры въ скорое прекращеніе переживаемой нынѣ Россіею смуты и наступленіе для нея прежнихъ свѣтлыхъ дней жить нельзя. Русскому обществу, призываемому нынѣ къ участію въ трудахъ государственнаго строительства, слѣдуетъ уже теперь готовиться къ совмѣстной съ правительствомъ, дружной работѣ по возстановленію храмины нашего международнаго положенія, расшатанной и чужими, и своими руками; въ воспоминаніяхъ о дѣяніяхъ и подвигахъ ея прежнихъ созидателей, въ добросовѣстномъ уясненіи собственныхъ ошибокъ, оно можетъ почерпнуть необходимыя для такой работы освѣдомленность и энергію.

Таковы соображенія, которыя побуждаютъ меня, не откладывая, внести свою скромную лепту въ дѣло подготовленія къ предстоящему отнынѣ всѣмъ русскимъ людямъ труду.

А. Гирсъ.

С.-Петербургъ,
Декабрь 1905.

Изъ прошлаго Россійскаго консульства въ Яссахъ.

I.

Начатая Турціею въ 1769 году война противъ Россіи, по наущенію французскаго посла въ Царьградѣ и Барскихъ конфедератовъ, печально окончилась для имперіи Османовъ. 10 іюля 1774 года въ мѣстечкѣ Кючюкъ-Кайнарджи [1], расположенномъ на правомъ берегу Дуная, въ 60-ти верстахъ отъ Силистріи, посланный главнокомандующимъ русскихъ войскъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ генералъ-поручикъ князь Репнинъ подписалъ съ турецкими уполномоченными продиктованный имъ трактатъ, поднявшій вскорѣ не малый переполохъ по всей Европѣ. Было изъ-за чего переполошиться: разгромленная Турція лежала у ногъ русской монархіи.

Основныя положенія этого трактата, подтвержденныя послѣдующими соглашеніями, вопреки интригамъ европейскихъ государствъ, напуганныхъ пріобрѣтенною Россіею надъ Турціею властью, просуществовали до 1856 года, когда объединившаяся (правда, не безъ труда) Европа, послѣ кровопро-

[1] Турки и пишутъ и произносятъ «Кючюкъ», а потому мы предпочитаемъ его слову Кучукъ.

литной войны, выбила Россію изъ занятаго ею при дворѣ Султана положенія.

Сама Турція, постигшая всю степень подчиненности по отношенію къ Россіи и тяготясь положеніемъ, въ которое ее ввергла неудачная война, не замедлила всякими способами отбиваться отъ точнаго и немедленнаго выполненія обязательствъ, вытекавшихъ изъ помянутаго трактата, частью успѣшно, частью безуспѣшно, и вздохнула свободно (какъ ей казалось) лишь послѣ парижскаго трактата.

Въ описываемую нами эпоху, то есть тотчасъ по заключеніи въ 1774 году мира, Порту особенно смущали выговоренныя Россіею права вступаться офиціально за христіанскихъ подданныхъ черезъ россійскихъ посланниковъ при блистательной Портѣ. Но смущеніе ея достигло крайнихъ предѣловъ, когда русское правительство, опираясь на предоставленное ему Кючюкъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ право, назначило генеральнаго консула въ Придунайскія княжества.

Артикулъ 11-й Кючюкъ-Кайнарджійскаго договора, касающійся обоюдныхъ попеченій о торговлѣ и мореплаваніи, между прочимъ, гласилъ: «а дабы во всемъ былъ наблюдаемъ добрый порядокъ, равнымъ образомъ блистательная Порта позволяетъ имѣть пребываніе консуламъ и вице-консуламъ, которыхъ Россійская Имперія во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они признаны будутъ надобными, назначить заблагоразсудитъ».

Правомъ своимъ русское правительство воспользовалось не сразу; первое время вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора оно было занято хлопотами по сбору и обратному отправленію въ Россію участвовавшихъ въ кампаніи войскъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ по ту и другую сторону Дуная. Затѣмъ оно вынуждено было все вниманіе свое сосредоточить на крымскихъ дѣлахъ.

По статьѣ третьей договора Крымъ былъ изъятъ изъ турецкаго владычества и объявленъ независимымъ, подъ само-

державною властью собственнаго хана изъ поколѣнія Чингиса. Турки не могли свыкнуться съ мыслью о потерѣ этой области, доселѣ служившей надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ Россіею. Возбужденіе турецкаго населенія имперіи, тяготившагося условіями договора, достигло крайней степени, и великій визирь прямо заявилъ, что если Крымъ не поступитъ снова подъ власть Турціи и если Россія не возвратитъ Керчи и Еникале, то миру долго не продержаться. Вскорѣ затѣмъ Порта прогнала изъ Крыма хана Сахимъ-Гирея, покровительствуемаго Екатериною, и война едва не возгорѣлась снова. При посредничествѣ Франціи дѣло было улажено и подписано новое соглашеніе (1779) извѣстное подъ названіемъ «Convention explicative», въ общемъ подтверждавшее условія Кючюкъ-Кайнарджійскаго договора.

Лишь по совершенномъ улаженіи крымскихъ дѣлъ, Екатерина признала возможнымъ послать консула въ Придунайскія княжества и назначила на эту должность Сергѣя Лазаревича Лашкарева, служившаго прежде при нашей миссіи въ Константинополѣ.

По указу императрицы, государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ снабдила Лашкарева пространною инструкціею, помѣченною 10 февраля 1780 года, и приказала ему ѣхать къ нашему посланнику въ Константинополь.

Въ инструкціи этой, посвященной указаніямъ о томъ, какъ блюсти интересы русскихъ торговыхъ людей и русскихъ подданныхъ вообще, какъ охранять достоинство своего званія, какимъ порядкомъ возвращать въ Россію бѣглыхъ и проч., особенное значеніе имѣетъ пунктъ 7-й, который гласитъ:

«Сверхъ доношеній сюда по дѣламъ, касающимся до торговъ нашихъ подданныхъ, находясь вы въ областяхъ Оттоманской Порты, ближе къ россійскимъ границамъ лежащимъ, имѣете неусыпно наблюдать все тамо происходящее, а особенно развѣ-

дывать о движеніяхъ турецкихъ войскъ и о починкѣ крѣпостей и другихъ всякихъ къ войнѣ относящихся пріуготовленій, и обо всемъ сюда немедленно и точно доносить. Равномѣрно надлежитъ вамъ стараться примѣчать и за поведеніемъ обоихъ господарей, изъ которыхъ волошскій всегда увѣрялъ высочайшій дворъ въ своей преданности, а молдавскій, напротивъ того, понынѣ всячески, повидимому, удаляется отъ онаго; но какъ вы обоихъ, по бытности ихъ драгоманами Порты, довольно знаете, то и можете симъ обстоятельствомъ воспользоваться къ снисканію ихъ довѣренности и къ обращенію оной въ пользу дѣлъ».

Порта съ понятною съ ея стороны подозрительностью отнеслась къ заявленію нашего посланника о предстоявшемъ назначеніи русскаго генеральнаго консула въ княжества. Область эта, населенная народомъ, единовѣрнымъ русскому, была погранична съ нашими владѣніями и пользовалась нѣкоторыми привилегіями въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ что русскій консулъ могъ занять въ ней исключительное положеніе, тѣмъ болѣе, что другихъ консуловъ (французскаго и англійскаго) въ ней еще не было.

Ни на господарей (фанаріотовъ), хотя ею самою избираемыхъ, ни, тѣмъ менѣе, на бояръ валахскихъ и молдаванскихъ Порта особенно не разсчитывала и какъ бы предчувствовала, что съ прибытіемъ въ княжества агента русскаго правительства ея хозяйничанью въ этихъ областяхъ по-турецки будутъ воздвигаемы постоянныя препятствія.

Тѣмъ временемъ (въ іюнѣ 1780) Лашкаревъ прибылъ въ Константинополь. Уже изъ перваго донесенія его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ можно судить о тѣхъ мытарствахъ, черезъ которыя долженъ будетъ пройти вопросъ о его признаніи въ званіи русскаго генеральнаго консула. Приводимъ это донесеніе цѣликомъ; оно живо изображаетъ переполохъ Порты и первыя попытки совершенно отклонить требованіе Россіи.

«Прошедшаго іюня 12-го дня, писалъ Лашкаревъ [1],—прибылъ я въ Константинополь и, явясь у его высокородія господина чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Александра Стахіевича Стахіева, отдалъ врученные мнѣ пакеты.

«А послѣдующаго затѣмъ іюля 2-го числа господинъ посланникъ, взявъ меня съ собою, ходилъ въ загородной домъ къ рейсъ-эфенди [2], гдѣ и объяснилъ, что я отъ высочайшаго двора назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, то дабы потому Порта, признавъ меня въ томъ достоинствѣ, учинила съ своей стороны должное признаніе. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта никакъ на сіе согласиться не можетъ, чтобы Россія имѣла своихъ консулей тамъ, гдѣ прочія дружелюбныя державы никогда не имѣли, да и нынѣ не имѣютъ, ибо сіе противно мирнымъ артикуламъ, въ которыхъ не показано именно, чтобъ въ Молдавіи, въ Валахіи и Бессарабіи быть россійскому консулю; онъ тутъ и другіе свои невмѣстные представлялъ резоны, которые государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ усмотрѣть соизволитъ изъ настоящихъ депешей господина посланника Стахіева. На что его высокородіе ясно доказывалъ, что они ошибаются, и противятся въ томъ, когда трактатъ гласитъ: во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ имѣть консулей.

«Между прочими партикулярными разговорами, рейсъ-эфенди отозвался партикулярно господину посланнику, что Порта, опасаясь какого-либо безпокойствія отъ бояръ двухъ княжествъ и возмущенія отъ находящихся въ Бессарабіи гарнизоновъ, не можетъ на то согласиться. Тогда господинъ посланникъ сказалъ, что онъ сего никакъ не можетъ ко двору своему писать, что Порта опасается своихъ гарнизоновъ и подданныхъ обоихъ княжествъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, хо-

[1] Изъ Буюкдере іюня 26-го дня 1780 г. Буюкъ-дере — лѣтняя резиденція русскаго посланника, на Европейскомъ берегу Босфора.

[2] Министръ иностранныхъ дѣлъ Порты.

четъ ли господинъ посланникъ, чтобы я велѣлъ отрубить какъ обѣимъ князьямъ, такъ и всѣмъ боярамъ головы и привести сюда.

«Спустя нѣсколько дней со стороны господина посланника ходилъ я къ рейсъ-эфендію (по дѣлу одного нѣжинскаго купца), который, принявъ меня весьма ласково, и между прочими разговорами всевозможнымъ образомъ уговаривалъ, чтобы я отказался отъ своего консульства, увѣряя, что Порта исходательствуетъ выгоднѣйшее сего консульства мѣсто. Я вкратцѣ ему отвѣчалъ, что онъ напрасно изволитъ оспаривать то, что трактатъ ясно гласитъ, чтобы имѣть Россіи своихъ консулей во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобность и коммерція потребуетъ, съ чѣмъ отъ него и вышелъ».

Въ переговорахъ или, вѣрнѣе, въ разговорахъ, подобныхъ вышеприведеннымъ прошло не мало времени. Лишь шесть мѣсяцевъ спустя по пріѣздѣ Лашкарева въ Константинополь, Порта изъявила согласіе на признаніе его генеральнымъ консуломъ въ княжествахъ и Бессарабіи. Этимъ, однако, дѣло не кончилось, и возникли новые переговоры, благодаря отказу Порты назначить консулу резиденцію въ княжествахъ и предложенію ему поселиться въ Силистріи.

16-го декабря 1780 года Лашкаревъ доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ:

«Порта по долговременномъ своемъ невмѣстномъ упорствѣ... согласилась принять меня генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, съ тѣмъ чтобы имѣть мою резиденцію въ Бессарабіи (городъ которой Порта изберетъ), на что господинъ посланникъ отвѣчалъ рейсъ-эфендію, (что) для способности комерціи резиденція консуля не можетъ быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ въ одномъ изъ двухъ княжествъ и ни на какое другое мѣсто согласиться не можетъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта не можетъ позволить имѣть консулей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не нахо-

дятся магометанскаго закона судьи, а князья не что иное какъ единственно для собранія податей и разобранія дѣлъ между подданными [1]. Посланникъ увѣрялъ рейсъ-эфендія, что когда обстоятельство воспослѣдуетъ, то всѣ письменныя дѣла консулъ будетъ производить въ городахъ, управляемыхъ судьями магометанскаго закона; но рейсъ-эфенди говорилъ, что онъ сего предложенія ни подъ какимъ образомъ принять не можетъ... Наконецъ рейсъ-эфенди просилъ дружески посланника, чтобы онъ о томъ писалъ ко двору, и что онъ уповаетъ, что высочайшій россійскій дворъ согласится на таковое Порты предложеніе.

«На третій день послѣ конференціи былъ я съ господиномъ посланникомъ у французскаго посла кавалера де С.-Пріеста (Chevalier de S.-Priest), который со стороны Порты объявилъ [2] что Порта соглашается дать бератъ [3] на консульство съ означеваніемъ для резиденціи городъ Силистру, гдѣ пребываетъ трехбунчужный паша и сераскѣръ (сераскиръ) всей Бессарабіи. Я отвѣчалъ послу, что безъ дозволенія двора моего къ такой отъ Порты пропозиціи приступить не могу...

«...А Силистра лежитъ по сію сторону Дуная, откуда я по коммерціи долженъ временно находиться въ обоихъ княжествахъ и въ Бессарабіи, а господинъ паша въ переѣздѣ мнѣ будетъ препятствовать, или дружески будетъ всегда

[1] Въ разсчетъ Порты входило умалять значеніе господарской власти въ областяхъ, хотя и вассальныхъ, но, благодаря разнымъ трактатамъ и гаттишерифамъ, представлявшимъ во всякомъ случаѣ болѣе самостоятельныя административныя единицы, нежели прочіе пашалыки имперіи.

[2] Въ ту пору Франція, въ силу трактатовъ съ Турціею, пользовалась выдающимся, по сравненію съ прочими европейскими державами, положеніемъ при блистательной Портѣ; въ данномъ случаѣ вмѣшательство французскаго посла въ переговоры русскаго посланника съ рейсъ-эфендіемъ объясняется, кромѣ того, неофиціальнымъ участіемъ, которое принимала Франція въ заключеніи Кючюкъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора и ея офиціальнымъ положеніемъ союзника имперіи османовъ.

[3] Exequatur, въ европейскихъ державахъ.

спрашивать, зачѣмъ я хочу ѣхать..., а въ другомъ времени и совсѣмъ воспрепятствуетъ переѣзжать на ту сторону, предъявляя, что, какъ онъ главный командиръ, во всемъ можетъ мнѣ дать сатисфакцію...»

Лашкаревъ придавалъ особое значеніе свободѣ передвиженія своего, на случай если бы русское правительство согласилось съ предложеніемъ Порты назначить для резиденціи русскаго консула Силистрію.

Одновременно съ донесеніемъ въ коллегію онъ пишетъ графу Панину (отъ 16-го декабря 1780).

«Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ покровительства пріемлю смѣлость донести, что когда всевысочайшій дворъ согласится имѣть мнѣ резиденцію въ Силистріи, то неотмѣнно нужно, чтобы Порта дала свое повелѣніе къ находящемуся тамъ пашѣ не препятствовать мнѣ въ переѣздѣ со всею свитою въ оба княжества и въ Бессарабію во всякое время, когда я за нужно почту... и которое надобно, чтобы Порта утвердила письменно, ибо у турокъ что единожды выторгуешь, то напредъ будетъ служить образомъ закона. Хотя французскій посолъ увѣряетъ о свободномъ моемъ пребываніи, но я не могу надѣяться, чтобы онъ былъ болѣе нашъ другъ, нежели Оттоманской Портѣ».

Два дня спустя послѣ отправленія этого донесенія Лашкаревъ извѣщаетъ коллегію, что Порта вручила русскому посланнику бератъ «съ великою поспѣшностью» и что, по его мнѣнію, она перемѣнитъ его впослѣдствіи и согласится на требованіе русскаго двора назначить резиденцію консула въ княжествахъ, «ибо она (Порта) теперь гораздо становится унылѣе по причинѣ смерти римской императрицы [1], опасаясь новой войны или нѣкоторыхъ требованій со стороны владѣющаго императора».

[1] Маріи-Терезіи.

Но какъ ни стала Порта «уныла», она продолжала сопротивляться требованію русскаго правительства, прибѣгая къ всевозможнымъ увереткамъ; такъ, втихомолку отъ посланника, она отправила своего курьера въ С.-Петербургъ (іюнь 1781), въ надеждѣ упросить императрицу не настаивать на томъ, чтобы резиденція русскому консулу была назначена въ княжествахъ. Хотя этой послѣдней попыткѣ предстоялъ такой же неуспѣхъ, какъ и предшествующимъ, тѣмъ не менѣе она опять затянула дѣло, и на цѣлыхъ полгода. Лишь 13-го декабря Лашкаревъ имѣетъ возможность донести объ окончательномъ рѣшеніи дѣла.

«По долговременному невмѣстному упорству, Порта, наконецъ, по дѣлу моему согласилась на всѣ тѣ кондиціи, которыя всевысочайшій дворъ требовалъ, въ силу мирнаго трактата, и сего 10-го числа выдала бератъ и циркулярный въ надлежащія мѣста ферманъ, а по требованію моему назначила для резиденціи городъ Бухарестъ съ безпрепятственнымъ переѣздомъ во всѣ, консульству моему опредѣленныя, мѣста со всею моею свитою».

Въ январѣ 1782 г. Лашкаревъ прибылъ въ Бухарестъ и до 1787 г. (т. е. до новаго разрыва съ Турціею), русскій консулъ попеременно жилъ то въ Бухарестѣ, то въ Яссахъ. Лишь по возобновленіи сношеній въ 1792 г. Яссы сдѣлались резиденціею русскаго консульства.

Въ Бухарестѣ остался вице-консулъ, и такой порядокъ просуществовалъ до войны, предшествовавшей Андріанопольскому мирному договору (1829 г.). Другъ отъ друга не зависящія, ставшія подъ протекторатъ русской державы, княжества, получили органическій уставъ, выработанный графомъ Киселевымъ, и въ каждое изъ нихъ русское правительство назначило отдѣльнаго консула; Бессарабія же, какъ извѣстно, уже съ 1812 года перестала быть турецкою провинціею и стала нераздѣльною областью Россіи.

II.

Еще переговоры о признаніи Лашкарева въ его званіи не были окончены и не рѣшенъ былъ вопросъ о мѣстѣ его резиденціи, а уже Екатерина подписывала указъ, которымъ возлагалось на русскаго консула въ княжествахъ весьма щекотливое порученіе, совсѣмъ внѣ области «коммерціи», польза которой приводилась русскими дипломатами, въ ихъ офиціальныхъ переговорахъ съ Портою, какъ единственный предметъ попеченія со стороны будущихъ представителей русской власти въ турецкихъ провинціальныхъ областяхъ.

Приводимъ этотъ указъ цѣликомъ.

Указъ нашему генеральному консулу въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, коллежскому ассессору Лошкареву.

Прилагается при семъ копія прошенія, намъ поданнаго отъ бывшаго въ Аржишскомъ [1] монастырѣ архимандрита Дамаскина объ употребленіи старанія въ пользу его, отца и брата его, содержащихся въ узахъ въ Бухарестѣ, объ освобожденіи ихъ и о выручкѣ имѣнія ихъ, разграбленнаго и разными образами расхищеннаго. Въ уваженіи на отличное усердіе его къ службѣ нашей, оказанное во время послѣдней войны, мы, желая подать ему всякое благопристойное пособіе, повелѣваемъ вамъ употребить всемѣрное стараніе ваше, чтобъ помянутые отецъ и братъ его освобождены и отпущены были на волю съ возвращеніемъ имѣнія, имъ и архимандриту Дамаскину принадлежащаго; да и не оставьте подать имъ помощь, чтобъ они могли, по желанію ихъ, переселиться въ Россію, безопасно изъ Валахіи выѣхать по крайней мѣрѣ въ области его величества императора римскаго, откуда уже могутъ они пробраться въ Россію. Вы можете тутъ на словахъ сами или чрезъ какого-либо надежнаго человѣка сдѣлать внушеніе господарю волошскому Александру Ипсиландію [2], что удовлетвореніе сему

[1] Старинный мужской монастырь въ Валахіи.

[2] Изъ фанаріотской семьи, выставившей рядъ борцовъ за независимость Греціи. Младшій сынъ его, Александръ Ипсилантій, служилъ въ русской арміи и былъ адъютантомъ императора Александра I; званія этого лишился, лишь только принялъ участіе въ греческомъ возстаніи, начало которому положилъ въ 1821 году, ворвавшись съ толпою гетеристовъ въ Молдавію, около Яссъ, и призвавъ молдаванское населеніе къ мятежу противъ турецкой власти.

принято будетъ у двора нашего съ особливою благоугодностію и удовольствіемъ, такъ какъ и прежде по заступленіямъ здѣшнимъ учиненныя имъ снисхожденія. Подобное внушеніе можете вы учинить и прочимъ, кто въ управленіи дѣлъ тамошнихъ имѣетъ силу и довѣренность; но надлежитъ вамъ имѣть всякую осторожность, чтобъ, во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію Двора нашего приличное. Второе, чтобъ вы производили дѣло сіе такъ, дабы не нанесло оно вамъ хлопотъ, а тѣмъ самымъ людямъ, за коихъ вы вступаться должны, крайнихъ бѣдствій, и третье, чтобъ не подвергнуть господаря или другихъ намъ единовѣрныхъ и благонамѣренныхъ подозрѣнію и пагубѣ отъ турокъ. Впрочемъ, помянутый архимандритъ подробнѣе самъ не упуститъ вамъ учинить отзывъ о нуждахъ своихъ.

(Подп.) Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ,
мая 19-го дня
1781 года.

Какое же это дѣло, которое поручается Лашкареву съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ «всякое стараніе», но и имѣлъ въ то же время всякую «осторожность», дабы «во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію двора нашего приличное»?

Разъясненіе находимъ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи архимандрита Дамаскина, которое приводимъ дословно.

Всеавгустѣйшая монархиня,

Всемилостивѣйшая государыня!

Имѣвъ я всегда ревность къ Россіи и сродное усердіе одну вѣру исповѣдающихъ, не имѣлъ благопріятствующаго случая оказать ей оныхъ соразмѣрно моимъ желаніемъ до того времени, пока не пришелъ въ 1768-мъ году посланный отсюда секундъ-маіоръ Назарій Каразинъ въ Валахію, о коемъ владѣющій тогда господарь Александръ Дика имѣлъ извѣстіе изъ Молдавіи, что помянутый Каразинъ неотмѣнно есть шпіонъ и разспрашиванъ причинъ о его путешествіи, но какъ объявилъ то же самое, что и я въ Яссахъ, что онъ, будучи въ жестокой болѣзни, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему совѣтовано идти въ Валахію въ ардышанскій монастырь, въ коемъ я былъ въ то время архимандритомъ, и отслужить тамъ молебенъ чудотворному образу Божіей Матери, то получитъ исцѣ-

леніе отъ своей скорби. Господарь, выслушавъ все сіе, призвалъ меня, по случаю въ то время въ Букорештахъ бывшаго, приказалъ какъ можно постараться вывѣдать о причинахъ путешествія помянутаго Каразина, о чемъ я его хотя и спрашивалъ, но онъ мнѣ то же самое сказывалъ, что и господарю, на чемъ, однако, господарь не увѣрившись приказалъ мнѣ взять его съ собою въ монастырь, давъ мнѣ напередъ знать объ ономъ, что къ нему изъ Яссъ сообщено, для чего и приказалъ мнѣ наистрожайше за нимъ примѣчать и навѣдываться исподволь о всѣхъ его поступкахъ и о намѣреніяхъ подъ опасеніемъ лишенія жизни, если сдѣлано будетъ мною какое-либо упущеніе противу даннаго мнѣ повелѣнія. Я, взявши его, привезъ съ собою въ монастырь, и онъ, спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ своемъ, пришелъ ко мнѣ въ келью и видя у меня образъ Божіей Матери, учинилъ мнѣ присягу въ томъ, что онъ всю мнѣ тайну откроетъ, но прежде, пока я съ своей стороны не обяжу себя хранить оную, и когда мы съ обѣихъ сторонъ обязали себя другъ друга клятвою, то онъ мнѣ открылъ, что вашего императорскаго величества есть желаніе объявить войну туркамъ для избавленія моего отечества, а при семъ самомъ объявленіи спрашивалъ, не знаю ли я кого изъ дворянъ, усердствующихъ Россіи. Я ему необинуясь сказалъ, что вся Валахія имѣетъ желаніе избавиться отъ власти агарянской и готова служить вашему императорскому величеству и на первый случай можно бы объявить сію тайну Пурвулу Кантакузину, потому что я уже съ нимъ объ этомъ имѣлъ разговоръ; однако жъ, какъ онъ [1] не имѣлъ никакого письменнаго на то вида, то я усомнился, чтобы на однихъ его словахъ могъ онъ увѣриться, и для того предоставилъ ему свои совѣты до того времени, пока не доставлю ему свободу возвратиться, къ чему приготовяся его держалъ четыре мѣсяца и пятнадцать дней; по прошествіи которыхъ рапортовалъ господарю, что я въ Каразинѣ кромѣ поста и молитвы ничего болѣе не примѣтилъ; на то мнѣ и прислано повелѣніе отпустить его къ возвратному пути. Я, пользуясь симъ случаемъ, далъ ему наставленіе, что ему необходимо нужно имѣть видъ, съ которымъ онъ и пришелъ ко мнѣ обратно въ 1769-мъ году прямо въ монастырь въ монашескомъ платьѣ и принесъ съ собою, какъ за подписаніемъ собственной вашего императорскаго величества руки письмо, такъ и отъ главнокомандующаго тогда первою арміею князя Голицына Пурвулу Кантакузину портретъ, а мнѣ по высочайшей вашего императорскаго величества милости жалованный крестъ, а притомъ и манифесты на греческомъ, волошскомъ и сербскомъ діалектахъ, кото-

[1] Каразинъ.

рые я и разослалъ въ разные мѣста турецкой области; помянутый же Каразинъ объявилъ о всѣхъ монаршихъ вашихъ обнадеживаемыхъ щедротахъ, о дачѣ мнѣ сана архіерейскаго купно съ избавленіемъ любезнаго моего отечества отъ агарянъ, на что положась несомнѣннымъ событіемъ, не щадилъ себя какъ при началѣ войны, такъ и до самаго ея окончанія. Въ доказательство сей истины, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству данную мнѣ отъ главнокомандующаго вашего императорскаго величества арміею графа Петра Александровича Румянцева, и отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена, такожъ и отъ Григорія митрополита Букорешскаго[1]; но и его свѣтлости князю Григорію Александровичу Потемкину довольно извѣстно о моей службѣ къ вашему императорскому величеству, равно князю Николаю Васильевичу Репнину и графу Ивану Петровичу Салтыкову, но и всѣмъ тѣмъ, кои находились въ первой арміи. Наконецъ, когда миръ состоялся, и я зналъ совершенно, что туркамъ извѣстно мое къ Россіи усердіе, то я не могъ себѣ другаго ожидать, какъ несносныхъ мученій и самой смерти. Для чего я и явился къ графу Петру Александровичу Румянцеву, находившемуся тогда на Гури-Балѣ, и просилъ о дачѣ мнѣ паспорта для свободнаго выхода въ подданство вашего императорскаго величества, но онъ на просьбу мою объявилъ, что въ силу заключеннаго мирнаго трактата всѣ желающіе выѣхать имѣютъ свободу, и для того совѣтовалъ мнѣ сколько можно постараться собрать всѣхъ тѣхъ, кои чаютъ оставшися подвергнуть себя опасности, и выѣхать съ ними вмѣстѣ. Я же, имѣя великую довѣренность, а наипаче въ тѣхъ, кои служили вѣрно вашему императорскому величеству, пригласилъ ихъ съ собою идти до семи тысячъ, въ числѣ коихъ всѣ мои родные находилися, прочіе же большею частію были иностранные; но къ несчастію собственно моему время уже было позднее и зима наступала, а мнѣ съ толикимъ числомъ народа вовсе было невозможно отправиться въ путь, почему я, надѣяся на сохраненіе мирнаго трактата, остановился ждать до весны. Но какъ скоро господарь пріѣхалъ въ Букорестъ, то, несмотря на силу трактата, отобравъ отъ меня въ январѣ мѣсяцѣ оныхъ людей, а 5 апрѣля и меня взявъ въ Букорестъ, посадилъ подъ строжайшій караулъ, гдѣ находился 1779 года по 15 іюля, и вѣрно бы никогда не могъ я избавиться отъ сего мученія, если бы, не сжалившися надо мною, нѣкоторые бояре не подали мнѣ къ побѣгу средства, давъ мнѣ при томъ знать, что жизнь моя приходитъ въ опасность отъ точныхъ расположеній господаря, чтобы отомстить мнѣ за то, что я служилъ вашему императорскому вели-

[1] Бухарестскаго.

честву вѣрно, а притомъ и не согласился къ ихъ злоухищренному совѣту. Я же, какъ скоро взятъ былъ подъ караулъ, то и принужденъ былъ платить убытки, какіе причинены при взятіи Букореста, а сколько и кому именно уплатилъ я, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству реестръ.

Въ проѣздъ князя Николая Васильевича Репнина чрезъ Букорестъ полномочнымъ посланникомъ въ Царьградъ, просилъ я его доношеніемъ объ освобожденіи меня изъ-подъ караула и о дачѣ мнѣ паспорта въ Россію, однако онъ мнѣ на то отвѣчалъ, что учинить сего не можетъ, а обнадеживалъ просить за меня господаря и послѣ чрезъ князя Михаила Кантакузина велѣлъ мнѣ бѣжать въ Россію, оставя все мое имѣніе. Но я конечно бы не сдѣлалъ онаго, чтобы бѣжалъ изъ моего отечества и утруждалъ ваше императорское величество, если бы въ силу заключенія мирнаго трактата имѣли мы вольность; но видя себя безъ всякой надежды отъ онаго, а притомъ и опасность въ своей жизни, принужденъ былъ уйти, и прибѣгнувъ въ покровительство матернимъ щедротамъ вашего императорскаго величества. По побѣгѣ же моемъ изъ Букореста взяли родителя моего и трехъ братьевъ съ собственнымъ ихъ имѣніемъ вмѣсто меня подъ караулъ, а мое все движимое и недвижимое имѣніе разграбили и отъ должниковъ моихъ, коихъ векселя имѣются у меня, деньги взыскали, по пріѣздѣ же моемъ въ цесарскую область, по искательству моего ненавистника, на форпостахъ удержанъ былъ шесть мѣсяцевъ, ибо старался онъ, чтобъ тамошній генералъ Прейзъ выдалъ ему меня на погубленіе, но милосердое Провидѣніе чрезъ находящагося въ Вѣнѣ резидента князя Голицына защитило, къ коему я писалъ. По прибытіи же моемъ сюда, въ Петербургъ, чрезъ пять мѣсяцевъ лишаюсь дневной пищи, а притомъ опасаюсь, чтобъ враги мои, видя меня безъ всякаго защищенія, не лишили жизни родителя моего и братьевъ безъ всякія ихъ вины, но единственно меня ради.

При таковомъ моемъ горестномъ состояніи, повергаю себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, всепокорнѣйше прошу объ освобожденіи страждущихъ безвинно родителя моего іеромонаха Михаила и братьевъ іеромонаховъ Арсенія и Василія и монаха Григорія съ моимъ и ихъ имѣніемъ въ подданство вашего императорскаго величества и изъ высоко монаршихъ щедротъ вашего императорскаго величества о неоставленіи меня безъ награжденія высочайшаго повелѣнія.

Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ и всеусерднѣйшій богомолецъ, архимандритъ Дамаскинъ.

Ноября 13-го дня
1780 года.

Къ разсказу архимандрита Дамаскина прибавлять многаго не приходится; несмотря на свои синтаксическія и грамматическія погрѣшности, разсказъ этотъ живо изображаетъ многія стороны турецкаго управленія въ княжествахъ въ ту эпоху, когда господари не знали, кого бояться, Порты или христіанской державы, выступившей защитницею христіанскихъ подданныхъ полумѣсяца и вынужденной прибѣгать ко всякимъ негласнымъ средствамъ, чтобы обнадежить ихъ и утѣшить въ ихъ незавидной участи вассаловъ «нечестивыхъ агарянъ».

Секундъ-маіоръ русской арміи, каждую минуту рискующій головой, облекающійся въ монашеское одѣяніе, мѣсяцами живущій въ монастырѣ, архимандритъ, дающій господарю ложныя свѣдѣнія о порученной надзору его сомнительной личности, бѣгство этого архимандрита и секвестръ всего его имущества, шестимѣсячное сидѣніе на форпостахъ цесарскихъ войскъ, откуда командовавшій генералъ Прейсъ выпускаетъ его для слѣдованія въ Россію и не отдаетъ обратно въ руки турокъ лишь вслѣдствіе вмѣшательства русскаго резидента въ Вѣнѣ, заключеніе подъ стражу отца и братьевъ бѣжавшаго Дамаскина,—все это составляетъ не маловажный вкладъ въ исторію нашихъ сношеній съ христіанскими народами турецкаго Востока въ екатерининскую эпоху.

III.

Молдавія и Валахія предъ турецкой войной 1787 г.

12-го августа 1787 года актуаріусъ россійскаго генеральнаго консульства въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, Латынинъ, писалъ изъ Бухареста вице-канцлеру графу И. А. Остерману.

«Должностью почитаю донести вашему сіятельству, что сего 11-го августа князь [1] призвалъ господина генеральнаго

[1] Господарь Валахіи, Николай Мавроени.

консула Ивана Северина[1] и, объявивъ ему приказаніе, что между двумя союзными имперіями объявлена война, «слѣдственно повелѣвается мнѣ отъ моего двора васъ удержать здѣсь», со всею принадлежащею учтивостью его принялъ и содержитъ при всякой вольности. До сихъ поръ и какого бы то званія (люди) ни были, входить и выходить могутъ; равно велѣлъ посадить и перваго драгомана Нордунга... Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя, отъ пребывающаго тамъ римско-императорскаго министра барона Герберта, и увѣдомляетъ, что война объявлена и нашего находящагося чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Якова Ивановича Булгакова посадили подъ арестъ, въ томъ-же письмѣ повелѣвается отъ двора (вѣнскаго) нашихъ россійскихъ подданныхъ протежировать точно какъ своихъ»[2].

Началась вторая (въ царствованіи Екатерины) турецкая война, длившаяся свыше четырехъ лѣтъ и закончившаяся Ясскимъ миромъ 29-го декабря 1791 года.

Причинъ къ ней за предшествующіе годы накопилось не мало; всѣ онѣ перечислены турками въ приводимомъ ниже манифестѣ Порты, обнародованномъ ею 13-го августа 1787 года, но это скорѣе длинный перечень жалобъ на такое положеніе вещей, которое могло быть съ нашей стороны оправдано предшествовавшими соглашеніями и котораго мы упорно добивались и съ которымъ потрясенная нами до основанія имперія османовъ примириться не могла. Рѣшившись на войну, офиціальная Турція едва-ли питала твердую надежду вернуть Крымъ или укрѣпить власть надъ «ханомъ» тифлисскимъ[3];

[1] Иванъ Ивановичъ Северинъ, назначенный на мѣсто переведеннаго въ Крымъ перваго консула въ княжествахъ Серг. Лаз. Лашкарева, который скончался въ Яссахъ въ мартѣ 1799 года.

[2] Покровительство австрійцевъ продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ сами они весною 1788 года вступили въ войну съ Турціею.

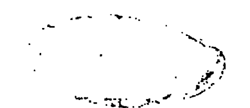
[3] Колеблющаяся власть ея надъ Грузіею просуществовала, впрочемъ, еще до 1801 года.

но она, повидимому, разсчитывала, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, освободиться отъ присутствія въ придунайскихъ княжествахъ русскаго консула, «развратителя ея подданныхъ», дѣятельнаго пособника русскаго посланника при Портѣ, съ которымъ послѣдней вѣчно приходилось препираться изъ-за назначенія и смѣщенія господарей и изъ-за порядковъ управленія княжествами, въ дѣла которыхъ консулъ вмѣшивался будто-бы неуклонно, въ противность договорамъ и подъ предлогомъ защиты русско-подданныхъ торговыхъ людей.

Къ такому предположенію насъ привело ближайшее ознакомленіе съ дѣятельностью русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ Северина [1] и съ перепискою его съ посланникомъ Булгаковымъ въ теченіе ближайшихъ, предшествовавшихъ войнѣ, трехъ лѣтъ. Приводимые частью дословно, частью въ извлеченіи донесенія Северина и письма Булгакова даютъ намъ ясное представленіе о томъ вмѣшательствѣ русскихъ представителей въ дѣла княжествъ, на которое жаловались турки и которое, благодаря пріемамъ турецкаго управленія и способамъ хозяйничанья господарей - фанаріотовъ, являлось лишь логическимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ наступательнаго движенія россійской державы на мусульманскій міръ, въ ту пору еще несомнѣнно грозный, охватывавшій всю ея юго-западную границу.

Если принять въ соображеніе, что сто лѣтъ тому назадъ не было не только телеграфа, но что и правильное почтовое сообщеніе было далеко не обезпечено, а въ самой Турціи

[1] Съ 1785 года русскій генеральный консулъ избралъ постоянною резиденціею Валахію, въ Яссы лишь наѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году и перебрался туда окончательно въ 1792 г., оставивъ въ Букарестѣ вице-консула. За промежутокъ времени съ 1785 по день объявленія войны вице-консуломъ въ Яссахъ былъ маіоръ Иванъ Лаврентьевичъ Селунскій, причинявшій, какъ мы увидимъ, не мало хлопотъ и господарю, и Портѣ, и собственному начальству.

движенiе курьеровъ и почтальоновъ просто опасно; что, поэтому, всякiя приказанiя и инструкцiи петербургскаго начальства могли въ иныхъ случаяхъ доходить слишкомъ поздно,—нельзя не помянуть добрымъ словомъ первыхъ представителей русской власти на турецкомъ востокѣ, которыхъ обстоятельства вынуждали порою дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, не дожидаясь указаний начальства, и заточенiемъ если не головою отвѣчавшихъ за возникавшiя недоразумѣнiя и выносившихъ на своихъ плечахъ всю тяготу ежедневныхъ сношенiй съ правителями страны, гдѣ проволочка дѣлопроизводства чередовалась съ слишкомъ быстрою, нерѣдко кровавою, расправою. Не говоря, конечно, о тысячахъ нашихъ воиновъ, сложившихъ свои головы на поляхъ брани съ «басурманами», имъ, этимъ пiонерамъ русскаго дѣла въ имперiи османовъ, обязаны мы нашими послѣдующими успѣхами, а христiанскiя государства, значащiяся нынѣ на картѣ восточной Европы, своимъ освобожденiемъ изъ-подъ власти «нечестивыхъ агарянъ»...

Блистательно завершивъ переговоры объ окончательномъ присоединенiи Крыма подписанiемъ, 28-го декабря 1783 года, такъ называемаго Константинопольскаго акта, Булгаковъ спѣшилъ извѣстить о томъ Северина [1]. «Имѣю удовольствiе сообщить вашему высокоблагородiю, что крымское дѣло совершенно мною кончено, точно по волѣ высочайшаго двора... Симъ образомъ миръ возстановленъ, прежнiе трактаты подтверждены, кромѣ артикуловъ, говорящихъ о татарахъ [2]), кои на вѣки уничтожены, и послѣднiя наши распри съ Портою кончены».

[1] 1-го января 1784 г.

[2] Ст. 3 Кючюкъ-Кайнарджiйскаго договора и Convention Explicative 1780 года признавали за крымскими татарами право независимаго правленiя.

Но не однимъ устройствомъ крымскихъ дѣлъ могъ справедливо гордиться Булгаковъ. Попеченіе о судьбѣ придунайскихъ княжествъ поставлено ему было въ предметъ постоянныхъ заботъ; усиленныя домогательства его въ этомъ направленіи передъ Портою закончились вскорѣ столь-же успѣшно.

«Объ окончаніи мною дѣлъ вы уже извѣстны изъ предидущаго моего (письма) [1]. При возстановленіи мира одержалъ я тако-жъ и требованныя выгоды для молдавскаго и воложскаго княжествъ. Вскорѣ отправится къ господарямъ Хатышерифъ (гатти-шерифъ), въ коемъ не только прежній таковой-же во всемъ подтвердится, но и новыя высочайшимъ дворомъ одержанныя выгоды внесутся. Остается теперь господарямъ и обывателямъ обоихъ княжествъ, моля Всевышняго за свою спасительницу, въ покоѣ пользоваться доставляемымъ ею благоденствіемъ и великодушіе ея прославлять въ роды родовъ» [2].

Появленіе гатти-шерифа не заставило себя долго ждать, и 1-го марта того-же 1784 г. Булгаковъ посылаетъ экземпляръ его Северину при короткомъ письмѣ, въ которомъ поручаетъ послѣднему внушить господарямъ, «что теперь единственно зависитъ отъ нихъ привести области имъ ввѣренныя въ цвѣтущее состояніе, не выпуская изъ памяти, что и они и княжества ихъ обязаны своимъ благоденствіемъ матернему ея (императрицы) объ нихъ попеченію, и стараясь быть оною достойными и впредбудущія времена. Особливо надлежитъ сказать молдавскому господарю [3], что непріятели старалися его лишить мѣста, но я то предуспѣлъ отвратить, ибо узналъ о томъ заблаговременно. По сему они, господари, сами су-

[1] Въ приводимыхъ нами дословныхъ выдержкахъ изъ депешъ Булгакова и Северина оставлена подлинная орфографія.

[2] Булгаковъ — Северину 15 января 1784 г.

[3] Александру Константиновичу Маврокордато, по прозвищу Дели-бей (сумасшедшій), смѣщенному Портою въ 1785 году.

дить могутъ, сколь имъ нужно быть со мною въ сношеніи, отъ котораго столь сильно они и ихъ капи-кегаи [1] до нынѣ уклонялись».

Въ гатти-шерифѣ [2], о которомъ идетъ рѣчь, изданномъ вслѣдствіе усиленныхъ настояній русскаго посланника, перечисляются разныя улучшенія, вводимыя въ управленія княжествами, и опредѣляется точно размѣръ податей и ежегодно платимой дани. Но особенное для насъ значеніе этого акта заключалось въ обѣщаніи, которое давалъ султанъ, «согласно обязательствамъ, принятымъ Портою по отношенію къ имперіи Россійской», не смѣщать господарей, иначе какъ если будетъ очевидно или доказано, что они совершили какое-либо преступленіе. Исполнить это обѣщаніе султану оказалось, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, не по силамъ; съ одной стороны, интриги фанаріотовъ, добивавшихся княженія въ Молдавіи или Валахіи исключительно ради наживы, а съ другой—раздраженіе, испытываемое султаномъ и его совѣтниками, тяготившимися опекою и контролемъ русскаго посланника, были причиною тому, что помянутый гатти-шерифъ остался почти мертвою буквою и что господари смѣнялись Портою по прежнему, какъ-бы умышленно наперекоръ желанію Булгакова.

Господари-фанаріоты мало проникались передаваемыми имъ Северинымъ совѣтами русскаго посланника заняться устроеніемъ княжествъ и дорожить покровительствомъ русской державы. «Господарь [3],—пишетъ Северинъ Булгакову изъ Яссъ [4],— болѣе прежняго опасается имѣть со мною тѣсное сношеніе, говоря, что всѣ дальные разговоры по политическимъ цѣлямъ не можетъ уважать, ибо судя по повелѣ-

[1] Повѣренные господарей при Портѣ.

[2] Отъ 15-го февраля 1784 года.

[3] Александръ Маврокордато, Дели-бей.

[4] 1-го апрѣля 1784 года.

ніямъ Порты явно видно, что выгоды доставленные княжеству, ни къ чему не послужатъ. Беневени [1] увѣрялъ меня, что никогда Порта не здержитъ даннаго обѣщанія, и князь болѣе прежняго находится въ опасности лишиться мѣста чрезъ умноженія его непріятелей».

Такъ относился къ русскому консулу господарь, за котораго хлопоталъ Булгаковъ, когда Порта хотѣла его смѣнить. Можно себѣ представить, каково было поведеніе господарей, когда до нихъ доходили свѣдѣнія о томъ, что русскій представитель при Портѣ домогается ихъ смѣны. Нрава неукротимаго, алчности безпредѣльной, молдавскій господарь Маврокордато тяготился контролемъ консула и всячески старался умалить значеніе послѣдняго въ глазахъ населенія, въ увѣренности, что такой образъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ Порты [2]. Онъ не ошибался въ разсчетѣ, такъ какъ дружескія представленія Булгакова о необходимости укротить сумасброднаго князя въ теченіе долгаго времени оставались безъ результата. Въ началѣ посланникъ надѣялся на то, что господарь образумится. Отвѣчая Северину на донесеніе, въ которомъ послѣдній жалуется на непристойную брань, съ которою господарь на него обрушился во время переговоровъ о формальностяхъ признанія маіора Селунскаго вице-консуломъ въ Молдавіи, Булгаковъ пишетъ (1-го января 1785 г.): «Сумасшествіе молдавскаго господаря всѣмъ извѣстно; но отъ

[1] Секретарь господаря.

[2] Северинъ пишетъ Булгакову 1-го апрѣля 1784 г.: «Вчерась день праздника Святой Пасхи, сдѣлавъ по утру визитъ молдавскому господарю и возвращаясь домой я, къ немалому моему удивленію, нашелъ оной окруженъ людьми, которые, падая на колѣни, просили моего домогательства у господаря, дабы имъ позволено было имѣть качелей, почему... послалъ я къ нему просить о удовольствованіи народа, но онъ разгорячась... приказалъ тотчасъ же разломать оные... :Мнѣ же велѣлъ отвѣчать, что если бы прибѣгли къ нему, то могъ бы позволить, но когда учинили то россійскому консулу, то снизойти не можетъ...»

сумасбродныхъ и требовать нельзя, чтобы они тѣмъ же порядкомъ дѣлали дѣла, какъ люди въ полномъ разумѣ, а довольно и того, ежели дѣлаютъ оные, не выходя изъ границъ благопристойности и, хотя на переломъ, но исполняютъ требуемое. Можетъ быть совѣтники разгорячили господаря; можетъ быть имѣетъ онъ какое либо личное негодованіе на г. Селунскаго; но все сіе не препятствуетъ отдать ему ферманъ и ввести вице-консула въ отправленіе его должности. Уповаю, что онъ исполнитъ все предписанное въ ферманѣ Порты; а ежели-бъ произошло какое сопротивленіе... то прошу дать мнѣ знать, дабы я отсюда поведеніе его могъ поправить».

Очевидно, Маврокордато «произвелъ сопротивленіе», такъ какъ мѣсяцъ спустя (1-го февраля 1785 г.) Булгаковъ увѣдомляетъ Северина, что «стараніе мое о наказаніи молдавскаго господаря сверженіемъ его конечно удостоится апробаціи, ибо получилъ я уже повелѣніе тому не препятствовать; а сія смѣна, я думаю, и боярамъ откроетъ глаза, что слово намъ только сказать (чтобы) въ ничто обратить князя, ежели онъ дурно себя поведетъ и что не могутъ они себѣ инаго благодѣнствія ожидать, какъ отъ насъ, а потому и должны стараться быть защищенія нашего достойными».

Настаивать на смѣщеніи господарей недостойныхъ, грабящихъ край, ввѣренный ихъ управленію и всячески уклоняющихся отъ представленій русскаго консула, поддерживать тѣхъ изъ нихъ, которые мало-мальски порядочны и дорожатъ покровительствомъ русскаго двора—такова была главнѣйшая забота Булгакова въ теченіе всего времени, предшествовавшаго второй турецкой войнѣ.

Едва освободился онъ отъ Маврокордато Дели-бея, замѣщеннаго Александромъ Іономъ Маврокордато, человѣкомъ нрава тихаго и несомнѣнно преданнаго Россіи, какъ ему пришлось отстаивать какъ послѣдняго, такъ и валахскаго

господаря Михаила Суцо (по прозвищу Драко). Султанъ непремѣнно желалъ смѣстить одного изъ нихъ, котораго—ему было беразлично, чтобы предоставить одно изъ княжествъ покровительствуемому капитанъ-пашею [1] фанаріоту Николаю Мавроени [2], драгоману адмиралтейства.

«Мавроени вздумалъ быть господаремъ, писалъ Булгаковъ Северину 1-го іюля 1785 г. Капитанъ-паша ему то обѣщалъ и выпросилъ у султана соизволеніе. Сперва хотѣли смѣнить молдавскаго, но Порта воспротивилась. Потомъ напали на волохскаго, но я возпрепятствовалъ. Нѣтъ адскихъ каверзъ, коихъ Мавроени не употребилъ. По сю пору я верхъ одержалъ и думаю, что данное мнѣ увѣреніе министерства устоитъ. Пожалуйте разскажите сіе господарю [3]. Для вашего свѣдѣнія прилагаю при семъ всю исторію, которую можете вы прочесть и князю секретно, дабы онъ видѣлъ, сколь много мы его протежируемъ и сколь много обязанъ онъ Россіи. Сіе заставитъ его быть намъ навсегда преданнымъ... Можете вы таковое внушеніе и молдавскому здѣлать, не сообщая однако бумаги. Теперь они могутъ на долго быть спокойны, ибо изо всего видно, что Порта не смѣла и, слѣдовательно, не посмѣетъ ихъ безъ меня смѣнить».

Бумага, которую Булгаковъ сообщаетъ Северину для его свѣдѣнія, написана по-французски и озаглавлена «Narration de ce qui s'est passé à l'occasion des intrigues de Maurojeni, drogman de l'amirauté, pour devenir Prince de Moldavie ou de Valachie [4]». Она заключаетъ въ себѣ рапорты драгомана

[1] Начальникъ турецкаго флота (въ ту пору извѣстный по чесменскому дѣлу Гассанъ-Паша).

[2] Менѣе года спустя все-таки добившемуся господарства въ Валахіи.

[3] М. Суцо. Северинъ жилъ въ то время въ Букарестѣ.

[4] «Повѣствованіе о томъ, что произошло по случаю интригъ Мавроени, драгомана адмиралтейства, добивавшагося быть княземъ Молдавіи или Валахіи».

русской миссіи Пизани посланнику Булгакову и замѣтки послѣдняго о томъ, что имъ лично было сдѣлано по этому дѣлу.

Приводимъ этотъ интересный документъ (въ переводѣ) почти цѣликомъ, такъ какъ изъ него можно познакомиться основательно не только съ обстановкою избранія господарей, вступленія ихъ въ должность и ихъ взглядовъ на княженіе, но и съ условіями, при которыхъ русскому посланнику приходилось въ ту пору вести переговоры по вопросамъ, интересовавшимъ не одного султана и его министровъ, но и иностранныхъ пословъ.

Рапортъ старшаго драгомана Пизани отъ 25-го мая.

Услыхавъ, что сегодня или завтра Мавроени будетъ сдѣланъ княземъ Молдавіи или Валахіи, но не успѣвъ предупредить о томъ ваше превосходительство и испросить приказаній и не сомнѣваясь въ томъ, что вы найдете умѣстнымъ запросить о томъ Порту, я сказалъ сегодня утромъ реисъ-ефенди нижеслѣдующее: уже нѣсколько дней носится слухъ, что Порта собирается смѣстить одного изъ князей, чтобы замѣнить его Мавроеніемъ; но такъ какъ этотъ слухъ казался нелѣпымъ, то мы не сдѣлали никакого шага. Нынѣ же слухъ этотъ публично подтверждается не только всѣми посвященными въ дѣла, но и пріятелями Мавроени. Хотя я не успѣлъ еще заручиться приказаніями моего посланника, но зная что онъ лишь поддержитъ меня въ моемъ шагѣ, я рѣшился заговорить объ этомъ прежде всего съ министромъ Порты и предупредить, что на такую перемѣну, ничѣмъ не обусловленную, посмотрятъ какъ на нарушеніе обязательствъ существующихъ между двумя имперіями. Я позволяю себѣ напомнить, что княжества Молдавіи и Валахіи были возвращены ея императорскимъ величествомъ всемилостивѣйшею государынею Оттоманской Портѣ, подъ непремѣнными дого-

ворными условіями, въ числѣ которыхъ находится обязательство (для Порты) не мѣнять постоянно господарей, чтобы не тревожить населеніе, и смѣщать ихъ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго совершенія ими преступленія. Порта, до начала войны, когда эти условія еще не существовали, не трогала господарей въ теченіи 5, 6 и 7 лѣтъ, а теперь, какъ нарочно, нарушаетъ принятыя обязательства... что можетъ только испортить доброе согласіе. Поэтому считаю своимъ долгомъ предупредить о необходимости воздержаться отъ такого рѣшенія въ такое время, когда ничего нельзя сказать противъ поведенія нынѣшнихъ господарей.

Рейсъ-ефенди отвѣтилъ мнѣ, что онъ ничего о томъ не знаетъ, но слышитъ со всѣхъ сторонъ, что князья притѣсняютъ населеніе. Я возразилъ, что не удивительно, если онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ и не причастенъ къ нему, что это, по всей вѣроятности, происки капитанъ-паши, дѣйствующаго за-одно съ муфти и не спросившаго Порту. Что касается свѣдѣній о томъ, какъ князья притѣсняютъ населеніе, то это клевета: понуждаемые требованіями Порты, они не иначе могутъ удовлетворить ея вымогательствъ, какъ обременяя подданныхъ; новые князья, дорого заплативъ за полученіе должности, вслѣдствіе необходимости откармливать (engraisser) нѣкоторыхъ фаворитовъ двора, очевидно должны будутъ раззорять жителей княжествъ... Если же, наоборотъ, нынѣшнихъ князей оставятъ на нѣсколько лѣтъ, то они уплатятъ громадные долги, которые они сдѣлали, чтобы получить господарство и не окажутся вынужденными раззорять жителей...

Реисъ-ефенди выслушалъ меня со вниманіемъ и заявилъ, что еще переговоритъ со мною объ этомъ.

Замѣтка Булгакова. 26-го (мая) я былъ у великаго визиря съ визитомъ и просилъ драгомана Порты сказать рейсъ-ефенди, что хотя Пизани говорилъ лишь на основаніи

моихъ прежнихъ инструкцій, но что я подтверждаю все, что онъ сказалъ, и повторяю: все, что собираются сдѣлать относительно господарей, будетъ сочтено моимъ дворомъ за нарушеніе договоровъ и нельзя приступать къ этому дѣлу безъ моего согласія. Вслѣдъ затѣмъ я отправился къ англійскому послу. Онъ мнѣ много говорилъ о Мавроени, увѣряя, что если я соглашусь на его назначеніе, онъ будетъ рабомъ моего двора и будетъ дѣлать все, что мы пожелаемъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я поговорилъ съ племянникомъ Мавроени или, по крайней мѣрѣ, чтобы я принялъ письмо, которое мнѣ Мавроени пишетъ. Я все отклонилъ, заявивъ, что все это безполезно, ибо не могу согласиться на нарушеніе договоровъ, опасное для мира, поддерживать который мнѣ стоитъ большого труда и что мой дворъ не потерпитъ подобнаго образа дѣйствій. Затѣмъ я его оставилъ.

Рапортъ Пизани отъ 26-го мая.

Лишь только ваше превосходительство оставили Перу [1], чтобы вернуться въ Буюкдере [2], къ моему величайшему удивленію, ко мнѣ явился племянникъ Мавроени, въ сопровожденіи моего брата [3], заявляя, что онъ имѣетъ переговорить со мною по секрету объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Предувѣдомленный къ счастію вашимъ превосходительствомъ о томъ, что произошло между вами и англійскимъ посломъ, я отвѣтилъ, что мнѣ слушать рѣшительно нечего и удивляюсь, что посолъ, слышавшій отвѣтъ вашего превосходительства, вздумалъ обратиться ко мнѣ. Видя, что я обращаюсь съ нимъ рѣзко, племянникъ Мавроени сказалъ мнѣ, что онъ пришелъ съ согласія и съ одобренія Порты. Я отвѣтилъ

[1] Европейскій кварталъ Константинополя.

[2] Лѣтняя резиденція русскаго посла на Босфорѣ.

[3] Драгомана-секретаря англійскаго посольства.

ему съ твердостью, что не признаю его должностнымъ лицомъ Порты, которая, если имѣетъ что-либо сообщить моему посланнику, должна дѣйствовать обычнымъ путемъ, или позвать меня къ рейсъ-ефенди или отправить къ нему своего драгомана. Отославъ племянника Мавроени я укорилъ моего брата въ томъ, что онъ взялъ на себѣ подобное порученіе. Я узналъ отъ него, что послѣ отказа вашего превосходительства принять письмо отъ Мавроени, помянутый племянникъ послѣдняго, быть можетъ по совѣту англійскаго посла, хотѣлъ послать вамъ письмо въ Буюкдере, съ тѣмъ, чтобы вы его получили неожиданно; письмо это заключаетъ въ себѣ извѣщеніе о томъ, что онъ назначенъ господаремъ, что ему остается получить лишь инвеституру и что, въ доказательство его вниманія ко мнѣ, онъ считаетъ необходимымъ о томъ предупредить.

Замѣтка Булгакова. Дѣйствительно, ночью того же 26-го мая, мнѣ докладываютъ о приходѣ одного грека съ письмомъ изъ англійскаго посольства; послѣ нѣкоторыхъ колебаній грекъ сознался мнѣ, что письмо отъ Мавроени и что оно отправлено изъ англійскаго посольства. Я его прогналъ, заявивъ, что зная содержаніе письма не могу его получить. Я извѣстилъ объ этомъ прежде всего Пизани, который былъ въ городѣ.

Рапортъ Пизани отъ 27-го мая.

Послѣ того какъ я отправилъ вчерашній мой рапортъ, ко мнѣ пришелъ писарь Мавроени, Кондили (грекъ съ острововъ; былъ сержантомъ въ нашемъ флотѣ, монахомъ, нѣсколько разъ мѣнялъ вѣру, многоженецъ и извѣстный, какъ величайшій негодяй изъ всѣхъ здѣшнихъ грековъ) и заявилъ, что имѣетъ сообщить мнѣ тайну. Я попросилъ его меня отъ этого избавить, такъ какъ знаю въ чемъ дѣло; онъ же увѣрялъ меня, что это не то, что я думаю, назойливо приста-

валъ съ тѣмъ, чтобы я его выслушалъ и, несмотря на всѣ старанія мои отъ него отдѣлаться, продолжалъ говорить о желаніи Мавроени вступить со мною въ сношенія. Я ему отвѣтилъ, что это никакъ не возможно, и онъ не переставалъ повторять, что я долженъ согласиться на свиданіе съ Мавроени, ибо отъ этого зависила жизнь какъ самого Мавроени, такъ и его семейства. Отвѣтомъ моимъ было то, что или онъ (Кондили) или тотъ, кто его послалъ, растерялъ мозги и что я прошу, чтобы онъ меня оставилъ въ покоѣ. Несмотря на все это, онъ продолжалъ говорить и заявилъ, что султанъ письменно далъ приказаніе сдѣлать Мавроени господаремъ, но что нельзя было облачить его въ кафтанъ [1] безъ нашего согласія, что отъ исхода этого дѣла зависѣла его (Мавроени) честь и т. п. Я ему заявилъ, что онъ безумствуетъ, говоря такимъ образомъ, чтобы онъ убирался, а онъ все продолжалъ, утверждая, что все зависитъ отъ меня и что я могу раздобыть согласіе на возведеніе его въ господари; если же я не желаю видѣть Мавроени, то самъ капитанъ-паша придетъ ко мнѣ инкогнито, ибо дѣло это близко его касается. (Затѣмъ Пизани разсказываетъ, что Кондили, котораго онъ едва выжилъ, снова вернулся черезъ нѣкоторое время и приходилъ даже ночью). Доношу о всѣхъ этихъ дрязгахъ, чтобы показать, до какой степени Мавроени потерялъ голову; онъ человѣкъ опасный, и очевидно, мы одни служимъ препятствіемъ въ его дѣлѣ.

Замѣтка Булгакова. Потерпѣвъ неудачу у драгомана Пизани, помянутый Кондили явился ко мнѣ просить моихъ приказаній Пизани вступить въ сношеніе съ Мавроени. Я ему отвѣтилъ, что если по дѣлу княжествъ, то это безполезно и не можетъ имѣть мѣста, если только Порта не желаетъ навлечь на себя войны изъ любви къ Мавроени. Онъ долго

[1] Кафтанъ надѣвался во время церемоніи инвеституры.

ко мнѣ приставалъ заявляя, что никакого нарушенія трактатовъ нѣтъ, что имѣются жалобы на валахскаго князя, что султаномъ уже издано три гатти-шерифа и т. п. Онъ (Кондили) ничего не добился и долженъ былъ уйти.

Рапортъ драгомана Пизани отъ 27-го мая.

Драгоманъ Порты исполнилъ порученіе, вчера ему вами данное. (Пизани разсказываетъ далѣе, какъ онъ отправился въ Порту, гдѣ имѣлъ продолжительную бесѣду съ рейсъ-ефенди, въ присутствіи кегая-бея [1]). Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе на нихъ произвелъ мой разсказъ и до какой степени они разбѣсились на Мавроени, когда я имъ сказалъ, что онъ утверждаетъ черезъ своего племянника, будто дѣйствуетъ съ согласія Порты. Окончивъ мое повѣствованіе я сказалъ этимъ министрамъ, что вы желаете знать, дѣйствительно ли съ согласія Порты Мавроени рѣшился на такой поступокъ, что для васъ все равно кто князь въ Валахіи, онъ или другой, но что смѣна господаря—дѣло государственное, которое, вмѣстѣ съ разными другими дѣлами, какъ синопское, канейское и др. можетъ быть сочтено нашимъ дворомъ за нарушеніе Портою трактатовъ, что онъ не потерпитъ. Названные министры торжественно протестовали, увѣрили, что они ничего не знаютъ объ обращеніи Мавроени къ вашему превосходительству, что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Порта не прибѣгнетъ къ подобнымъ путямъ, если имѣетъ что-либо вамъ сообщить, а чтобы убѣдить васъ въ истинѣ всего этого дѣла, они даютъ мнѣ нижеслѣдующія разъясненія: Мавроени вбилъ себѣ въ голову сдѣлаться господаремъ Валахіи, и капитанъ-паша, взявшись за это дѣло, испросилъ этой милости у верховнаго визиря, который, посовѣтовавшись съ

[1] Сановникъ Порты, завѣдывавшій дѣлами княжествъ и прочихъ вассальныхъ областей.

министерствомъ, отвѣтилъ капитану-пашѣ, что княжества Молдавіи и Валахіи,—какъ онъ самъ долженъ знать,—находятся подъ дѣйствіемъ соглашеній между двумя имперіями, вслѣдствіе чего нельзя мѣнять господарей безъ законной причины и что поэтому онъ не можетъ согласиться на его просьбу. Они предполагаютъ, что Мавроени, въ виду отказа Порты и потерявъ надежду получить господарство по милости министерства, которое вовсе не расположено давать хотя бы малѣйшій поводъ неудовольствія императорскому двору, ради поддержки какой нибудь собаки Мавроени, вздумалъ прибѣгнуть къ вашему превосходительству для полученія княжества при вашемъ посредствѣ.

Затѣмъ, помянутые министры поручили мнѣ увѣрить васъ, что Мавроени не будетъ сдѣланъ господаремъ, что Порта не имѣетъ намѣренія смѣнить нынѣшняго князя и что вы можете быть болѣе чѣмъ убѣждены въ нежеланіи Порты сдѣлать что-либо противное трактатамъ и вступать въ препирательство, чтобы угодить какому-то Мавроени.

Таковъ благополучный исходъ этого непріятнаго дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что капитанъ-паша добился обѣщанія султана, но послѣдній, получивъ рапортъ министерства, составленный послѣ нашихъ настояній, отъ такого обѣщанія отступился, а министерство, враждебно настроенное противъ Мавроени и даже, быть можетъ, противъ его покровителя, съумѣло воспользоваться у монарха вашими представленіями для того, чтобы разстроить затѣянное дѣло, которое, къ тому же, противно существующему порядку, ибо не было примѣровъ, чтобы драгоманъ флота попадалъ въ господари».

Настоянія русскаго посольства удержали султана отъ смѣны одного изъ господарей безъ всякой законной причины, лишь въ угоду покровительствуемаго капитаномъ-пашою фанаріота Мавроени. Хорошо зная людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, Булгаковъ не скрывалъ опасеній относи-

тельно ближайшаго будущаго. «Боюсь—писалъ онъ въ концѣ приведеннаго документа, сообщеннаго Северину,—что Мавроени примется за козни и будетъ добиваться присылки изъ Валахіи имъ же сочиненныхъ жалобъ на князя [1] и что дѣло снова возникнетъ. Мавроени противъ насъ взбѣшенъ и будетъ дѣлать придирки нашему мореплаванію. Я велѣлъ пересказать мои опасенія рейсу-ефенди, потому что въ сущности не боюсь ни одного изъ этихъ послѣдствій; но если только министерство (Порты) настолько сильно, чтобы, воспользовавшись даннымъ случаемъ, сломать шею этому проклятому человѣку, то оно поступило бы очень хорошо и избавило бы себя отъ большихъ непріятностей въ будущемъ. Человѣкъ, который злоупотребляетъ именемъ своего государя, чтобы обмануть посланника другого монарха ради личной выгоды (что ему впрочемъ не удалось), заслуживаетъ висѣлицы въ любой странѣ» [2].

[1] Обычный пріемъ, предшествовавшій смѣнѣ господаря, когда не имѣлось какой-либо важной и законной причины къ его удаленію.

[2] Въ издаваемомъ румынскою академіею сборникѣ документовъ, относящихся до исторіи Румыніи (Suplement I volum. II, стр. 37), мы нашли слѣдующую депешу французскаго посла при Портѣ Шуазеля министру Верженю.

27-го января 1786 года.

(Переводъ). «Когда прошлымъ лѣтомъ султанъ пріѣхалъ провести день на дачѣ капитана-паши, послѣдній бросился въ ноги его величеству и попросилъ для своего драгомана валахское княжество. Султанъ, по своему обыкновенію, тотчасъ же на это согласился и далъ свое императорское слово на другой же день смѣстить валахскаго господаря, на котораго не имѣлось никакихъ жалобъ, и назначить на его мѣсто Мавроени; но когда онъ приказалъ заготовить гатти-шерифъ, его министры представили ему объ опасности такой перемѣны, которой они не совѣтовали, и онъ вполнѣ съ ними согласился. Всѣ знатныя греческія семьи, несмотря на ненависть, которая ихъ всегда раздѣляетъ, соединили усилія съ цѣлью помѣшать крестьянину изъ Архипелага отнять у нихъ должность, на которую они всегда смотрѣли, какъ на свое достояніе, и сдѣлали складчину для убѣжденія дивана въ неспособности Мавроени. Тѣмъ не менѣе послѣдній, не отчаяваясь еще въ своемъ возвышеніи, пожелалъ заручиться отказомъ Россіи тому

Господари, Михаилъ Суцо въ Валахіи и Маврокордато въ Молдавіи, усидѣли благодаря настояніямъ русскаго посольства на своихъ мѣстахъ. Но Мавроени былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ своего замысла; поддерживаемый могущественнымъ въ ту пору капитаномъ-пашою, а слѣдовательно и самимъ султаномъ, онъ продолжалъ свои козни. Но кромѣ Мавроени были и другіе искатели господарскаго престола, и въ теченіе десяти мѣсяцевъ Булгакову приходится единоборствовать и съ Портою и съ покровителями этихъ искателей, хотя онъ самъ уже сомнѣвался въ успѣхѣ. Отвѣчая Северину на донесеніе, въ которомъ послѣдній передаетъ просьбу господарей освободить ихъ отъ предъявленнаго имъ Портою требованія построить по фрегату, онъ пишетъ ему (1-го ноября 1785 года): «..... радъ-бы я былъ помочь господарямъ въ отвращеніи построенія фрегатовъ, но

воспрепятствовать и пришелъ ко мнѣ за совѣтами, отъ подачи которыхъ я тщательно воздержался; но англійскій посолъ, менѣе осторожный или болѣе угодливый, предложилъ ему, вмѣстѣ съ положительнѣйшими увѣреніями въ успѣхѣ, свои услуги, которыхъ никто отъ него не требовалъ, и весьма шумно и неловко обратился съ предложеніями къ г. Булгакову, которыя этотъ министръ досадливо отвергъ. Когда эта неловкая попытка стала извѣстна, онъ счелъ даже нужнымъ еще сильнѣе выразить свое негодованіе. Въ нотѣ, врученной Портѣ, онъ объявилъ, что его повелительница никогда не потерпитъ возведенія Мавроени и что, довольная поведеніемъ нынѣшняго господаря, она требуетъ сохраненія его въ его званіи.

«Дѣло оказалось безусловно потеряннымъ, но оно возобновится. Мавроени, соединяющій съ умомъ непоколебимую смѣлость, съумѣлъ увѣрить своего господина, что честь послѣдняго требуетъ добиться милости, публично у него отнятой, а Гассанъ-паша (капитанъ-паша) мнѣ самому сказалъ, что рано или поздно онъ съумѣетъ отмстить за это оскорбленіе.

«Я не сомнѣваюсь, милостивый государь, что русскій дворъ воспротивится этой перемѣнѣ въ виду широкаго толкованія, которое онъ даетъ статьямъ договоровъ, могущихъ быть полезными его видамъ. Впрочемъ, нынѣшній валахскій господарь перевелъ въ С.-Петербургъ (?) значительныя суммы; говорятъ, что ему сильно покровительствуетъ г. Булгаковъ, поведеніе котораго несомнѣнно весьма одобряется императрицею, такъ какъ она осыпаетъ его милостями».

никакого слѣда къ тому не вижу и стараніемъ моимъ нанесъ бы имъ только бѣду. Я, гдѣ только можно, имъ помогаю, а ежели бы преданность ихъ [1] соотвѣтствовала во всемъ нашему объ нихъ усердію, то бы они и княжества не были такъ разорены... На письмо его (господаря) не отвѣчаю, потому что сказать нечего, кромѣ увѣреній, о коихъ онъ сумлѣваться не можетъ. Сему въ доказательство скажу, что едва его не смѣнили. Отвратя сію тучу, напали на воложскаго господаря. Мурузи нашелъ у визиря и въ76 сералѣ каналъ, и Драко [2] конечно бы уже былъ смѣненъ, ежели-бъ я о томъ не узналъ въ самый день назначенной къ перемѣнѣ, и не здѣлалъ представленія, которое сколь не сильно министерство опровергало, но наконецъ не осмѣлилось поступить теперь на смѣну. Не знаю, что будетъ впередъ, но кажется стараются, чтобъ на господаря присланы были сюда жалобы. Прошу ему все сіе пересказать и увѣрить, что я не пощажу моихъ стараній; но самъ не увѣренъ, не смѣнятъ ли они его изъ подтиха прежде, нежели я узнаю, не уважая ничего будущаго, ибо здѣсь никто о благѣ государства не помышляетъ. О всѣхъ моихъ нынѣшнихъ подвигахъ въ сей попыткѣ, которая сильнѣе и опаснѣе была Мавроеніевой, пишу я и ко двору».

Нѣкоторое время спустя, получивъ желаемыя инструкціи изъ Петербурга, Булгаковъ писалъ Северину [3]: «Отъ высочайшаго двора имѣю я повелѣніе вновь насланное съ похвалою воложскому господарю о препятствованіи смѣны и его

[1] Северинъ доносилъ Булгакову (4-го октября 1785 г.), что молдавскій господарь особенно преданъ русскому двору: «обнадеживая о своей ко двору нашему преданности онъ просилъ о томъ къ вашему превосходительству отписать и, зная уваженіе, каковое нынѣ имѣетъ Порта ко двору, уповаетъ, что посредствомъ вашимъ многое можетъ быть уничтожено, яко противное сенеду и выданному хати-шерифу».

[2] Прозвище валахскаго господаря Михаила Суцо.

[3] 15-го марта 1786 года.

именно и вообще обоихъ господарей, которое, конечно, и употреблю всѣ силы исполнить. Хотя капитанъ-паша и представилъ своего драгомана Мавроенія въ воложскіе господари, на совѣтѣ 26-го февраля, но какъ въ первомъ жару того не здѣлали, то думаю и не здѣлаютъ, а по меньшей мѣрѣ теперь о смѣнѣ и совсѣмъ говорить перестали. Прошу о всемъ ономъ господарю сказать...»

Булгаковъ ошибался, сообщая Северину, что «о смѣнѣ и совсѣмъ говорить перестали», нѣсколько дней по отправленіи выше приведеннаго письма, Михаилъ Суцо былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Николай Мавроени.

«31-го числа (марта) [1] прибыли сюда два капи-оглана [2]: одинъ къ нему (господарю) отъ его капи-кехая, а другой въ метрополію съ ферманомъ, который вскорѣ потомъ читалъ въ полномъ собраніи дивана. Порта въ немъ вызывается, что будучи она довольна верною его службою и безкорыстнымъ управленіемъ ввѣренной ему земли, но снизойдя на собственное его прошеніе и уважая болѣзненное его состояніе и труды понесенные по ея службѣ, жалуетъ ему покой и повелѣваетъ боярамъ содержать и выпроводить его съ полною честью».

Происки Мавроени, какъ мы видимъ, увѣнчались успѣхомъ, а Порта, во избѣжаніе отвѣтственности передъ русскимъ правительствомъ за нарушеніе трактата, заручилась прошеніемъ бывшаго господаря объ увольненіи его по болѣзни отъ службы. Очевидно, что Суцо написалъ и представилъ такое прошеніе подъ сильнѣйшимъ давленіемъ, исходившимъ отъ самого султана, и устрашенный угрозами покровителей Мавроени. При свиданіи съ Северинымъ смѣнен-

[1] Сообщаетъ Северинъ Булгакову изъ Букареста донесеніемъ отъ 6-го апрѣля.

[2] Мелкіе чиновники Порты, посылавшіеся съ фирманами и вообще исполнявшіе незначительныя порученія.

ный господарь, разсыпаясь въ увѣреніяхъ благодарности за дружеское съ нимъ обращеніе, поручилъ удостовѣрить посланника, что онъ никогда не забудетъ его «одолженій» и проситъ его «ежели еще есть время не столь сильно сопротивляться его смѣнѣ, ибо можетъ нанести ему вредъ и подвергнуть подозрѣнію» [1].

Обращеніе смѣненнаго господаря къ русскому посланнику съ просьбою не хлопотать о немъ весьма характерно: оно свидѣтельствуетъ о томъ, что христіанскимъ подданнымъ султана нужно было имѣть не мало гражданскаго мужества, чтобы дорожить покровительствомъ Россіи, несмотря на выговоренное ею торжественными договорами право на такое покровительство. Кромѣ того, оно указываетъ на смятеніе, овладѣвшее населеніемъ княжества, когда оно увидѣло, что защита, оказанная господарю Булгаковымъ, осталась безуспѣшною.

«Умолчать не смѣю, пишетъ Северинъ Булгакову [2], что въ городѣ (Букарестѣ) весьма много и громко о насъ говорятъ и удивляются, какимъ образомъ Порта смѣла поступить противъ трактатовъ, а не зная чѣмъ извиниться сказала въ ферманѣ, что господарь самъ требовалъ свой отзывъ по причинѣ болѣзни, когда совершенно выздоровѣлъ. Почти во всѣ сіи дни приступали ко мнѣ съ вопросами, примѣчая что съ тѣхъ поръ какъ дворъ нашъ началъ стараться о блаженствѣ ихъ земли, оная хуже стала, а со времени мира нѣтъ примѣра, чтобы одинъ князь въ другой разъ пріѣзжалъ. Словомъ сказать, многіе жмутъ плѣча и только на то смотрятъ, долго ли (новый господарь) пробудетъ на мѣстѣ и каково дворъ нашъ сіе произшествіе приметъ».

Булгакова это «произшествіе» задѣло за живое; положеніе его, какъ покровителя господарей, было поколеблено, и

[1] Северинъ—Булгакову 6-го апрѣля 1786 г.

[2] 20-го апрѣля 1786 года.

неудача въ защитѣ Михаила Суцо могла имѣть въ будущемъ неисчислимыя послѣдствія. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ долгомъ отнестись къ случившемуся съ крайнею сдержанностью. Сообщая Серевину о томъ, что «Порта учинила то скоропостижнымъ и тайнымъ образомъ», не снесясь съ нимъ и объявивъ лишь ему, что «поступила по волѣ самого Драка, приславшаго прошеніе объ отставкѣ», онъ прибавляетъ [1]: «для единственнаго вашего свѣдѣнія скажу вамъ, что я протестовалъ у Порты писменно, къ новому господарю не пошлю [2] и съ нимъ не увижусь; но вамъ для пользы дѣлъ надлежитъ обойтиться по обыкновенію и какъ бы вы ничего не знали, пока не воспослѣдуетъ какихъ повелѣній отъ высочайшаго двора, которому обстоятельно обо всемъ доношу. Едва ли не думаютъ здѣсь и о другомъ князѣ [3] ибо дѣло митрополита [4] разглашаютъ съ большимъ шумомъ и патріархъ принесъ на него жалобу, но протестъ мой думаю поудержать».

Въ ожиданіи инструкцій изъ Петербурга и воздерживаясь отъ предъявленія Портѣ какихъ-либо рѣзкихъ требованій относительно новаго господаря, незамедлившаго проявить крайнюю необузданность и алчность въ управленіи княжествомъ, Булгаковъ тѣмъ не менѣе хлопочетъ подъ рукою о его смѣнѣ, при содѣйствіи Северина. Послѣднему онъ поручаетъ побуждать бояръ, при соблюденіи величайшей осторожности, къ подачѣ жалобъ на Мавроени и Портѣ и русскому двору. Дѣятельность въ этомъ направленіи русскаго консула, несмотря на всѣ принимаемыя имъ мѣры предосторожности,

[1] Письмо отъ 1-го апрѣля 1786 г.

[2] Русскій посланникъ обыкновенно посылалъ своего драгомана съ привѣтствіемъ ко вновь назначавшемуся господарю и ко всякому высшему сановнику имперіи вообще, какъ великому визирю, патріарху и др.

[3] О Маврокордато, господарѣ молдавскомъ.

[4] Имѣвшаго столкновеніе съ господаремъ.

не могла, конечно, укрыться отъ господаря, который съ своей стороны всячески противодѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ Северину, жалуясь Портѣ на его вмѣшательства во внутреннія дѣла княжества. Между господаремъ, его правителями и Портою, съ одной стороны, и Булгаковымъ и Севериномъ, съ другой, завязалась упорная борьба, продолжавшаяся, безуспѣшно для послѣднихъ, до самой войны. Мавроени вначалѣ надѣялся склонить въ свою пользу Северина, угрожая ему въ дѣлахъ русскихъ торговцевъ; видя, что это не помогаетъ и зная, что Северинъ продолжаетъ возмущать противъ него бояръ, онъ попытался послѣдняго подкупить, предложивъ ему черезъ вестіара [1] Бранковала 40 мѣшковъ денегъ [2]. Попытка эта осталась безуспѣшною, равно какъ и подстрекательства подать на Северина коллективную со стороны бояръ жалобу. Съ этого момента Мавроени уже не стѣсняется открыто противодѣйствовать консулу, отказывая даже въ удовлетвореніи его законныхъ требованій въ дѣлахъ торговыхъ и защиты русско-подданныхъ и обвиняя его въ томъ, что подъ предлогомъ возвращенія бѣглыхъ, по его приказанію изъ Молдавіи выселяютъ въ Россію [3] «подъ палками» цѣлыя семьи турецко-подданныхъ христіанъ. Въ ожиданіи инструкцій изъ Петербурга, Булгаковъ, все еще съ нѣкоторою сдержанностью, представлялъ Портѣ о необходимости упорядочить поведеніе господаря. Порта отдѣлывалась разными объясненіями, увѣряя, между прочимъ, что неоднократно сама обращала вниманіе Мавроени на необходимость воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ пріемовъ управленія. Когда, наконецъ, Булгаковъ получилъ именное высочайшее

[1] Министра финансовъ княжества.

[2] Мѣшокъ равнялся 500 піастрамъ, піастръ = 55 коп. ассигнаціями. О попыткѣ подкупить Северина см. донесеніе его Булгакову отъ 23-го ноября 1786 года.

[3] Распоряженіями вице-консула въ Яссахъ маіора Селунскаго.

повелѣніе сдѣлать представленіе «о жестокомъ поведеніи Мавроенія и о умыслѣ его на жизнь разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ [1], онъ выступилъ рѣшительнѣе, но на предъявленное требованіе положить предѣлъ сумасбродному поведенію неукротимаго господаря получилъ снова уклончивый отвѣтъ [2], который, очевидно, удовлетворить его не могъ. «Дѣла здѣсь запутываются, пишетъ онъ Северину 1-го февраля 1787 года, и ненадежно, чтобы Мавроенія смѣнили. Чинятъ здѣсь великія приготовленія къ войнѣ или лучше къ отпору противъ насъ».

Порта дѣйствительно все менѣе и менѣе стѣснялась представленіями русскаго посланника по дѣламъ княжествъ вообще; незадолго передъ тѣмъ она безъ всякой причины смѣнила молдавскаго господаря Маврокордато, которымъ и населеніе и русскій дворъ были довольны [3].

Тѣмъ не менѣе Булгаковъ продолжалъ еще нѣкоторое время бороться съ турецкимъ министерствомъ изъ-за Мавроенія [4]; но уже это какъ бы послѣдня вспышка. Начиная съ марта 1787 года, въ своей корреспонденціи съ Соверинымъ онъ о господарѣ почти не упоминаетъ, а въ іюлѣ (22-го),

[1] Съ боярами Мавроени обращался крайне самоуправно и сурово и замыслилъ покончить съ нѣкоторыми изъ нихъ, подозрѣваемыми имъ въ отправленіи на него жалобъ и въ Петербургъ и въ Константинополь; объ этомъ Северинъ донесъ Булгакову, который не замедлилъ въ свое время заявить Портѣ о намѣреніяхъ господаря.

[2] «Реисъ-ефенди мнѣ отвѣчалъ... что Порта отправила къ нему (господарю) повелѣнія весьма суровыя и съ угрозами о исправленія его повеценія,.... что онъ во всемъ перемѣнился и гордость его противъ бояръ превратилась въ униженіе даже до того, что подлости передъ ними дѣлаетъ и что, наконецъ, я могу быть увѣренъ, что Мавроени не осмѣлится и не можетъ никого изъ нихъ лишить жизни». Булгаковъ Северину 15-го октября 1786 года.

[3] Вскорѣ послѣ своей смѣны, Маврокордато, боясь потерять голову за преданность къ державѣ-покровительницѣ, бѣжалъ въ Россію при содѣйствіи нашего вице-консула въ Яссахъ.

[4] Булгаковъ Северину 15-го февраля 1787 г.

вскорѣ по возвращеніи изъ Херсона, куда онъ ѣздилъ представиться императрицѣ (Северину также было дозволено туда съѣздить) онъ ему пишетъ: «дѣла здѣсь доходятъ до крайности. Визирь требовалъ позволенія идти въ походъ, но султанъ отказалъ. Туча, однако, не прошла... сами въ Букарестѣ и Яссахъ ведите себя осторожнѣе, дабы не подать какой-нибудь даже и неосновательной причины къ жалобѣ: ибо сіе теперь полагаютъ здѣсь въ числѣ причинъ къ войнѣ; о чемъ у меня былъ великій шумъ, но теперь писать нѣкогда».

Причины жалобъ тѣмъ не менѣе оказались не на Северина, правда, а на его замѣстителя въ Яссахъ, вице-консула маіора Селунскаго. Северинъ уже ранѣе того неоднократно увѣщевалъ послѣдняго измѣнить образъ дѣйствій и не подавать повода къ жалобамъ со стороны мѣстныхъ властей. Видя, что Селунскій не унимается, онъ обратился къ Булгакову съ просьбою сдѣлать непосредственное внушеніе безпокойному маіору, возстановившему противъ себя и власти и населеніе. Приводимое ниже предписаніе къ Селунскому посланникъ препровождаетъ къ Северину при краткомъ письмѣ помѣченномъ 1-го августа: «Дѣла здѣсь нѣсколько поправились. Султанъ на войну не согласился и визиря удерживаетъ отъ всѣхъ поступковъ, могущихъ довести до разрыва; но пріуготовленія продолжаются по прежнему... Письмо къ Селунскому посылаю вамъ подъ открытою печатью... Мнѣ прискорбно, что сей человѣкъ, который, сказываютъ, былъ уже за подобныя интриги выгнанъ изъ нашей службы [1], доводитъ дѣла до такой крайности; но несмотря на сіе покорно васъ прошу прекратить съ нимъ собственную вашу ссору, дабы не сдѣлать соблазна». Приводимъ предписаніе Булгакова Селунскому цѣликомъ; изъ него мы прежде всего видимъ, что роли существенно пере-

[1] Обстоятельство это было неизвѣстно Северину, когда онъ предложилъ назначить Селунскаго вице-консуломъ въ Яссы. (Северинъ Булгакову 7-го августа 1787 г.).

мѣнились: Порта, еще недавно подчинявшаяся необходимости выслушивать замѣчанія русскаго посланника по поводу поведенія того или другого господаря, выступаетъ офиціально съ жалобами на русскаго консула и требуетъ его отозванія. Предписаніе это, заключающее въ себѣ перечень предосудительныхъ дѣйствій послѣдняго, имѣетъ для насъ значеніе уже потому, что изъ него мы узнаемъ, насколько присутствіе въ княжествахъ русскихъ офиціальныхъ агентовъ вообще, а столь не въ мѣру ретивыхъ, какъ Селунскій въ особенности, раздражало турецкія власти и повліяло на объявленіе войны, къ которой турки въ ту пору далеко не были готовы [1].

«Къ сожалѣнію принужденъ я увѣдомить ваше высокоблагородіе, писалъ Булгаковъ, что Порта Оттоманская принесла великіе на васъ жалобы высочайшему двору, и настоитъ неотступно, чтобы вы были тотчасъ смѣнены. Рейсъ-ефенди читалъ мнѣ на конференціи цѣлый реестръ оныхъ жалобъ, изъ коихъ главнѣйшія, сколько упомнить я могу, замыкаются въ томъ: 1) что вы подговариваете подданныхъ молдавскихъ и отправляете въ Россію подъ именемъ нашихъ бѣглыхъ; 2) что сіи собираемые вами подъ симъ именемъ всякіе бродяги прежде отправленія своего причиняютъ всякіе безпутства, крадутъ, рѣжутъ людей и скрываютъ въ вашъ домъ, и что господарь не можетъ отъ васъ никогда получить на нихъ удовольствія; 3) что вы помогли уйти къ намъ князю Маврокордато и тѣмъ публично хвалились; 4) что вы имѣете загородный домъ, учинившійся вертепомъ разбойничьимъ, гдѣ стекаются воры и злодѣи, и мимо котораго никто пройти не можетъ, не подвергаясь опасности быть ободранъ или убитъ; 5) что недавно учинено изъ него нападеніе на какого-то нѣмца, который, защищаясь, убилъ одного изъ сихъ злодѣевъ вами

[1] См. депеши французскаго посланника при Портѣ Шуазеля въ «Documente privitore la istoria Românilor», (Suplement I, Volume II) подъ №№ LXX, LXXI, LXXII, LXXVI, LXXIX и LXXI (стр. 42 и слѣд.).

покровительствуемаго; 6) что вы дѣлаете контрабанды, даете протекцію, мѣшаетесь въ судебныя дѣла и вступаетесь за всякаго бродягу; 7) что все сіе тѣмъ несноснѣе для Порты, что вы сами прежде были ея подданнымъ; 8) что вы даже и двору нашему не полезны, ибо сговариваетесь съ высылаемыми въ Россію, кои оттуда уходятъ къ вамъ и опять отъ васъ отправляются подъ другимъ именемъ и пр. и пр.

«Я сколько могъ изпровергалъ всѣ сіи пункты и отказалъ васъ смѣнить, говоря, что то отъ воли высочайшаго двора зависитъ, ежели подлинно докажутъ истину на васъ взводимую, но не могъ я о томъ не донести. Дѣло ваше столь важнымъ почитается, что было въ числѣ тѣхъ, для коихъ войну намъ хотѣли объявить и визирь уже готовъ былъ къ выступленію въ походъ.

«Прискорбно мнѣ очень, что оные жалобы не отъ однихъ турокъ происходятъ, но слышу я многое подобное отъ иностранныхъ министровъ и отъ проѣзжающихъ черезъ Яссы. Между прочимъ держите вы одного всѣмъ извѣстнаго потурчившагося армянина башъ-ясакчія [1] Якуба, который мѣшается даже въ полицію городскую, осматривая полновѣсенъ ли хлѣбъ на рынкѣ; не обманываютъ ли въ мясѣ, бьетъ продавцевъ, сбираетъ съ нихъ деньги, и къ вамъ никого не допускаетъ, когда придутъ жаловаться.

«Неоднократно я васъ предупреждалъ, что вы не для заведенія деревень [2] и не для торговъ посланы въ Яссы, что консуламъ никакихъ посессій [3], особливо подъ своимъ именемъ, имѣть нельзя и что жалобы о хуторѣ вашемъ были приносимы еще отъ прежнихъ господарей; но вижу, что увѣща-

[1] Старшій кавасъ. Кавасы (что значитъ сторожъ, тѣлохранитель) существуютъ по сю пору; служащіе при консульствахъ снабжены визиріальнымъ письмомъ и, въ силу капитуляцій, пользуются экстерриторіальностью.

[2] Селунскій пріобрѣлъ небольшой хуторъ по близости Яссъ.

[3] Арендованіе имѣній; терминъ, употребляемый понынѣ въ Бессарабіи.

нія мои не помогаютъ. Теперь мнѣ дѣлать уже ничего не остается, кромѣ того, что предписать вамъ, по полученіи сего, помянутаго бездѣльника Якуба и другихъ, ежели подобные ему еще у васъ есть, изъ службы вашей и изъ дома тотчасъ выслать и впредь таковыхъ не принимать и не держать. А по прочимъ жалобамъ прислать ко мнѣ объясненіе, ежели оные на васъ всклепаны, вы можете съ господаремъ[1] о всякомъ пунктѣ изъясниться и себя оправдать, а онъ, будучи человѣкъ разсудительный, не откажетъ, надѣюсь, отдать вамъ справедливости. Я еще разъ васъ прошу быть осторожнѣе и въ дѣла до васъ не касающіеся не мѣшаться.

«Письма ваши отъ 24-го іюня и 18-го іюля до меня дошли исправно; теперь не время разсматривать ссоры вашей съ г. Северинымъ. Оставьте ее на сторонѣ, не забывайте, что вы у него подъ начальствомъ и не заводите шуму, который и въ другое время никакой чести принести никому не можетъ».

По полученіи подъ открытою печатью приведеннаго предписанія Булгакова маіору Селунскому, Северинъ поспѣшилъ отправить его по назначенію. «Самъ къ сожалѣнію моему сказать долженъ, доносилъ онъ посланнику 7-го августа, что всѣ пункты, описанные въ письмѣ вашемъ къ г. Селунскому, жалобъ Порты не безъ основанія, ибо онъ во всемъ почти переступаетъ предписанія; мнѣ же нѣкоторые изъ нихъ были уже извѣстны, а о другихъ слышалъ, но не могъ всему повѣрить».

На этомъ донесеніи прекращается переписка генеральнаго консульства въ княжествахъ съ посланникомъ въ Константинополѣ; 13-го августа (1787 г.) въ полномъ собраніи дивана рѣшено было объявить войну[2], а 15-го — Булгаковъ

[1] Александръ Ипсиланти, бывшій за нѣсколько лѣтъ до того господаремъ въ Валахіи.

[2] Еще ранѣе того (26-го іюня), почти тотчасъ же по возвращеніи императрицы изъ поѣздки ея въ Крымъ, рейсъ-эфенди вручилъ Булгакову ультиматумъ Порты, которымъ требовалось, между прочимъ, отозваніе русскихъ консуловъ изъ княжествъ и изъ Александріи, отказъ отъ протектората надъ «ханомъ» Грузіи и др.

былъ позванъ къ великому визирю и оттуда отведенъ прямо въ Семибашенный за́мокъ. По полученіи извѣстій объ объявленіи войны господарь валахскій тотчасъ же посадилъ Северина подъ арестъ; такая же участь постигла и вице-консула Селунскаго. Послѣдній былъ, впрочемъ, безъ промедленія отправленъ молдавскимъ господаремъ въ Россію черезъ ближайшій пограничный пунктъ (Ольвіополь); что касается Северина, то онъ высидѣлъ подъ арестомъ въ домѣ господаря Мавроенія одиннадцать дней, не желая уѣзжать безъ своего старшаго драгомана Нордунга и случайно находившагося въ ту пору въ Букарестѣ русскаго вице-консула въ Киліи, нѣкоего Гуржія. Мавроени упорно въ этомъ отказывалъ и, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, 22-го августа призвалъ къ себѣ Северина и объявилъ ему, что если онъ добровольно не выѣдетъ, то онъ велитъ выслать его силою. «Я его просилъ, чтобы позволилъ позвать господина агента [1], дабы онъ былъ свидѣтелемъ. Согласясь на сіе, г. агентъ въ самомъ дѣлѣ не замѣшкалъ пріѣхать и, услыша такія угрозы, началъ мнѣ совѣтывать выѣхать и что онъ мнѣ дастъ въ томъ гарантію, обѣщаясь принять въ свой домъ г. Гуржія и драгомана, покуда не воспослѣдуетъ рѣшеніе отъ Порты, выпустить ли ихъ или нѣтъ, на что я принужденъ былъ согласиться и, получа отъ г. агента письменную декларацію, оную при семъ въ подлинникѣ прилагаю. Выѣхавъ же изъ дворца препровожденъ я былъ болѣе шестьюдесятью вооруженными людьми и, остановясь въ его (агента) домѣ, повторилъ наиусильнымъ образомъ прошеніе мое не выпускать ихъ... въ чемъ онъ меня обнадежилъ: слѣдуя сему я сего же числа дѣйствительно въ путь пустился, имѣя при себѣ для препровожденія и сохраненія моей архивы второго цесарскаго канцлера [2] г. Маркелія и 10 человѣкъ

[1] Австрійскаго, барона Мецбурга; австрійское консульство въ княжествахъ носило долгое время названіе «цесарской агенціи».

[2]) Чиновника канцеляріи.

изъ господарскихъ арнаутовъ [1], пробывъ семь дней на дорогѣ, на восьмой—прибылъ въ пограничный цесарскій городъ Германштадтъ, гдѣ меня принялъ со всякою почестью главнокомандующій генералъ графъ Фабрисъ, и обѣщался вспомогать и быть мнѣ во всевозможномъ угодномъ».

Этимъ повѣтствованіемъ заканчиваетъ Северинъ свой журналъ, который онъ велъ за время своего ареста во дворцѣ господаря Мавроени и который отправилъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ уже изъ Германштадта при донесеніи отъ 4-го сентября 1787 года.

По окончаніи войны, въ теченіе которой онъ находился въ Петербургѣ, служа въ самой коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Северинъ былъ снова назначенъ генеральнымъ консуломъ въ княжества, куда вернулся въ началѣ 1792 года, тотчасъ по заключеніи мира (декабрь 1791 г.), получивъ приказаніе имѣть постоянную резиденцію въ Яссахъ.

Манифестъ, изданный Блистательною Портою, по случаю войны, объявленной петербургскому двору (переводъ съ французскаго экземпляра, приложеннаго къ донесенію Северина коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ Германштадта отъ 4-го сентября 1787 года, за № 24).

Хотя, во вниманіе къ тишинѣ и спокойствію подданныхъ той и другой стороны, былъ заключенъ миръ между Блистательною Портою и русскимъ дворомъ, послѣдній не переставалъ тѣмъ не менѣе предъявлять требованія противныя дружбѣ и, въ особенности, въ противность условіямъ и обязательствамъ, сталъ непредвидѣнно владѣльцемъ Крыма, что составляло основу Кайнарджійскаго трактата; помимо этого, былъ еще изданъ сенедъ, обусловливавшій, что всякое новое разногласіе будетъ навсегда устранено къ вящему спокойствію и оговорено трактатомъ; что всякая ненависть, всякое злокозненное дѣйствіе, какъ открытое такъ и тайное, должны быть прекращены съ той и другой стороны. Но русскій дворъ побудилъ (къ возстанію) хана тифлисскаго, въ грамотѣ котораго ясно обозначенъ суверенитетъ Блистательной Порты, вступилъ своими вой-

[1] Въ ту пору въ княжествахъ стражники, тѣлохранители и нижніе полицейскіе чины набирались среди албанцевъ.

сками въ территорію Тифлиса и попеченіемъ, которое оказывалъ этому хану, посѣялъ смуты въ Грузіи и въ сопредѣльныхъ областяхъ и отвѣтилъ отрицательно на представленія сдѣланныя съ тѣмъ, чтобы онъ (русскій дворъ) отъ того отступился; всякими помѣхами воспрепятствовалъ жителямъ Очакова вывозъ соли изъ солончаковъ, что послѣдніе всегда дѣлали и что точно разъяснено; уклонялся отъ исполненія договоровъ, всякій разъ какъ то требовалось. Такъ, на законное требованіе о выдачѣ воеводы Молдавскаго[1], по чину равнаго князю, послѣ совершеннаго имъ по указанію и при содѣйствіи консула бѣгства, посланникъ категорически отвѣтилъ, что русскій дворъ его не отдастъ, и тѣмъ нарушилъ и уничтожилъ всѣ обязательства. Русскій дворъ, произвольнымъ толкованіемъ многихъ другихъ подобныхъ статей обнаружилъ ясно свои дурныя намѣренія: учрежденіемъ консульствъ въ Валахіи и Молдавіи, въ Архипелагѣ и въ другихъ ненужныхъ мѣстахъ, въ ущербъ мусульманамъ, развратилъ подданныхъ Блистательной Порты, отправляя ихъ въ Россію или употребляя ихъ въ качествѣ матросовъ и на другія службы: вмѣшивался въ управленіе государствомъ, а именно настаивая на смѣщеніи и наказаніи правителей, военноначальниковъ, судей и управляющихъ, которыхъ находилъ неподходящими, а въ особенности паши Челдирскаго[2] и князей Валахскаго и Молдавскаго. Въ то время, какъ Блистательная Порта — что извѣстно всему міру — оказывала всякое благоволеніе русскимъ купцамъ, дозволяя имъ заниматься торговлею въ ея владѣніяхъ, разъѣзжая гдѣ имъ угодно, — русскій дворъ, вмѣсто того, чтобы поступать такимъ же образомъ въ силу договоровъ и по правиламъ взаимности относительно подданныхъ Блистательной Порты, питая намѣреніе удержать лишь себѣ всѣ плоды торговли, взыскивалъ съ нихъ таможенныя пошлины, много превосходящія пошлины, взимаемыя съ торговцевъ другихъ державъ, запрещалъ проѣздъ черезъ свои области лицамъ, имѣвшимъ получать платежи, такъ что большинство этихъ лицъ, лишенное возможности взыскать, вернулось раззореннымъ, а нѣкоторыя совсѣмъ исчезли; пушечными выстрѣлами отгонялись торговыя суда Блистательной Порты, которыя, или захваченныя бурею или желая сдѣлать запасъ воды, или для другихъ подобныхъ нуждъ, желали завернуть въ русскіе порты, а также бомбардировали наши суда, ходящія въ Буджакъ[3]. Наконецъ, русскій посланникъ предложилъ Блистатель-

[1] Маврокордато, бѣжавшаго въ Россію.

[2] Ахалцыхскаго; пашалыкъ этого имени обнималъ въ ту пору часть турецкой Арменіи и Грузіи.

[3] Юго-западный уголъ нынѣшней Бессарабіи, уѣздъ Аккерманскій и бо́льшая часть Бендерскаго.

ной Портѣ и формально настаивалъ на простомъ включеніи въ число статей пункта относительно хана тифлисскаго, потребовавъ на этотъ предметъ простой сенедъ, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ генералъ Потемкинъ имѣетъ приказаніе идти къ границѣ, куда императрица сама отправится съ 60—70 тысячами войска для исполненія этихъ требованій и тѣмъ вызвалъ Блистательную Порту на войну.

Такъ какъ всѣ распоряженія къ экспедиціи генерала Потемкина, при такомъ многочисленномъ войскѣ на границѣ, вполнѣ сходственныя съ образомъ дѣйствій во время нашествія на Крымъ, прежде всего имѣли послѣдствіемъ нарушеніе общественной безопасности и обнаруженіе злыхъ намѣреній — Блистательная Порта, принимая во вниманіе, что главною причиною этихъ смутъ служитъ обладаніе Россіею Крымомъ, выразила желаніе, чтобы русскій дворъ отказался отъ этой области, вернувъ ее въ прежнее состояніе и чтобы дружба была подтверждена новымъ мирнымъ договоромъ; но русскій посланникъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ объ этомъ писать своему двору и что если бы даже и написалъ, то это ни къ чему не послужитъ, и прибавилъ, что его дворъ никогда Крыма не уступитъ. По всѣмъ этимъ причинамъ и по множеству другихъ, государственныхъ и частныхъ, война стала законно необходимымъ долгомъ для мусульманъ и она рѣшена имперіею Оттоманскою противъ русскаго двора. А чтобы увѣдомить о томъ нашихъ друзей, предложивъ на ихъ просвѣщенное и прямодушное сужденіе такое положеніе вещей, издается настоящій манифестъ. 11 Зильхаде, 1207, т. е. 13-го (24-го) августа 1787 года.

Два письма изъ эпохи Восточной войны

1853 – 1855 г.г.

Восточная война 1853—1855 гг. давно уже изслѣдована во всѣхъ ея подробностяхъ, и относящіеся до нея дипломатическіе и иные документы опубликованы и коментированы разными историками и публицистами.

Предлагаемыя два частныхъ письма современника той эпохи ничего новаго въ исторію ея не внесутъ и не дадутъ новаго освѣщенія тому или другому событію временъ единоборства Россіи со всею почти Европою. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ-подъ пера публициста, жившаго въ ту пору въ Константинополѣ и хорошо освѣдомленнаго о всемъ происходившемъ, они не лишены извѣстнаго интереса. Съ одной стороны, они знакомятъ насъ съ совѣтами, которые Порта и ея западные друзья расточали молдавскому и валахскому господарямъ, очутившимся, съ момента вступленія нашихъ войскъ въ княжества, дѣйствительно, между молотомъ и наковальнею; съ другой—даютъ живую картину общественнаго настроенія въ Константинополѣ, гдѣ, — въ то время какъ европейскіе дипломаты напрягали всѣ усилія къ предотвращенію войны—войну ожидали и ея желали, въ убѣжденіи «полной неправоты» Россіи и въ сознаніи доказываемой ан-

глійскимъ посломъ (знаменитымъ лордомъ Рэдклиффомъ) необходимости воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько «проучить» Россію, въ надеждѣ, что она не оправится по крайней мѣрѣ въ теченіе полувѣка...

Этимъ двумъ письмамъ мы предпосылаемъ небольшую историческую справку.

6-го мая 1853 года, собранный въ блистательной Портѣ торжественный совѣтъ для окончательнаго обсужденія предложеній чрезвычайнаго посла императора Николая, князя Меншикова, рѣшилъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ (42 изъ 44), что предложенія эти приняты быть не могутъ. Турецкимъ сановникамъ и не пришлось сообщить по принадлежности о принятомъ ими рѣшеніи; въ ту минуту какъ члены чрезвычайнаго совѣта расходились, князь Меншиковъ прислалъ въ Порту извѣщеніе объ окончательномъ разрывѣ, а три дня спустя, 10-го мая, отплылъ въ Одессу.

19-го мая, канцлеръ графъ Нессельроде дѣлаетъ послѣднюю попытку склонить турокъ къ уступчивости и отправляетъ рейсъ-эффенди (министру иностранныхъ дѣлъ) Решиду-пашѣ письмо, въ которомъ, впрочемъ, уже заявляетъ о принятомъ императоромъ Николаемъ рѣшеніи занять своими войсками Дунайскія княжества, отнюдь не ради войны съ султаномъ, а въ матеріальное обезпеченіе того, что оттоманское правительство, вернувшись къ болѣе справедливымъ чувствамъ, дастъ Россіи нравственныя гарантіи, тщетно ею требуемыя [1].

[1] ... «Dans quelques semaines les troupes recevront l'ordre de passer les frontières de l'Empire, non pour faire la guerre au Sultan, guerre, qu'il répugne á Sa Majésté Impériale d'entreprendre contre un souverain qu'Elle s'est toujours plu à considérer comme un allié sincère et un voisin bien intentionné,—mais pour avoir des garanties matérielles jusqu'au moment où, ramené à des sentiments plus équitables, le gouvernement Ottoman donnera à la Russie les sûretés morales qu'Elle a demandées en vain depuis deux mois par ses représentants à Constantinople et en dernier lieu par son Ambassadeur». Изъ письма гр. Нессельроде Решиду-пашѣ отъ 19-го мая 1853 г.

Письмо русскаго канцлера желаемаго дѣйствія не имѣло, и 21-го іюня передовыя колонны русскихъ войскъ перешли Прутъ [1].

По вступленіи нашихъ войскъ въ княжества предстояло немедленно выяснить вопросъ объ управленіи ими. Въ обращенной къ жителямъ прокламаціи возвѣщалось, что «мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими княжества управляются, и ихъ политическаго положенія, утвержденнаго торжественными договорами». Но еще ранѣе того генеральному консулу нашему въ Бухарестѣ Халчинскому предписывалось объявить молдавскому и валахскому господарямъ, Гикѣ и Штирбею, что со времени вступленія русскихъ войскъ они должны прекратить всякія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ, а равно и взносъ слѣдуемой Портѣ дани, которая должна поступать за время оккупаціи въ распоряженіе императорскаго правительства [2].

Господари не могли подчиниться этому распоряженію; съ своей стороны Порта, освѣдомившись о немъ, поспѣшила заявить князьямъ Гикѣ и Штирбею, что они должны уклониться отъ его исполненія и немедленно оставить княжества, подъ угрозою примѣненія къ нимъ тѣхъ мѣръ, которыя бли-

[1] Здѣсь кстати вспомнить, что уже 5-го іюня, въ день отправленія изъ Порты отвѣта на письмо гр. Нессельроде, флоты Франціи и Англіи пододвинулись къ Дарданелламъ и бросили якорь въ Безикской бухтѣ.

[2] ... «Nous voulons parler de leurs relations avec Constantinople et les ministres Ottomans. Celles-ci doivent nécéssairement cesser du jour où nos troupes occupent militairement le pays, et où toute action, toute ingérence de la part de la puissance suzeraine est temporairement suspendue.

Une autre conséquence de cette situation sera celle de la suspension du tribut que les provinces sont tenues de payer à la Porte. Ces sommes que les vestiairies encaisseront comme par le passé, doivent rester à la disposition du gouvernement Impérial qui se rèserve d'en faire l'usage qu'il jugera le plus opportun». Депеша гр. Нессельроде генер. консулу Халчинскому отъ 3-го іюня 1853 года.

стательная Порта найдетъ нужнымъ принять для охраны собственныхъ интересовъ [1].

Протестъ Порты былъ напрасенъ; трудно сопротивляться словами распоряженію, объявленному предержащею властью, каковою была власть командующаго оккупаціонною арміею. Положеніе господарей оказалось весьма затруднительнымъ. Изъ получаемыхъ ими изъ Константинополя свѣдѣній они могли убѣдиться, что Англія и Франція поддерживаютъ предъявленное имъ Портою требованіе.

Поставленные между двухъ огней, они, повидимому, не рѣшались опредѣленно дѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ. Обстоятельство это послужило поводомъ русскому правительству, когда исчезли послѣднія сомнѣнія въ неизбѣжности войны, поставить вопросъ ребромъ и командующему оккупаціоннымъ корпусомъ князю Горчакову предписывалось [2]

[1] Приводимъ относящійся до этого дѣла отрывокъ письма турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паши къ князю Григорію Гикѣ отъ 13-го іюля 1853 года.

... «Comme la cour de Russie a entamé le système de ces provinces par l'endroit qui regarde immédiatement la puissance propriétaire, c'est à dire par ses bases fondamentales, la Sublime Porfe voit clairement que dans cet état de choses l'exercice de l'autorité légitime dans les Principautés de Valachie et de Moldavie est impossible. Par conséquent la S. Porte, ainsi que ses droits sacrés et incontestables l'exigent, a decidé que Votre Altesse ainsi que S. A. le Prince de Valachie quittiez provisoirement les Principautés et cette, résolution a été communiquée aussi officiellement aux grandes puissances.

Il faut donc, que conformément aux ordres émanés du Trône Impérial, vous quittiez de suite la province. Et s'il arrive que vous agissiez d'une manière contraire à ces ordres souverains, la S. Porte, libre de son côté, prendra telles mesures qu'elle jugera conformes à ses propres affaires et à ses intérêts».

[2] «...Sa Majesté vous invite à avoir une explication confidentielle avec les Hospodars dès que la guerre aura éclaté, mais seulement alors, et leur demander franchement, s'ils veulent, ou non, continuer á s'acquitter des devoirs de leurs postes de maniére à répondre aux éxigences de cette situation exceptionelle. S'ils le veulent de bonne foi, l'Empereur les maintiendrait dans leurs attributions, à condition qu'ils s'engagent sur leur honneur

имѣть довѣрительное объясненіе съ господарями (не ранѣе, впрочемъ, какъ по объявленіи войны) и спросить ихъ, желаютъ ли они, совершенно искренно, оставаться на мѣстахъ при создавшемся исключительномъ положеніи, съ тѣмъ чтобы добросовѣстно и честно по отношенію къ Россіи исполнять свои обязанности.

Спрошенные незадолго до начала военныхъ дѣйствій, господари заявили, что не считаютъ возможнымъ долѣе оставаться въ княжествахъ и въ непродолжительномъ времени (октябрь 1853) выѣхали оттуда, сперва Штирбей изъ Бухареста, а затѣмъ Гика изъ Яссъ [2].

Приводимые два письма Ногэса относятся именно къ той смутной для господарей эпохѣ, которая наступила для нихъ со времени занятія нами княжествъ. Они адресованы довѣренному лицу и родственнику князя Григорія Гики, логофету Мавроени. Ногэсъ былъ главнымъ редакторомъ издававшейся въ Царьградѣ ежедневной французской газеты «Journal de Constantinople», о всемъ происходившемъ на берегахъ Босфора былъ превосходно освѣдомленъ и пользовался особымъ расположеніемъ посланниковъ западныхъ державъ. Хотя письма его къ Мавроени, по внѣшней ихъ формѣ, должны быть отнесены къ частной корреспонденціи, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Ногэсъ многое писалъ по указанію иностранныхъ дипломатовъ, заинтересованныхъ въ томъ,

à se comporter loyalement envers nous et à exécuter avec zèle et fidélité les ordres de la cour Impériale. Le régime intérieur des Principautés ne subirait ainsi aucune modification apparente et, aux yeux du peuple, les Hospodars continueraient à administrer les deux provinces comme par le passé, tout en restant sous le contrôle et la surveillance de nos consuls». Изъ депеши канцлера гр. Нессельроде кн. Горчакову отъ 21-го сентября 1853 г.

[1] По окончаніи войны послѣдній былъ снова призванъ Портою на молдавскій господарскій престолъ, но княжилъ не долго: въ припадкѣ меланхоліи онъ застрѣлился въ бытность свою въ 1857 году въ Парижѣ.

чтобы господари исполнили требованіе Порты и оставили княжества, и поручавшихъ ему передавать совѣты, которые неудобно было влагать въ уста офиціальныхъ представителей. Поэтому письма Ногэса, несмотря на ихъ частный характеръ, имѣютъ несомнѣнное документальное значеніе.

I.

Константинополь, 12 іюля 1853 г. [1].

Въ прошлую среду вечеромъ Порта получила съ экстреннымъ курьеромъ извѣстіе о переходѣ русскими Прута, и у великаго визиря тотчасъ же собрался совѣтъ министровъ для обсужденія вопроса о томъ, что́ дѣлать. Въ совѣтѣ двѣ партіи: одна, которая хочетъ немедленно начать войну, и другая, которая желаетъ приступить къ ней лишь послѣ того, какъ будутъ истощены всѣ дипломатическія средства, указываемыя представителями дружественныхъ и союзныхъ державъ. Во главѣ первой находится Мегеметъ-Али-паша, военный министръ, а во главѣ второй — Решидъ-паша [2]. На совѣтѣ, о которомъ я говорю, эти двѣ партіи не сошлись, и такъ какъ Мегеметъ-Али-паша—заклятый врагъ Решида-паши, который отплачиваетъ ему тѣмъ же съ лихвой, то онъ безъ промедленія началъ дѣйствовать у султана, и въ прошлую пятницу мы узнали, что великій визирь Мустафа-паша, приверженецъ выжидательной политики, былъ замѣненъ Мехмедъ-Рушди-пашею, главнокомандующимъ императорскою гвардіей и бывшимъ военнымъ министромъ, а Решидъ-паша замѣненъ Али-пашею, что составляетъ неловкость по отношенію къ Австріи

[1] Переводъ съ французскаго.
[2] Рейсъ-эффенди (министръ иностранныхъ дѣлъ). А. Г.

изъ-за смирнскаго дѣла [1]. На слѣдующій день, хотя шелъ третій день праздниковъ байрама, Порта была открыта, и войска отправились туда для пріема новыхъ сановниковъ; предстояло прочитать императорскій гаттъ (указъ), которымъ они назначались. Но утромъ этого дня, Каннингъ [2], совѣщавшійся наканунѣ съ Ла-Куромъ [3], отправился во дворецъ и имѣлъ очень продолжительную аудіенцію у султана, которому высказалъ нѣсколько жесткихъ истинъ, и старое министерство было возстановлено въ прежнемъ составѣ. Несомнѣнно, что подобныя интриги въ ту минуту, когда русскіе захватываютъ оттоманскую территорію, прискорбны и тѣ, о которыхъ я говорю, произвели весьма грустное впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ и на публику. Надо полагать, что ихъ строго осудятъ въ Европѣ, а русскіе посмѣются.

Въ воскресенье я видѣлъ Решида-пашу и засталъ его очень грустнымъ; все это ему ужасно претитъ. Спору нѣтъ, что турецкія войска охватило сильное нетерпѣніе; они хотятъ драться, но въ этомъ дѣлѣ надо идти вмѣстѣ съ представителями державъ, и, кромѣ того, Турція будетъ вполнѣ готова лишь черезъ мѣсяцъ. До тѣхъ поръ, или придутъ къ соглашенію съ Россіею, или останется лишь взяться за оружіе, и въ послѣднемъ случаѣ блистательная Порта съумѣетъ достойнымъ образомъ выдержать борьбу. На этихъ дняхъ Омеръ-паша писалъ изъ Шумлы, что онъ не можетъ долѣе

[1] Къ сожалѣнію, мы не могли выяснить, о какомъ смирнскомъ дѣлѣ идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, дѣло это особеннаго значенія въ ту пору имѣть не могло и должно быть отнесено къ числу обычныхъ недоразумѣній или небольшихъ столкновеній между представителями европейскихъ державъ и турецкими провинціальными властями. Въ данномъ случаѣ замѣшанъ и американскій посланникъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ настоящаго письма. А. Г.

[2] Англійскій посолъ, переименовавшійся въ Стратфорда Рэдклифа, послѣ того какъ былъ возведенъ въ лорды. А. Г.

[3] Французскій посолъ. А. Г.

сдерживать своихъ войскъ, которыя хотятъ переходить Дунай. Это не основаніе, чтобы спѣшить началомъ военныхъ дѣйствій, не будучи вполнѣ приготовленнымъ къ борьбѣ.

Въ прошлую среду я видѣлъ Каннинга и Ла-Кура; они того мнѣнія, что вступленіе русскихъ въ княжества уничтожило Балта-Лиманскій договоръ и всѣ прочіе трактаты Турціи съ Россіею; именно въ виду того, чтобы такъ и было, Франція и Англія не сдѣлали серьезныхъ попытокъ помѣшать оккупаціи. Такое военное дѣйствіе нужно было, чтобы увеличить виновность Россіи и подготовить къ мысли о европейскомъ конгрессѣ, сдѣлавшемся неотступной идеею Людовика-Наполеона; мнѣ это говорилъ Ла-Куръ, дѣлающій все, что въ его силахъ, чтобы предложеніе о томъ шло отъ Турціи, и по этому пункту существуетъ разногласіе въ совѣтѣ оттоманскихъ министровъ. Мегеметъ-Али-паша боится конгресса, Решидъ-паша его желаетъ; на этомъ разногласіи и покоилась также послѣдняя интрига, направленная противъ Решида. Султана напугали мыслью о конгрессѣ. Между тѣмъ достовѣрно, что договоры Россіи съ Портою можно измѣнить лишь путемъ конгресса, безъ котораго судьба Турціи по прежнему будетъ неопредѣленна и ненадежна.

На конгрессѣ займутся также положеніемъ княжествъ, которыя хотятъ освободить изъ-подъ протектората Россіи, поставивъ ихъ подъ протекторатъ великихъ державъ и закрѣпивъ въ то же время ихъ связь съ Турціею. Таково вполнѣ твердо установленное воззрѣніе Каннинга и Ла-Кура. Послѣдній сказалъ мнѣ, что онъ торопитъ Решида-пашу пересмотромъ въ либеральномъ духѣ органическаго устава княжествъ [1], съ тѣмъ, чтобы, когда наступитъ время, султанъ самъ даровалъ новый уставъ.

[1] Органическій регламентъ, выработанный Киселевымъ за время управленія имъ Дунайскихъ княжествъ, былъ введенъ въ дѣйствіе въ 1831 году. А. Г.

Это весьма довѣрительно и, послѣ всего того, что я вамъ сообщилъ, было бы не дурно, быть можетъ, если бы князь Гика прислалъ мнѣ безъ замедленія свои замѣчанія по поводу измѣненій, которыя слѣдуетъ ввести въ уставѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ ихъ поддержать. Франція и Англія рѣшились вести дѣла круто и неопредѣленностями не удовлетворяться.

Но—и это мнѣ сказалъ Ла-Куръ—нечего и помышлять ни одной минуты о независимости княжествъ или преобразованіи ихъ въ королевство. Если эта мысль будетъ только выражена, ей будетъ оказано величайшее сопротивленіе, и она повредитъ тѣмъ, кто ее выскажетъ. Онъ (Ла-Куръ) того мнѣнія даже, что князья не могутъ и не должны быть преданы никому другому, кромѣ блистательной Порты, и, обращаясь къ Австріи и къ Россіи съ тѣми же выраженіями, съ какими они увѣряютъ въ своей преданности императорскій диванъ, они подвергаютъ риску собственные интересы. И это также весьма довѣрительно.

Въ этихъ дѣлахъ вся Европа, очевидно, на сторонѣ Турціи и противъ Россіи. Поэтому не слѣдуетъ ничего такого ни говорить, ни писать и ни дѣлать, что̀ могло бы дать поводъ предполагать преданность къ кому либо другому, а не къ Турціи. Такой взглядъ имѣетъ въ данную минуту рѣшающее значеніе. Дѣла Россіи чрезвычайно плохи и не надо давать повода думать, что къ ней хотя мало-мальски присоединяются. Нѣтъ сомнѣнія, что господари будутъ сдѣланы пожизненными [1] и нынѣшніе князья, если только они примутъ къ свѣдѣнію замѣчанія г. Ла-Кура, имѣютъ всѣ шансы остаться на своихъ мѣстахъ, когда будетъ приступлено къ окончательному устройству судьбы княжествъ, что̀ не за-

[1] По Балта-Лиманскому договору 1849 года они назначались на 7 лѣтъ. А. Г.

ставить себя долго ждать. Относятся ли замѣчанія Ла-Кура къ одному изъ князей или къ обоимъ—узнать я не могъ.

Въ прошлую среду было замѣчено русское военное судно близъ турецкаго села въ 20 миляхъ отъ входа въ Босфоръ. Сообщая мнѣ это извѣстіе, Каннингъ сказалъ: «меня сильно разбираетъ охота вызвать нашу эскадру». Онъ этого впрочемъ и понынѣ еще не сдѣлалъ, но на этихъ дняхъ на «Карадокѣ» [1] къ намъ прибыло около тридцати офицеровъ этой эскадры. Онъ мнѣ сказалъ также: «вы журналистъ, и я, дипломатъ, будемъ умѣренны, но всегда поглядывая однимъ глазкомъ на войну; я ее ненавижу, но къ тому придется вести дѣло. По какому то чуду провидѣнія весь міръ противъ Россіи, и это чудо можетъ не повториться».

Достовѣрно извѣстно, что Австрія двигаетъ войска по направленію къ княжествамъ; это—демонстрація противъ Россіи. Турція взяла лоцмановъ для Чернаго моря.

Протестъ противъ занятія княжествъ скоро появится.

Смирнское дѣло кончено; подробности въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій ««Journal de Constantinople». Австрія оказалась униженною американцами.

II.

Константинополь 2 апрѣля 1853 г.

Я ничего не получилъ съ галацкимъ пароходомъ, пришедшимъ третьяго дня въ воскресенье. Мое письмо отъ 26 іюля было очень важное [2] и касалось именно отозванія князей, и я возвращаюсь къ этому предмету, чтобы снова вы-

[1] Станціонеръ, находившійся въ распоряженіи англійскаго посольства. А. Г.

[2] Надо предполагать, что оно затерялось. А. Г.

сказать вамъ мое искреннее убѣжденіе: если они окажутъ повиновеніе, то, что бы ни случилось, навѣрно останутся на своихъ мѣстахъ по улаженіи всѣхъ дѣлъ, такъ какъ распоряженіе объ ихъ отозваніи было сдѣлано съ согласія четырехъ представителей великихъ державъ; это отчасти доказывается тѣмъ, что консулы Франціи и Англіи также отозваны, а если еще быть можетъ того не сдѣлано относительно консуловъ Австріи и Пруссіи, то лишь потому, что положеніе этихъ державъ по отношенію къ Россіи болѣе щекотливое. Если же они не повинуются, я увѣренъ, на основаніи всего того, что я изложилъ въ письмѣ отъ 26 іюля, что они будутъ немедленно смѣщены, развѣ будетъ установлено, что русскіе силою помѣшали имъ повиноваться. Лишь force majeure, установленная положительно, можетъ послужить имъ оправданіемъ и въ такомъ случаѣ на нихъ будутъ смотрѣть какъ на военноплѣнныхъ.

Интриги уже начались: друзья Константина Кантакузина дѣйствуютъ противъ князя Штирбея, а пріятели Ласкара Кантакузина—противъ князя Гики. Подчиненіе отозванію положитъ предѣлъ дѣйствіямъ всѣхъ этихъ интригановъ: таково мнѣніе представителей державъ, которые могутъ тогда съ успѣхомъ орудовать въ пользу сохраненія на мѣстахъ обоихъ князей.

Я уже началъ свою кампанію противъ этихъ интригъ и надѣюсь, что папа возьметъ, если только князья сами намъ помогутъ своимъ поведеніемъ; въ противномъ случаѣ ничто ихъ не спасетъ, даже русская поддержка.

Начальники миссій почти увѣрены въ томъ, что предложенія Франціи и Англіи, о которыхъ лордъ Руссель говорилъ въ палатѣ представителей 14-го іюля, отвергнуты петербургскимъ дворомъ, который хочетъ избѣгнуть всякаго соглашенія, вытекающаго изъ вмѣшательства державъ, чтобы впослѣдствіе не имѣть съ послѣдними счетовъ, если бы по-

вый конфликтъ возникъ между нимъ и Портою; нѣкоторые же изъ посланниковъ того мнѣнія, что послѣдній проектъ ноты Порты, о которомъ я вамъ говорилъ въ предшествующемъ письмѣ, будетъ Россіею принятъ. Въ ней сказано, что съ ея принятіемъ княжества будутъ очищены безъ промедленія, и турецкій посолъ отправится въ Петербургъ, чтобы сдѣлать соглашеніе окончательнымъ. Копія съ нея сообщена представителямъ четырехъ державъ при деклараціи, весьма ясной и даже энергичной, что это—послѣдняя попытка, которую можетъ дѣлать блистательная Порта.

Нѣтъ турка, который не находилъ бы этого проекта ноты вялымъ (flasque) и мало достойнымъ блистательной Порты, и такъ какъ Решидъ-паша—авторъ этихъ бумагъ, то онъ съ каждымъ днемъ теряетъ почву, хотя для видимости перешелъ на сторону партіи войны. Печально заявить, но онъ въ совершенномъ одиночествѣ, и я не удивляюсь, если ему вскорѣ придется оставить власть. Онъ на волоскѣ отъ гибели, такъ какъ велъ переговоры слишкомъ вяло: съ нѣкотораго времени всѣ хотятъ войны, даже и очень мирный Аали-паша, который имѣетъ много шансовъ снова ухватиться за портфель.

Для Турціи дѣло дошло до того, что для нея опаснѣе не имѣть войны, чѣмъ ее имѣть; всѣ, поэтому, желаютъ, чтобы проектъ ноты былъ отвергнутъ петербургскимъ дворомъ.

Крупная новость: Въ прошлую субботу три экстренныхъ курьера прибыли изъ Сербіи, одинъ изъ капу-кехайѣ [1] княжества (сербскаго), другой къ Каннингу и третій къ Ла-Куру; всѣ трое съ однимъ и тѣмъ же нижеслѣдующимъ извѣстіемъ: австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ потребовалъ отъ князя Александра предоставленія австрійскимъ войскамъ занять княжества, въ виду того что Молдо-Валахія уже занята русскими и что англійская и французская эскадры стоятъ въ Безикѣ,

[1] Названіе агентовъ, которыхъ вассальныя княжества держали при Портѣ. А. Г.

готовыя вступить въ Дарданеллы; такая мѣра могла бы предотвратить всякое возстаніе, которое, если только начнется, не замедлитъ распространиться по всей австрійской территоріи. Князь отказалъ на отрѣзъ, заявивъ, что онъ самъ съумѣетъ сохранить спокойствіе въ странѣ. Консулъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство обойдется безъ разрѣшенія князя; послѣдній тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы пушками встрѣтить австрійцевъ, если они только явятся.

Новость эта породила здѣсь величайшее волненіе. Каннингъ и Вильденбрукъ [1] видятъ въ этомъ измѣну Австріи. Ла-Куръ находитъ это до такой степени безумнымъ, что до сей поры этому не вѣритъ, а Порта, запросившая вчера по этому поводу Брука [2], не слишкомъ спокойна насчетъ намѣреній вѣнскаго кабинета. Интернунцій робко заявляетъ, что эта мѣра въ интересахъ самой Порты, которая почему-то ея не желаетъ, а Вильденбрукъ наговорилъ Бруку не мало рѣзкихъ вещей. Приведи Австрія свой проектъ въ исполненіе,—это всеобщая война, но также и конецъ этой державѣ. Англія, Франція и Пруссія обрушатся на нее: таково мнѣніе здѣшнихъ начальниковъ миссій.

Положеніе Брука, который еще на прошлой недѣлѣ выставлялъ на показъ наилучшія чувства по отношенію къ Турціи, стало весьма затруднительнымъ и весьма ложнымъ.

Русскій консулъ въ Адріанополѣ спустилъ флагъ; полагаю, что за нимъ скоро сдѣлаютъ то-же всѣ русскіе консулы въ Турціи.

---

[1] Прусскій посланникъ.

[2] Представителя Австріи, интернунція.

Выдержки изъ журнала маршала Кастеллана,

касающіяся восточной войны 1853—56 г.

Маршалъ Кастелланъ родился въ 1788 году и 16 лѣтъ отъ роду былъ уже офицеромъ арміи Наполеона. Отличившись при Ваграмѣ (1809), онъ участвовалъ въ походѣ 1812 г. и въ 1813 году получилъ въ командованіе первый гвардейскій полкъ. По сверженіи Наполеона онъ примкнулъ къ Бурбонамъ; въ 1823 году принялъ участіе въ испанскомъ походѣ и уже въ 1837 г. былъ пэромъ Франціи. Въ моментъ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года командовалъ войсками въ Ліонѣ, сталъ на сторону принца-президента и тотчасъ послѣ вступленія послѣдняго на императорскій престолъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и маршаломъ (1862); Ліона онъ уже не оставлялъ и скончался тамъ въ 1872 году.

Вышедшій недавно V-й томъ его журнала[1], который онъ велъ съ той поры, какъ былъ произведенъ въ офицеры, обнимаетъ десять послѣднихъ лѣтъ его жизни. Мы находимъ въ немъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, воспоминанія о томъ, что говорилось и дѣлалось въ высшихъ сферахъ Фран-

[1] Journal du Maréchal Castellane 1804—1862. Tome V-me (1853—1862). Paris. Plon, Nourrit et C-ie 1897.

ціи въ эпоху Крымской кампаніи. Маршалъ часто ѣздилъ въ Парижъ, часто видѣлся съ Наполеономъ и заносилъ въ свой журналъ свои бесѣды съ нимъ. Намъ показалось не лишнимъ собрать въ одно всѣ отрывки этихъ воспоминаній, касающихся Россіи, ограничившись лишь расположеніемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и снабдивъ, гдѣ оказалось нужнымъ, нѣкоторыми примѣчаніями и дополненіями.

Восточный вопросъ еще не исчерпанъ и всякій матеріалъ къ историческому его разслѣдованію, какъ бы онъ скроменъ ни былъ, можетъ принести свою долю пользы.

1853.

10-го іюля... Моя дочь Гацфельдтъ[1] мнѣ пишетъ изъ Парижа отъ 4-го іюля:

«Императору былъ представленъ докладъ о состояніи арміи, въ немъ говорится, что лишь подъ вашимъ начальствомъ войска дѣйствительно обучаются... Что касается войны то о ней продолжаютъ говорить; но это такъ долго тянется, что уже въ нее не вѣрятъ.

«Императоръ очень благоразуменъ и спокоенъ. Положеніе Франціи по отношенію къ иностраннымъ державамъ очень выиграло, благодаря проявленному ею спокойствію, уваженію къ договорамъ и союзу съ Англіею».

26-го сентября. Повидимому, невозможно помѣшать русскимъ и туркамъ начать другъ въ друга стрѣлять. Усилія дипломатіи будутъ теперь направлены къ тому, чтобы локализировать войну на Востокѣ. Во всѣхъ странахъ демагоги подбиваютъ къ войнѣ. Многочисленные въ Турціи эми-

[1] Замужемъ за прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

гранты[1] все пустили въ ходъ, чтобы разжечь фанатизмъ. Тайныя общества превосходно организованы въ Венгріи и въ Ломбардіи; они дѣйствуютъ всюду, во Франціи не менѣе, чѣмъ въ иномъ государствѣ, и желаютъ войны въ надеждѣ свергнуть правительства. Во всей этой турецкой путаницѣ императоръ проявилъ ловкость, осторожность и твердость.

12-го ноября. Сегодня «Moniteur» публикуетъ манифестъ императора Николая, въ которомъ послѣдній объявляетъ, что берется за оружіе «чтобы понудить турокъ уважать договоры, такъ какъ великія державы тщетно пытались поколебать упрямство Порты». Правительственный органъ возражаетъ этому манифесту и отвѣчаетъ, что турки не нападаютъ, но защищаютъ свои владѣнія, на которыя нападеніе было произведено уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

4-го декабря. Я сказалъ императору, что онъ проявилъ и осторожность и твердость въ кризисѣ, вызванномъ восточными дѣлами. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это весьма справедливо: когда кризисъ окончится, положеніе его, императора, возвысится: при вступленіи своемъ на престолъ онъ встрѣтилъ направленную противъ него коалицію державъ, а теперь Франція, Англія, Австрія и Пруссія согласились въ принципѣ противодѣйствовать захватамъ Россіи. Я ему сказалъ, что если мы окажемся вынужденными вести войну, самое трудное будетъ избѣгнуть содѣйствія революціонеровъ, которые могутъ все погубить. Императоръ отвѣтилъ: «если дѣло дойдетъ до войны, у насъ окажутся союзники».

[1] Извѣстно, что по окончаніи революціи 1848 года, многіе изъ участниковъ ея, въ особенности венгерцы и поляки, бѣжали въ Турцію. Первое столкновеніе между императоромъ Николаемъ и принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ произошло изъ-за венгерскихъ эмигрантовъ (Кошута, Бэма и Замойскаго), которыхъ Порта отказалась выдать австрійскимъ властямъ, несмотря на поддержку требованія послѣднихъ русскимъ дворомъ. Интересныя подробности столкновенія см. въ статьѣ Эмиля Оливье «Le Prince Louis-Napoleon». «Revue des deux mondes» 1-го января 1897 г., стр. 302.
А. Г.

6-го декабря. Былъ у принца Жерома [1]; онъ мнѣ говорилъ о нотѣ четырехъ державъ: Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи, предлагающихъ сдѣлку между Турціею и Россіею; онъ убѣжденъ, что ни одна изъ послѣднихъ на нее не согласится... Онъ думаетъ, что всѣ усилія императора сохранить миръ окажутся тщетными.

8-го декабря. Былъ у княгини Ливенъ [2]; тамъ были въ воинственномъ настроеніи. Она мнѣ сказала: «для насъ является необходимостью поколотить турокъ». Вечеромъ былъ у г-жи Нарышкиной, и она мнѣ говорила о томъ, какъ ей будетъ непріятно, если Киселевъ, русскій посланникъ, получитъ назадъ свои грамоты, такъ какъ всѣ русскіе немедленно должны будутъ оставить Парижъ.

Княгиня Ливенъ и г-жа Нарышкина—два національныхъ посланника въ юбкахъ, какихъ русскій императоръ всегда имѣетъ въ Парижѣ.—Нарышкина говорила мнѣ о господствующемъ въ Россіи увлеченіи войною, о неудовольствіи Киселева, несомнѣнно раздѣляемомъ императоромъ Николаемъ, по поводу одной пьесы, подъ названіемъ «Казаки», даваемой уже двѣ недѣли въ театрѣ «Gaité» и въ которой казаковъ смѣшиваютъ съ грязью; пьесѣ этой очень апплодируютъ.

Принимая во вниманіе то, что мнѣ довелось слышать отъ дипломатовъ, полагаю, что изъ предосторожности слѣдовало бы сдѣлать кое-какія военныя приготовленія. Знаю, что въ первый годъ женитьбы [3] не до веденія войнъ, но императора это не остановитъ: когда онъ увидитъ, что достоинство Франціи того потребуетъ, онъ ее поведетъ, сколько бы ни желалъ мира.

[1] Младшаго брата Наполеона I, постоянно жившаго въ Парижѣ. А. Г.

[2] Вдова бывшаго посла въ Лондонѣ, генералъ-адъют. Христ. Андр. Ливена, урожд. Буксгевденъ; послѣ смерти мужа переселилась въ Парижъ, гдѣ славилась своимъ салономъ. А. Г.

[3] Наполеонъ III женился 30-го января 1852 года. А. Г.

1854.

1-го февраля. Д'Абзакъ, капитанъ генеральнаго штаба, возвратился [1] изъ отпуска; 31-го января онъ видѣлъ въ Парижѣ, у княгини Витгенштейнъ, русскаго посланника Киселева. Нѣсколько дней передъ тѣмъ посланникъ получилъ письмо императора Николая къ императору Наполеону, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, въ которомъ императоръ французовъ склонялъ Николая къ миру. Киселевъ тотчасъ же испросилъ аудіенцію у императора для врученія письма своего повелителя и получилъ ее. Императоръ остался очень доволенъ письмомъ и приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ сообщить его въ Лондонъ. Отвѣтъ англійской королевы былъ «нѣтъ». Вслѣдствіе этого ожидаютъ отъѣзда русскихъ пословъ изъ Лондона и изъ Парижа.

10-го марта. Маркиза де-Контадъ [2] пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 8-го марта: «всѣ готовятся къ войнѣ. Я слышала на этихъ дняхъ отъ дипломатовъ, что греческія смуты [3] могутъ послужить отводомъ; между тѣмъ маршалъ Сентъ-Арно готовится къ отъѣзду, хотя состояніе его самое жалкое. Повидимому, у него ракъ во внутренностяхъ; у него страшные припадки и говорятъ, что онъ жить не можетъ. Южный климатъ можетъ, впрочемъ, нѣсколько продлить его существованіе.

13-го марта. У меня обѣдали дивизіонные генералы Канроберъ, адъютантъ императора, Боскэ и бригадный Эспи-

[1] Въ Ліонъ.

[2] Дочь маршала Кастеллана. А. Г.

[3] Весною 1854 г. толпы греческихъ добровольцевъ двинулись въ Өессалію, Эпиръ и южную Македонію для организаціи возстанія; Порта была поддержана Англіею и Франціею, которыя высадили на греческой почвѣ свои войска, обязавъ короля Оттона сохранять строжайшій нейтралитетъ. А. Г.

нассъ, назначенные начальниками дивизій и бригады, отправляемыхъ на Востокъ [1]. Они уѣзжаютъ съ небольшими частями войска ранѣе арміи, для выбора пункта высадки; въ немъ же будутъ устроены всѣ склады, такъ что пунктъ этотъ будетъ служить базисомъ военныхъ дѣйствій.

27-го марта. Телеграммою изъ Парижа меня извѣщаютъ, что въ законодательномъ собраніи министръ Фульдъ прочелъ посланіе императора, въ которомъ объявляется о войнѣ между Россіею и Франціею вызванной послѣдними рѣшеніями петербургскаго кабинета.

17-го апрѣля. Маршалъ Сентъ-Арно, командующій арміею на Востокѣ, прибылъ сюда вчера. Онъ мнѣ сказалъ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и что оставленіе министерства [2] сдѣлало его другимъ человѣкомъ. Онъ очень худъ, сгорбленъ, глаза тусклые, и я полагаю, что онъ съ трудомъ перенесетъ утомленія кампаніи. Думаю, что опредѣленнаго плана у него нѣтъ; онъ мнѣ говорилъ, что у него ихъ нѣсколько [3]... Я у него спросилъ, имѣетъ ли онъ дипломатическія полномочія, на что онъ отвѣтилъ: «въ извѣстной степени».

— Кажется, ими снабженъ принцъ Наполеонъ?

[1] Третья дивизія была поручена принцу Наполеону, сыну Жерома, двоюродному брату императора, носившему прозвище Plon-Plon. А. Г.

[2] Сентъ-Арно былъ до своего назначенія на Востокъ военнымъ министромъ. А. Г.

[3] Англичане были весьма недовольны назначеніемъ Сентъ-Арно. Любопытенъ отзывъ о немъ англійскихъ государственныхъ людей, который мы находимъ въ письмѣ принца-супруга (Альберта) къ брату своему герцогу Эрнсту Кобургскому: «Кто насъ крайне озабачиваетъ, такъ это маршалъ Сентъ-Арно, проходимецъ до мозга костей (chevalier d'industrie), находящійся въ рукахъ нѣкоего Т., относительно котораго сами французы не сомнѣваются, считая его способнымъ принять серебряные и даже бумажные рубли» (Aus meinem Leben und aus meiner Zeit von Ernst II Herzog von Cobourg 1888, томъ II, стр. 235). А. Г.

Онъ возразилъ мнѣ съ живостью: «нѣтъ! въ его присутствіи я объяснился по этому предмету съ императоромъ; онъ будетъ нести свои обязанности дивизіоннаго генерала и больше ничего».

— Но онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ мысль императора.

— Онъ можетъ знать мысль императора; но если онъ будетъ заниматься чѣмъ-либо инымъ, кромѣ своего дѣла какъ командующаго дивизіею, я его отправлю обратно: главнокомандующій—я. При его прибытіи ему окажутъ почести, слѣдуемыя французскому принцу, согласно правиламъ, но со слѣдующаго дня съ нимъ будутъ обращаться какъ съ дивизіоннымъ генераломъ. Я ему дамъ всякую возможность отличиться; пускай самъ этимъ пользуется.

14-го іюня. (На аудіенціи у Наполеона Кастелланъ имѣлъ съ нимъ, между прочимъ, слѣдующую бесѣду):

— Государь, въ Ліонѣ и его окрестностяхъ я имѣю все что нужно для образованія 50.000 хорошаго войска и это обойдется вдвое дешевле, чѣмъ на Югѣ. Въ Ліонѣ уже были хорошо организованы войска; изъ пяти полковъ взяли людей для образованія одного полка 7-го, предназначеннаго для Востока, и это потому, что полковникъ былъ хорошъ, а назначенный въ походъ 21-й линейный полкъ имѣлъ полковника очень дурного. Нужно было сдѣлать наоборотъ: полковника 7-го полка назначить въ 21-й, а полковника 21-го въ 7-й; онъ вышелъ бы въ отставку, если у него только есть самолюбіе, но во всякомъ случаѣ не полку страдать отъ того, что у него дурной полковникъ. Теперь выходитъ такъ, что полки, уже отдавшіе своихъ старыхъ солдатъ, отправляются на Востокъ на половину съ рекрутами, незнакомыми со службою. Слѣдовало бы, государь, не посылать слишкомъ много кадровъ на Востокъ, а ограничиваться отправленіемъ отрядовъ; въ противномъ случаѣ, такъ какъ уже черезъ три мѣсяца убудетъ пятая часть наличности, благодаря болѣзнямъ

и друг., на Востокѣ окажутся одни лишь кадры, въ которыхъ мы сами нуждаемся для нашихъ границъ. Я видѣлъ при ихъ проѣздѣ генераловъ Канробера, Боскэ и лорда Раглана и остался ими очень доволенъ; лишь бы войска наши, въ погонѣ за русскими, не слишкомъ подавались въ глубь; я съ ужасомъ прочелъ въ одной газетѣ, что Канроберъ былъ посланъ въ Силистрію.

— Императоръ: Даны самыя положительныя приказанія не идти далѣе Варны и ея окрестностей.

— Я: Въ Ліонѣ все благополучно; война могущественный отводъ для дурныхъ страстей, но необходимо зорко наблюдать. Еще недавно здѣсь арестовали десять членовъ тайныхъ обществъ; оставаться въ Ліонѣ безъ войскъ я не могу.

13-го іюля. Дивизіонный генералъ герцогъ Мортемарскій (du Mortemart) пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 10-го іюля.

«Дорогой маршалъ, завтра я возвращаюсь въ Буржъ [1], гдѣ сохраняю командованіе по желанію императора. Вчера, въ воскресенье, я завтракалъ въ Сенъ-Клу съ его величествомъ и имѣлъ съ нимъ въ его кабинетѣ, до и послѣ завтрака, два продолжительныхъ разговора о восточныхъ дѣлахъ. Первый касался общихъ предметовъ, театра войны, характера императора Николая, его дѣтей и настроенія русскаго дворянства. Второй сосредоточился на картахъ Чернаго и Болтійскаго морей и на планѣ Севастополя. Тотъ, который у императора, очень плохъ, и я постарался его исправить, указавъ на уязвимыя мѣста этого пункта. Вы знаете, какъ императоръ умѣетъ слушать, и, признаться, я воспользовался случаемъ, чтобы высказать ему все, что у меня было на сердцѣ относительно неуловимаго плана этой

[1] Городъ Шерскаго департамента, въ 200 километрахъ отъ Парижа; въ ту пору гнѣздо непримиримыхъ легитимистовъ. А. Г.

войны и способа ея веденія. Я выразилъ крайнее сожалѣніе о потерянномъ времени въ этой игрѣ въ прятки дивизій, раскинутыхъ въ Галлиполи, Адріанополѣ, Скутари, Константинополѣ и Варнѣ, тогда какъ комбинированнымъ дѣйствіемъ въ Крыму непріятелю наносился бы страшный ударъ, съ меньшимъ швыряніемъ денегъ и съ немного большею честью для нашего флота; я порицалъ проявленную имъ въ Одессѣ, послѣ Синопской бойни, филантропію и проч. Императоръ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ: «Вы, можетъ быть, правы, но въ дѣлахъ съ моими союзниками я не хозяинъ».

17-го августа. Взятіе Бомарзунда, 16-го августа, произвело отличное впечатлѣніе; это первое дѣйствіе французовъ противъ русскихъ. Командовавшій войсками генералъ Барагэ д'Иллье [1] будетъ вѣроятно, сдѣланъ маршаломъ Франціи.

6-го октября. Восторгъ при извѣстіи о взятіи Севастополя [2] былъ всеобщимъ между всѣми партіями, кромѣ демократовъ; поэтому красные радуются тому, что оно не подтвердилось, и держатъ самыя предосудительныя рѣчи.

1855.

28-го января. У его королевскаго высочества герцога кэмбриджскаго, благодаря Инкерманскому сраженію, произошло сотрясеніе мозга; за время всей кампаніи онъ проявилъ большую храбрость и теперь, больной, возвращается въ Англію.

[1] Бывшій до того посломъ въ Константинополѣ, откуда былъ отозванъ, такъ какъ находился въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ маршаломъ Сентъ-Арно, съ которымъ не желалъ одновременно находиться на Востокѣ. А. Г.

[2] Ложное извѣстіе это, облетѣвшее тогда всю Европу, было сообщено изъ Бухареста, куда съ нимъ прибылъ одинъ крымскій татаринъ. А. Г.

Принцъ Наполеонъ, больной, вынужденъ былъ покинуть Крымъ и перебраться въ Константинополь; но и здѣсь его здоровье не поправилось, и императоръ разрѣшилъ ему вернуться во Францію.

23-го февраля. На крымскую экспедицію, потребовавшую отправленія нашихъ лучшихъ войскъ, смотрятъ какъ на ослабленіе нашего положенія на континентѣ.

Отъѣздъ императора [1] внушаетъ великое безпокойство. Англія всѣми силами настаиваетъ на томъ, чтобы онъ не ѣхалъ. Лордъ Джонъ Руссель, какъ говорятъ, сказалъ ему: «государь, если вы поѣдете въ Крымъ, то это означаетъ войну до послѣднихъ крайностей и мнѣ тогда безполезно отправляться для переговоровъ въ Вѣну».

Императоръ со дня на день становится неприступнѣе; отклонить его отъ разъ принятаго рѣшенія невозможно.

Говорятъ, что императрица, которая отправляется вмѣстѣ съ нимъ, останется въ Константинополѣ.

24-го февраля. Я видѣлъ маршала Вальяна [2], и на мое заявленіе, что меня крайне озабочиваетъ отъѣздъ его величества, онъ мнѣ отвѣтилъ, что императоръ очень добръ, но если онъ чѣмъ-нибудь задастся, чрезвычайно упрямъ; что положеніе его, Вальяна, въ этомъ отношеніи весьма затруднительно, такъ какъ онъ выработалъ планъ, какъ покончить съ Севастополемъ, и императоръ хотѣлъ взять на себя его исполненіе.

Въ половинѣ второго я былъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. «Отъѣздъ в. в. меня безпокоитъ (сказалъ Кастелланъ императору); крымская экспедиція была затѣяна или слишкомъ

[1] Крымскія дѣла затягивались, и Наполеонъ рѣшилъ отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій и принять главное начальство надъ войсками. А. Г.

[2] Военнаго министра, замѣнившаго Сентъ-Арно. А. Г.

поздно, или слишкомъ рано [1]; еще хорошо, что Канроберъ поддерживаетъ духъ своей арміи.

— Между нами будь сказано, сказалъ императоръ, я ожидаю отвѣта отъ Пруссіи и отправлюсь въ Крымъ, если она уступитъ. Я организовалъ три армейскихъ корпуса: сѣверный, парижскій и ліонскій съ резервною дивизіею, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды и вы могли идти съ другими. Я думалъ отправиться въ Крымъ, потому, что, по имѣющимся вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полагаютъ возможнымъ совершенно уничтожить русскую армію. Съ 15 тысячами пьемонтцевъ, съ англичанами и съ турками въ Крыму окажется болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Уничтоживъ русское войско, я вернусь вмѣстѣ съ своими войсками, оставивъ турокъ стеречь Крымъ.

— Государь, сказалъ я, когда Наполенъ I отправился въ Египетъ, онъ не былъ монархомъ; если собирались въ

[1] Считаемъ нелишнимъ привести небольшую выдержку по вопросу о томъ, кѣмъ былъ затѣянъ походъ на Севастополь, изъ воспоминаній принца Эрнста Кобургскаго. «Историки неоднократно поднимали вопросъ о томъ, кто былъ изобрѣтателемъ столь неожиданнаго въ военномъ отношеріи плана, и отвѣта не находили. Военные часто утверждали, что это идея «штатская», вышедшая изъ головы какого-либо дипломата. Несомнѣнно, что погромъ турокъ при Синопѣ обратилъ вниманіе государственныхъ людей Запада на размѣры арсенала русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ.

«Мысль о завоеваніи Севастополя, говоритъ одинъ изъ англійскихъ исторіографовъ (къ сожалѣнію, авторъ воспоминаній не говоритъ, кто именно. А. Г.) возбудила въ англійскомъ обществѣ интересъ въ своемъ родѣ драматическій, какъ дѣло справедливости.

«Такому взгляду былъ доступенъ и мой братъ (принцъ-супругъ); хотя я рѣшительно отвергаю возможность приписать ему авторство плана крымскаго похода, но безпристрастіе вынуждаетъ меня признать, что принцъ Альбертъ настаивалъ на проведеніи этого своеобразнаго плана, какъ только онъ былъ придуманъ. Онъ соревновалъ съ Пальмерстономъ въ усердныхъ настояніяхъ о нападеніи на Севастополь и высказывалъ связанныя съ этимъ надежды гораздо ранѣе императора Наполеона, которому совершенно безъ всякаго основанія приписывали эту оригинальную мысль» (Aus meinem Leben und aus meiner Zeit.). А. Г.

Крымъ, то нужно было сдѣлать ранѣе, когда русскіе еще не были готовы. Въ Крыму, государь, можно наткнуться и на неудачи и подумайте, что бы это было, если бы это случилось съ монархомъ. Я понимаю рыцарское чувство, которое руководитъ в. в., но я предпочелъ бы видѣть васъ командующимъ арміею на Рейнѣ.

— И я также предпочелъ бы то-же...»

Обѣдалъ у моего зятя графа Гацфельдта. По его мнѣнію, императоръ Николай желаетъ мира. Россія унижена; Австрія далека отъ мысли воевать. Пруссія желала бы остаться въ сторонѣ отъ переговоровъ. Англія желаетъ войны; начало послѣдней не было для нея особенно счастливо. Ея положеніе умалилось, а Франція какъ бы выросла.

25-го февраля. Былъ у министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Люиса. Какъ и я, онъ думаетъ, что это путешествіе императора въ Крымъ подрываетъ и внѣшнее и внутреннее положеніе. Мнѣ извѣстно, что австрійскій посланникъ баронъ Гюбнеръ сказалъ вчера: «я настаивалъ на союзѣ съ Австріею; мое положеніе скомпрометтировано, если императоръ поѣдетъ въ Крымъ, такъ какъ мы вели переговоры съ нимъ, ибо онъ внушалъ намъ довѣріе, а не съ Франціею». Какъ Австрія, такъ и Англія сдѣлали настоятельныя представленія.

Друэнъ де-Люисъ благодарилъ меня за то, что я говорилъ императору противъ этого путешествія.

26-го февраля. Король прусскій непремѣнно желаетъ принять участіе въ Вѣнской конференціи; поэтому почти навѣрно онъ подпишетъ съ Франціею договоръ, который позволитъ ему это сдѣлать [1]. Тѣмъ не менѣе сѣверъ Германіи во-

[1] Маршалъ ошибался въ своихъ предположеніяхъ; отправленный Прусскимъ королемъ спеціально уполномоченный для обсужденія договора графъ Ведель ни къ какому соглашенію съ французскимъ дворомъ не пришелъ. Предполагавшійся союзъ не состоялся, благодаря требованіямъ Франціи дозволить пропускъ ея войскъ черезъ Германію и подготовить возстаніе въ Польшѣ; прусскій король рѣшительно отклонилъ оба эти требованія. А. Г.

оружается и въ видахъ враждебныхъ противъ насъ. Въ случаѣ выступленія въ походъ у насъ не хватило бы четырнадцати тысячъ лошадей для артиллеріи; двѣ тысячи отправляются въ данную минуту на Востокъ. Организаціонныя работы военнаго министерства заброшены; правда, что оно обязано дѣйствовать по замѣткамъ, посылаемымъ изъ кабинета императора. Тамъ приказываютъ формировать дивизіи и корпуса, не зная имѣется ли на то матеріалъ.

18-го марта. Капитанъ Мерль, адъютантъ императора, прибылъ изъ Крыма 15-го марта. Отъ него я узналъ, что мы хорошо укрѣплены въ нашихъ позиціяхъ, а русскіе на своихъ, какъ и въ Севастополѣ. Генералъ Ніель послѣ перваго осмотра думалъ, что имъ можно было бы овладѣть; генералъ Канроберъ попросилъ его снова посмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ, или безъ него. Ніель предпочелъ отправиться безъ него и на этотъ разъ вернулся проникнутый тѣмъ, что придется преодолѣвать большія затрудненія. Въ третій разъ онъ отправился вмѣстѣ съ Канроберомъ и они оба вернулись въ убѣжденіи, что приступъ можетъ стоить двадцать пять тысячъ человѣкъ и къ тому же не удасться. Русскіе дерутся превосходно; ихъ силы въ Крыму опредѣляютъ въ 80 тысячъ человѣкъ. Генералъ Канроберъ имѣетъ подъ своимъ командованіемъ тоже 80 тысячъ; кромѣ того, имѣется 12 тысячъ англичанъ, которые только помѣха. Лордъ Рагланъ и Канроберъ очень вѣжливы другъ съ другомъ, но взаимнаго довѣрія—никакого.

2-го мая. Моя дочь, маркиза де-Контадъ, пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 30-го апрѣля:

«За это время два событія: первое, новѣйшее,—это отказъ императора отъ своего намѣренія ѣхать въ Крымъ [1]...»

[1] Обстоятельствомъ, рѣшительно повліявшимъ на отмѣну путешествія, было покушеніе на императора итальянца Піанори (28-го апрѣля); Наполеонъ убѣдился, что съ его отъѣздомъ революціонеры поднимутъ голову.

А. Г.

6-го мая. Въ Альминскомъ сраженіи генералы, воевавшіе въ Африкѣ, приказали солдатамъ, согласно обычаю, практикующемуся противъ арабовъ, сложить котомки на землю. По взятіи высотъ пришлось возвращаться назадъ цѣлыхъ полторы мили за котомками; вышло, что сраженіе осталось безъ всякаго результата, что̀ напрасно приписывали исключительно недостатку кавалеріи.

20-го мая. Во что бы то ни стало хотять посылать новыя батареи на Востокъ... для чего берутъ рекрутъ послѣдняго набора. Я спросилъ у одного канонира 2-й артиллерійской пѣшей батареи, вчера проѣзжавшей черезъ Ліонъ, давно ли онъ на службѣ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «одинъ мѣсяцъ. Я изъ старыхъ; на 204 человѣка нашей батареи нѣтъ болѣе двѣнадцати такихъ, которые знаютъ, что такое пушка. Ѣдемъ въ Крымъ». Канониръ этотъ, впрочемъ, былъ полонъ доброй воли.

15-го августа. Прибывшій сегодня изъ Крыма генералъ Канроберъ былъ у меня. Онъ мнѣ разсказалъ, что̀ его побудило отказаться отъ командованія. Въ присутствіи Омера-паши [1] онъ сказалъ лорду Раглану: «необходимо единство командованія; вы — фельдмаршалъ, я — генералъ-лейтенантъ, вамъ семьдесятъ лѣтъ, мнѣ — сорокъ пять, и я добровольно ставлю себя съ своею арміею подъ ваше начальство; Омеръ-паша со своими турками сдѣлаетъ то же». Омеръ-паша согласился. Лордъ Рагланъ все толковалъ объ атакѣ Зеленаго холма и, наконецъ, рѣшился.

Канроберъ, увѣренный, что атака состоится, вернулъ флотъ, отправлявшійся въ Керчь; велико было его удивленіе увидѣть на другой день вошедшаго къ нему лорда Раглана, заявившаго, что онъ раздумалъ и что не желаетъ покидать занятаго имъ въ осадѣ положенія. Тогда Канроберъ передалъ командованіе генералу Пелиссье.

[1] Главнокомандующаго турецкими войсками. А. Г.

26-го августа. Я обѣдалъ у моей дочери въ прусскомъ посольствѣ... Былъ господинъ фонъ-Бисмаркъ, прусскій посланникъ при франкфуртскомъ сеймѣ. Онъ большаго роста, очень вѣжливъ, фигура болѣе мощная, чѣмъ изящная; онъ слыветъ за сторонника русскихъ.

13-го ноября[1]. Императоръ напомнилъ мнѣ явиться къ нему въ пятницу; затѣмъ онъ вышелъ, оставивъ меня съ императрицею, которая посадила меня рядомъ съ собою и говорила о недостаткѣ въ салонахъ, о томъ что остался лишь салонъ княгини Ливенъ, въ которомъ встрѣчаются выдающіяся лица всѣхъ партій.

— Да, сказала императрица, война произошла благодаря этому женскому посольству. Лица, бывавшія въ гостиныхъ госпожъ Ливенъ, Нарышкиной и Калерги, говорили, что война невозможна, что она затрогиваетъ слишкомъ много интересовъ, что промышленность ушла для того слишкомъ далеко впередъ. Киселевъ, полагавшій, что императоръ весьма способенъ ее предпринять и что союзъ съ Англіей вѣроятенъ, писалъ въ противоположномъ смыслѣ и получилъ за это предостереженія отъ своего двора. Послѣ того онъ уже не смѣлъ выражать своего мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, выражалъ его очень робко.

Я заговорилъ о возможности скораго мира.

— Россія, отвѣчала императрица, повидимому, рѣшилась ничѣмъ не поступаться; если и она уйдетъ изъ Крыма, то все-таки не намѣревается его уступить или ограничить свои силы въ Черномъ морѣ. Она говоритъ: «вы не можете оставаться тамъ постоянно, и когда васъ не будетъ, мы снова туда вернемся». На Россію нападать слѣдуетъ въ Польшѣ.

19-го декабря. Зять мой[2] полагаетъ, что для Россіи— разсчетъ заключить миръ. Паръ уничтожилъ часть могущества

[1] Маршалъ Кастелланъ обѣдалъ въ этотъ день во дворцѣ.

[2] Гацфельдъ, прусскій посланникъ.

этой державы, заключавшагося въ томъ, что у себя дома она была неприступна. Гацфельдъ убѣжденъ, что императоръ[1] останется въ союзѣ съ Англіею, пока длится война. Между французами и русскими нѣтъ никакой ненависти; и тѣ и другіе говорятъ, что они другъ друга уважаютъ и дерутся лишь потому, что должны исполнять долгъ.

Позднѣе, между Франціею и Россіею будетъ союзъ.

Маршалъ Пелиссье говоритъ, что онъ приказалъ потрогать русскихъ во всѣхъ пунктахъ. Изъ позицій выбить ихъ нѣтъ возможности; въ данную минуту ничего подѣлать нельзя и, при движеніи впередъ, можно только потерять много людей. Ихъ позиціи лучше тѣхъ, что они имѣли въ Севастополѣ (?). Наши также неприступны. Маршалъ Пелиссье говоритъ, что въ Крыму слишкомъ много войска; достаточно было бы сорока тысячъ для нашихъ позицій въ Камышѣ, Керчи и Кинбурнѣ.

Если предстоитъ еще война, въ чемъ многіе убѣждены, крупные удары будутъ наноситься въ Балтійскомъ морѣ. Англичане хотятъ во что бы то ни стало уничтожить Кронштадтъ; они вооружили для этого нѣсколько канонерскихъ лодокъ.

1856.

2-го февраля. Россія приняла прелиминарныя условія мира, предложенныя ей Австріею, съ согласія Франціи и Англіи.

Гацфельдъ представилъ меня графу Орлову: высокій и красивый военный генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ императора. Онъ не видалъ Парижа съ 1815 года; тогда онъ былъ полковникомъ и занялъ Монмартръ.

[1] Наполеонъ.

7-го мая. Генералъ герцогъ Мартемарскій[1] пишетъ мнѣ изъ Парижа 6-го мая: «Великолѣпный миръ! и могу васъ увѣрить, что мой старый сосѣдъ по палаткѣ, за время Балканскаго похода 1828 года, Орловъ, въ восторгѣ отъ нашего императора. Онъ считаетъ его вершителемъ всего справедливаго и истиннаго въ мірѣ и т. п.»

— Данный Парижскому миру 1856 года герцогомъ Мартемарскимъ, въ приводимомъ письмѣ его къ маршалу Кастеллану, титулъ «великолѣпнаго» мало соотвѣтствовалъ истинѣ и былъ лишь отголоскомъ того радостнаго настроенія, которое господствовало среди лицъ, близко стоявшихъ къ Наполеону. Но такое настроеніе далеко не было всеобщимъ, не только въ Европѣ, но и въ самой Франціи: «Уже за время послѣднихъ дней Парижскаго конгресса, пишетъ одинъ изъ современныхъ выдающихся изслѣдователей Наполеоновской эпохи[2], въ Европѣ господствовало весьма живое сознаніе непрочности совершеннаго дѣла». Въ Англіи лордъ Пальмерстонъ и лордъ Джонъ Руссель находили, что результатъ превзойдетъ всѣ ихъ надежды, если навязанныя Россіи условія можно будетъ продержать въ силѣ хотя бы 10 или 12 лѣтъ. Въ Австріи престарѣлый князь Меттернихъ писалъ (лэди Вестмореландъ, 24-го мая 1856 г.): «Севастополь не стоитъ того, во что онъ обошелся». Въ самой Франціи наиболѣе спокойные наблюдатели за политикою, Гизо, Токвиль, Монталамберъ, среди всеобщаго ликованія, съ трудомъ скрывали свои опасенія за будущее. Еще до паденія Севастополя, Боскэ, самый блестящій изъ военноначальниковъ Крыма, выразилъ, съ предусмотрительностью близкою къ пророчеству, опасеніе, чтобы такъ много потраченныхъ трудовъ не пропало даромъ. «Война эта, писалъ онъ, доставитъ Франціи

[1] См. выше.

[2] Pierre de la Gorce, Histoire du second Empire. Paris 1895. Томъ I стр. 477.

лишь немного славы; она можетъ потерять своихъ лучшихъ солдатъ и, слѣдовательно, средства сопротивленія русско-нѣмецкому нашествію, когда останется одною, брошенною Англіею, интересы которой, несмотря на союзъ, рознятся отъ нашихъ...» Что касается самого Наполеона, то ему, конечно, нельзя было не радоваться окончанію Восточной войны; но и онъ, въ письмѣ къ герцогу Кобургскому, отъ 11-го марта 1856 г., въ которомъ сообщаетъ, что миръ обезпеченъ, заявляетъ откровенно, что «жертвы войны не были въ соотвѣтствіи съ тѣми выгодами, которыя можно было надѣяться изъ нея извлечь» [1].

---

[1] Aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Томъ II, стр. 297.

Германія и Россія въ эпоху Крымской войны.

Лишь въ правильномъ изученіи исторіи находятся указанія на то, чего можно добиваться въ международныхъ сдѣлкахъ, по любому вопросу; распознавать границы достижимаго — высшая задача дипломатическаго искусства. Такъ говорилъ Бисмаркъ, въ самомъ началѣ своей политической карьеры, въ бытность прусскимъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ.

Если правиломъ этимъ слѣдуетъ неуклонно руководствоваться дипломатамъ, ведущимъ переговоры по международнымъ вопросамъ, то оно вообще полезно и всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ имѣть правильное сужденіе о задачахъ своего отечества въ области внѣшней политики.

Общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ минуты и не углубляясь въ причины того или другого явленія международной жизни, нерѣдко избираетъ ложное направленіе, могущее увлечь государство на опасный путь и затемнить истинную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Основанное же на правильномъ изученіи исторіи сужденіе общества о томъ, что происходитъ въ области внѣшней политики, будетъ менѣе страстнымъ и, если не оцѣнитъ безошибочно даннаго положенія или не опредѣлитъ съ точностью его ближайшихъ по-

слѣдствій, то и не навлечетъ напрасно на страну никакихъ невзгодъ, нерѣдко сопряженныхъ съ увлеченіемъ враждою или дружбою къ тому или другому народу.

Когда зимою 1887—1888 года, въ виду настойчиво высказываемыхъ вѣнскою печатью опасеній войны съ Россіею, австрійское правительство, съ согласія Германіи, обнародовало секретный австро-германскій договоръ 1879 года (въ свое время сообщенный петербургскому кабинету), наше общественное мнѣніе, въ силу помянутаго договора, несказанно заволновалось и русское общество, убѣжденное, что война съ съ союзными державами сдѣлалась неминуемою въ ближайшемъ будущемъ, рѣшило безповоротно, что Австрія и Германія, во враждѣ съ Россіею, связаны на вѣки.

Въ исторіи, между тѣмъ, мы находимъ массу указаній на то, что вражда эта несравненно слабѣе того соперничества, порою глухого, порою открытаго, но безъ передышки, которое легло съ поконъ вѣка въ основаніе взаимныхъ отношеній Пруссіи и Австріи и послѣ разгрома послѣдней, тридцать лѣтъ тому назадъ, не могло совершенно исчезнуть съ появленіемъ договора 1879 года. Договоръ этотъ—лишь одинъ изъ многочисленныхъ фазисовъ отношеній Пруссіи, а нынѣ Германіи, къ Австріи, и для правильнаго сужденія о немъ, необходимо познакомиться съ исторіею этихъ отношеній и выяснить, насколько могутъ быть однородны побужденія, которыми руководятся обѣ эти державы въ ихъ сношеніяхъ съ Россіею, и на твердой ли почвѣ построено соглашеніе 1879 года.

Въ законченномъ, года два тому назадъ (1895), обширномъ трудѣ профессора берлинскаго университета фонъ-Зибеля «Основаніе германской имперіи Вильгельмомъ І-мъ» [1], можно найти, по интересующему насъ вопросу, массу драго-

[1] Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I, von Heinrich von Sybel. Zweiter Band. München und Leipzig 1889. Druck und Verlag von R. Oldenburg.

цѣнныхъ документальныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ авторомъ, главнымъ образомъ, въ государственномъ архивѣ Берлина. Желая ознакомить русскихъ читателей съ этимъ трудомъ, мы приводимъ здѣсь къ переводѣ описаніе хода германскихъ дѣлъ въ эпоху давно отошедшей въ область исторіи, но столь живо памятной еще Крымской кампаніи. Въ этомъ описаніи мы встрѣчаемъ положенія, во многомъ сходныя съ тѣми, которыя Россія пережила въ послѣднюю Турецкую войну, при чемъ съ особенною яркостью выступаетъ разница цѣлей, преслѣдованныхъ Пруссіею и Австріею, всякій разъ когда восточныя дѣла понуждали эти державы стать въ вполнѣ опредѣленныя отношенія къ Россіи.

Обстоятельства нынѣ, конечно, измѣнились, но не на столько, чтобы въ корень измѣнить взаимоотношенія вѣковыхъ соперниковъ и отношенія каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности, къ Россіи.

Въ наши дни обострившейся до крайнихъ предѣловъ національной ревности, когда даже родственныя по происхожденію и языку племена тщетно пытаются объединить свои желанія и стремленія въ устройствѣ ихъ государственной жизни, возможно ли допустить, чтобы соглашеніе, придуманное правителями двухъ столь разношерстныхъ государственныхъ величинъ, каковы современныя Германія и Австро-Венгрія, легло въ основаніе будущей политики этихъ странъ, въ противность послѣдовательнымъ историческимъ требованіямъ, которымъ онѣ были подчинены за все время своего развитія?

Описаніе Зибелемъ главнѣйшихъ моментовъ Крымской войны и оцѣнка его нашей политики въ ту эпоху полны для насъ существеннаго интереса. Теперь (1897), когда воспоминанія о постигшихъ насъ неудачахъ, по отдаленности ихъ и искупленіи послѣдующими побѣдами, утратили свой острый характеръ, когда нанесенныя намъ раны зажили, а съ другой стороны, Восточный вопросъ продолжаетъ стоять передъ

нами во всей своей сложности—не безполезно ознакомиться съ указаніями иностраннаго историка на наши увлеченія и ошибки и провѣрить его. Сознанныя ошибки не повторяются: въ этомъ залогъ истиннаго успѣха и надежнѣйшее средство оградить себя отъ «козней вражескихъ».

А. Г.

I.

Союзъ между Австріею и Пруссіею.

Ходъ германскихъ дѣлъ подвергся въ 1854 году задержкѣ и сильнымъ толчкамъ, благодаря охватившему всю Европу кризису—войнѣ Россіи съ Турціею и Западными державами. Насъ интересуетъ здѣсь вліяніе кризиса на германскія дѣла; мы ограничимся, поэтому, краткими указаніями на общій ходъ событій, и то лишь на сколько эти указанія необходимы для выясненія германской политики тѣхъ годовъ.

Императоръ Николай I стоялъ тогда на высшей ступени успѣховъ, почета и мощи. Въ сознаніи своей власти, повелѣвая неограниченно государствомъ и церковью, онъ съ самаго начала явился противникомъ современнаго либерализма и съ величайшею энергіею, всѣми средствами, которыми располагалъ, выступилъ противъ революціи 1848 года. Въ усмиреніи венгерскаго мятежа онъ видѣлъ залогъ безусловной приверженности Австріи. Прусскаго короля онъ суровою рукою, подъ конецъ даже къ собственному удовлетворенію послѣдняго, вырвалъ изъ тисковъ объединительной политики и тѣмъ самымъ возстановилъ раздробленіе Германіи, одинаково пріятное какъ среднимъ германскимъ государствамъ, такъ и Россіи. Своими угрозами онъ принудилъ германскія державы выдать Даніи Шлезвигъ-Голштинію, и это послужило поводомъ къ окончательному укрѣпленію дружбы его со многими выдававшимися государственными людьми Англіи.

Единственная великая европейская держава, не оказывавшая ему угодливости, была Францiя. Она казалась ему источникомъ всякихъ революцiй, страною, расшатанною анархiею и партiйными раздорами; онъ не поколебался, въ лицѣ новаго главы республики, открыто выразить презрѣнiе къ французскимъ порядкамъ. Въ глазахъ всего свѣта, онъ сдѣлался, такимъ образомъ, убѣжищемъ законности и консервативныхъ началъ; либералы Европы его ненавидѣли, но еще болѣе боялись, влiятельныя же лица изъ феодальныхъ и клерикальныхъ партiй, почитали его съ пламенною ревностью.

Въ 1852 году, онъ глядѣлъ на западную часть нашего материка, какъ на устроенную по его указанiямъ и теперь снова направилъ взоръ назадъ, на турецкiй Востокъ.

Здѣсь также онъ думалъ найти обильный матерiалъ для примѣненiя своего властительскаго призванiя. Хотя Порта смиренно и молчаливо повиновалась его мановенiямъ, тѣмъ не менѣе и въ Константинополь проникъ ядъ революцiонныхъ мыслей; оказавъ гостепрiимства польскимъ и венгерскимъ бѣглецамъ, Порта приняла даже нѣкоторыхъ изъ нихъ на службу. Когда Францiя потребовала для католиковъ въ Iерусалимѣ бо̀льшаго удѣла во владѣнiи и пользованiи Св. мѣстами, на счетъ правъ тамошнихъ грековъ, Диванъ, послѣ нѣкотораго колебанiя, обнаружилъ готовность исполнить такое требованiе. Конечно, вслѣдствiе рѣзкаго сопротивленiя тому со стороны Россiи, онъ ограничился ничтожною мѣрою—дозволенiемъ имѣть ключъ отъ никогда не запиравшейся церковной двери; но и тутъ императоръ Николай, опираясь на единомыслiе съ Англiею, объявилъ, что посягательство это на права греческой церкви, заключаетъ въ себѣ тяжкое оскорбленiе лично для него, тѣмъ болѣе, что ужъ безъ того греческiя общины, въ различныхъ провинцiяхъ Турцiи, терпятъ притѣсненiя и оскорбленiя, благодаря произволу турецкихъ чиновниковъ, и что Россiя, на основанiи заключенныхъ

договоровъ, имѣетъ формальное право охраны своихъ единовѣрцевъ. Чѣмъ осторожнѣе теперь Францiя, несмотря на явную неосновательность русскихъ притязанiй, отступала отъ своихъ требованiй, чѣмъ насильственнѣе распространялось на всю Европу могущество Россiи, сказавшееся въ 1852 году, тѣмъ глубже русскiй самодержецъ проникался мыслью, что наступило благопрiятное время для рѣшенiя въ выгодномъ, исключительно для Россiи, смыслѣ давно уже постановленнаго Восточнаго вопроса. Другими словами, онъ снова, какъ и въ 1829 году, исходилъ изъ того воззрѣнiя, что турецкое владычество, потрясенное внутри, близко къ смерти; христiанскiе подданные, 10—12 миллiоновъ которыхъ въ одной Европѣ были единовѣрцами русскихъ, собирались сбросить иго полумѣсяца; было бы безчестно и безбожно удерживать ихъ отъ того, не ободрять и не поддерживать. Тѣмъ самымъ открылось бы наслѣдство «больнаго человѣка» и пришлось бы лишь, при урегулированiи этого вопроса, по возможности устранить отъ участiя въ этомъ дѣлѣ неблагосклонно относящихся къ нему сотоварищей. Исходя изъ такой мысли, императоръ Николай въ 1853 году заговорилъ о Турцiи съ англiйскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, сэромъ Гамильтонъ Сеймуромъ, и заявилъ, что онъ требуетъ для себя лишь протектората надъ Молдавiей, Валахiей и Сербiей и что желаетъ предоставить Англiи Кандiю и Египетъ. Онъ надѣялся, что Англiя не устоитъ противъ этого предложенiя.

— Если мы оба будемъ согласны, сказалъ онъ посланнику, намъ нечего заботиться ни о комъ; если я говорю Россiя, то это значитъ и Австрiя, такъ какъ на востокѣ у насъ одни и тѣ же интересы.

Прежде всего Диванъ пришелъ къ заключенiю, что ужасный конецъ лучше ужаса, не имѣющаго конца. Русскiй ультиматумъ былъ отклоненъ. Императоръ Николай отвѣтилъ тѣмъ, что войска его заняли Молдавiю и Валахiю, не для

войны, но въ матеріальное обезпеченіе того, что его законныя требованія будутъ исполнены.

О Пруссіи онъ даже и не упомянулъ, о Франціи отозвался, въ разговорѣ съ Сеймуромъ, съ рѣзкою враждебностью, что̀ ему однако не помѣшало, послѣ того какъ въ Лондонѣ холодно отклонили его планы, такую же попытку возобновить и съ французскимъ посланникомъ, Кастельбажакомъ. Онъ настолько былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предложенія, что въ Севастополѣ подготовилъ къ выходу черноморскій флотъ, стянулъ въ Бессарабіи сильную армію и послалъ въ Константинополь адмирала князя Меншикова, для передачи рѣшающаго вопросъ ультиматума. Требованія кн. Меншикова сводились къ заключенію договора, по которому обѣ державы соглашались сохранять неприкосновенными права и привилегіи исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру турецкихъ подданныхъ; такъ что впредь, при всякомъ нарушеніи правъ послѣднихъ, русскій императоръ имѣлъ бы основаніе для фактическаго вмѣшательства. Ясно, что это было бы равносильно погибели турецкой самостоятельности и смерти «больнаго человѣка». Дивану представился, такимъ образомъ, выборъ между добровольнымъ подчиненіемъ и гибелью отъ русскаго меча.

Съ самаго начала осложненій, Наполеонъ, только что возведенный на императорскій престолъ и окруженный въ то время отличными совѣтниками, увидѣлъ въ заносчивости Россіи возможность для себя крупныхъ успѣховъ. Разсчитанною уступчивостью въ вопросѣ о Св. мѣстахъ онъ возбудилъ своего противника къ еще болѣе рѣзкому образу дѣйствій, но съ появленіемъ Меншикова, сдѣлавшимъ разрывъ неизбѣжнымъ, тотчасъ отправилъ французскій флотъ въ греческія воды. Сначала англійскіе министры давали себя убаюкивать увѣреніями петербургскаго кабинета, но при занятіи княжествъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ съ такою силою возстало

противъ этого, что кабинетъ послѣдовалъ примѣру Франціи и также послалъ флотъ для защиты Турціи.

Не менѣе значительное вліяніе оказалъ русскій образъ дѣйствій и на вѣнскій дворъ. Хотя личное почитаніе и признательность молодаго императора къ своему могучему сосѣду не измѣнились, но дальнѣйшія распоряженія послѣдняго слишкомъ явно угрожали жизненнымъ интересамъ монархіи. Россія охватила уже границы Австріи съ сѣвера и востока: нельзя было дать себя охватить колоссу и съ юга. Особыя обстоятельства усиливали это соображеніе. Свобода плаванія по Дунаю, укрѣпленіемъ русскихъ въ Валахіи, была бы отдана на полный произволъ Россіи.

Единовѣрная съ русскимъ народомъ большая часть турецкихъ христіанъ была въ то же время единоплеменна южнымъ австрійскимъ славянамъ, и нельзя было предусмотрѣть, насколько національное движеніе первыхъ могло распространиться и за предѣлами Турецкой имперіи. При дальнѣйшемъ теченіи дѣлъ императоръ Николай, правда, далъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ торжественное завѣреніе, что онъ не потерпитъ такого переступленія границъ; но графъ Буоль, не сомнѣваясь въ добросовѣстности такого обѣщанія, былъ весьма мало увѣренъ въ его исполнимости, и поэтому выражалъ намѣреніе добиться, совмѣстно съ западными державами, посредничества въ возникавшемъ грозномъ дѣлѣ.

Что касается Пруссіи, то король и министры были очень довольны не имѣть, благодаря географическому положенію страны, непосредственныхъ интересовъ въ исходѣ осложненія; вмѣстѣ съ тѣмъ они признавали незаконность русскихъ наступательныхъ дѣйствій и собирались, не колеблясь, примкнуть къ дипломатическимъ шагамъ другихъ дворовъ. Въ Вѣнѣ собралась конференція четырехъ державъ съ цѣлью добиться соглашенія сторонъ путемъ дешевыхъ взаимныхъ уступокъ. Эта первая попытка не удалась, такъ какъ Россія, сначала

принявшая предложеніе державъ, впослѣдствіи его отклонила. На это Порта объявила Россіи войну и отправила войско на освобожденіе Валахіи; на Дунаѣ послѣдовали сраженія и въ то же время на Босфорѣ появились флоты западныхъ державъ для защиты Турціи противъ нападенія со стороны моря. Но когда, несмотря на послѣднюю мѣру, адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ турецкую эскадру въ Синопѣ, западныя державы направили свои флоты въ Черное море и объявили, что они дальнѣйшихъ нападеній на турецкіе берега не потерпятъ. На это Россія отвѣтила прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею и Англіею. Вѣнская же конференція пришла къ соглашенію относительно главныхъ условій устойчиваго мира: неприкосновенность турецкой территоріи и, слѣдовательно, какъ первое условіе мира — очищеніе русскими княжествъ, пересмотръ трактатовъ 1841 года, принятіе Турціи въ составъ европейскихъ державъ и непринужденное объявленіе султаномъ дарованія покровительства всѣмъ христіанскимъ церквамъ, безъ различія исповѣданій.

Диванъ былъ на все это согласенъ, но Россія упорствовала въ своихъ первоначальныхъ требованіяхъ и отклонила услуги четырехъ державъ, такъ какъ споръ ея съ Турціею былъ-де дѣломъ внутреннимъ и домашнимъ.

Такимъ образомъ, за одинъ годъ, политическое положеніе Европы подверглось коренному измѣненію. Къ началу 1853 года Россія, во главѣ священнаго союза и въ сердечной дружбѣ съ Англіею, несомнѣнно руководила высшею политикою въ то время, какъ Франція, къ которой всѣ дворы относились съ недовѣріемъ, занимала совершенно изолированное положеніе. Годъ спустя Россія увидѣла направленными противъ себя единодушное сопротивленіе всѣхъ великихъ державъ и одинаковое со стороны каждой изъ нихъ порицаніе ея дѣйствій, а, кромѣ того, двѣ державы угрожали вооруженною силою.

Не мало оскорблены были въ Петербургѣ тѣмъ, что во главѣ этой сильной коалиціи стоялъ особенно ненавидимый и презираемый Наполеонъ, занявшій руководящее положеніе на Вѣнской конференціи. Англія уже соглашалась съ нимъ, что Синопская бойня задѣла честь морскихъ державъ и что при продолжающемся упорствѣ Россіи casus belli уже былъ на лицо. Если бы теперь еще удалось привлечь обѣ нѣмецкія державы къ одинаковому рѣшенію—также помощью оружія привести въ исполненіе включенное въ протоколы конференціи постановленіе—то тѣмъ самымъ священный союзъ распался бы окончательно, и безпокойнымъ честолюбивымъ мечтамъ Наполеона не было бы болѣе границъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1854 года западныя державы, намѣреваясь потребовать отъ Россіи скорѣйшаго очищенія княжествъ и отказъ въ этомъ считать за объявленіе войны, просили вѣнскій и берлинскіе дворы увѣдомить ихъ, какое они въ этомъ случаѣ полагаютъ принять рѣшеніе. Представители морскихъ державъ вручили обоимъ дворамъ проектъ конвенціи, въ силу которой всѣ четыре правительства обязывались, для приведенія въ исполненіе протокольныхъ постановленій конференціи, примѣнить тѣ средства, которыя будутъ предложены и выработаны ихъ представителями.

Рѣшительный моментъ наступилъ. Но тутъ-то и разошлись пути.

Въ Вѣнѣ императоръ Францъ-Іосифъ съ глубокою горестью и тяжкою заботою видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивалась пропасть между русскими и австрійскими интересами.

Перейдя Дунай, русскіе подвигались въ глубь Болгаріи; повстанцы Эпира и Өессаліи, подстрекаемые изъ Аөинъ, стояли уже подъ ружьемъ. Австріи никакъ нельзя было допускать дальнѣйшаго развитія такого положенія дѣлъ. Графъ Буоль

распорядился сформированіемъ въ Банатѣ отряда въ 25,000 человѣкъ, побуждалъ морскія державы къ энергичнымъ представленіямъ аѳинскому двору и выразилъ Россіи величайшее изумленіе по поводу того, что высокій защитникъ законности нынѣ самъ покровительствуетъ революціи. Это изумленіе было, очевидно, неосновательно, такъ какъ царь не только былъ монархомъ, но и главою духовенства въ Россіи и, слѣдовательно, ему, какъ въ былыя времена пророку Магомету и римскимъ папамъ, возстаніе православныхъ подданныхъ противъ невѣрныхъ властителей представлялось дѣломъ вполнѣ законнымъ. Какъ бы то ни было, графъ Буоль былъ того мнѣнія, что слѣдовало уничтожить опасность въ ея зародышѣ и не бояться разрыва съ Россіею.

Рѣшимость на такую политику росла въ немъ по мѣрѣ того, какъ западныя державы приближались къ вооруженной борьбѣ, когда именно, казалось бы, Австріи надлежало проявить бо̀льшую сдержанность въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ. При благопріятномъ исходѣ она могла или пріобрѣсти княжества, или установить надъ ними свой протекторатъ взамѣнъ русскаго. Конечно, Буоль не скрывалъ отъ себя внутреннихъ финансовыхъ и политическихъ затрудненій и потому стремился, на случай войны, заручиться поддержкою не только отдаленныхъ западныхъ державъ, но и сосѣднихъ— Пруссіи и прочихъ германскихъ. Уже 8-го января онъ предложилъ съ этою цѣлью заключить въ Берлинѣ союзный договоръ, начинавшійся съ объявленія общаго нейтралитета и кончавшійся оговоркою о свободѣ дѣйствій, направляемыхъ къ охранѣ собственныхъ интересовъ. Пруссія отвѣтила тогда въ томъ смыслѣ, что такъ какъ въ дѣйствительности господствовало полное соглашеніе и никто никому не угрожалъ, то и не представлялось надобности въ документальномъ обязательствѣ.

По мѣрѣ того, какъ Россія распространяла свои дѣйствія на Дунаѣ, въ Вѣнѣ росло недовольство противъ ея высоко-

мѣрія; въ Венгріи стянули значительныя военныя силы, а западнымъ державамъ отвѣтили, что, согласно ихъ желанію, въ Петербургъ посылается энергическое требованіе очистить княжества съ тѣмъ, что, въ случаѣ отказа, отвѣтственность будетъ возложена на петербургскій кабинетъ и съ того момента Австрія будетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ лишь собственными интересами.

Между тѣмъ, съ первыхъ же дней осложненія Восточнаго вопроса, въ Пруссіи было повсюду замѣтно усиленное возбужденіе. Тѣ, которые были мало-мальски либерально настроены или были поклонниками объединенія Германіи, или скорбѣли по поводу Ольмюца и Шлезвигъ-Голштиніи — всѣ эти люди ликовали при видѣ тѣхъ возростающихъ опасностей, которыя Россія на себя навлекла своимъ честолюбіемъ.

Большинству населенія казалось немыслимымъ, чтобы Пруссія, испытавшая на себѣ наибольшую тяжесть давленія Россіи, не примкнула къ общему теченію. Для Пруссіи снова представлялся случай, какъ нѣкоторые думали, держаться смѣлой политики и однимъ ударомъ стать во главѣ Германіи и положить конецъ подавлявшему всю Европу превосходству русской силы. Такія воззрѣнія глубоко проникали во вліятельныя сферы. Кружокъ сановниковъ и дипломатовъ — графы Гольцъ и Пурталесъ, тайные совѣтники Бетманъ-Гольвегъ и Матисъ—основавшіе печатный органъ для борьбы съ феодальными тенденціями—«Das preussische Wochenblatt»—настойчиво требовали совмѣстнаго дѣйствія съ западными державами. Баронъ Бунзенъ, тогдашній прусскій посланникъ въ Лондонѣ, проектировалъ, совмѣстно съ англійскими государственными людьми, новую карту Европы, на которой границы Россіи были значительно отодвинуты назадъ. Военный министръ Бонинъ не видѣлъ основаній уклоняться, при существовавшихъ обстоятельствахъ, отъ разрыва съ Россіею. Самъ наслѣдный принцъ Прусскій склонялся въ эту сторону; онъ находилъ,

что Россіи, своевольно нарушившей европейскій миръ, слѣдовало дать хорошій урокъ.

Но въ рѣшающихъ сферахъ Берлина имѣли силу совсѣмъ иныя воззрѣнія.

На перваго министра, Мантейфеля, который не видѣлъ никакого пораженія въ заключенномъ имъ Ольмюцкомъ договорѣ, трескучія проявленія военнаго пыла либераловъ дѣйствовали скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ подбадривающимъ образомъ. Правда, онъ признавалъ неправоту Россіи (вліятельный докладчикъ его, Баланъ, держался этого мнѣнія еще упорнѣе) и потому безъ колебанія предоставилъ Пруссіи вступить въ Вѣнскую конференцію, согласиться на всѣ постановленія послѣдней и намѣревался и впредь поступать одинаково.

Но слѣдовало ли дѣйствовать и оружіемъ? Кто это могъ сказать? Конечно, благодаря своей холодной и апатичной натурѣ, Мантейфель желалъ держаться не смѣлой, но безопасной политики, и такимъ образомъ у него возникло предположеніе, что при единодушной и твердой рѣшимости четырехъ державъ можно было бы, безъ угрозы войною, склонить Россію къ уступчивости и достигнуть сохраненія мира.

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ такими рѣшеніями или поползновеніями было настроеніе лично приближенныхъ къ королю, на первомъ мѣстѣ генералъ-адъютанта фонъ-Герлаха, генераловъ—графа Дона и графа фонъ-деръ-Грёбена, къ коимъ впослѣдствіи примкнули, хотя и имѣли меньшее значеніе, флигель-адъютантъ полковникъ Мантейфель, кабинетскій совѣтникъ Нибуръ и бывшій одно время министромъ графъ Альвенслебенъ-Эркслебенъ. Здѣсь, руководясь консервативными взглядами, всѣ были просто-на-просто русскими, преисполненными горячимъ почитаніемъ къ великому царю, спасшему Австрію въ 1849 году, а Пруссію въ 1850 году отъ демона революціи, вступившему въ священный бой для

водруженія креста на св. Софіи и очистки Европы отъ прикосновенія ислама. Броситься ради него въ войну не желали, но въ остальномъ хотѣли сдѣлать все, чтобы улучшить положеніе Россіи. Если же участіе въ борьбѣ сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, то Пруссія была бы на сторонѣ не революціонной Франціи, но консервативной Россіи.

Къ этой партіи причислялъ сябя тогда еще одинъ человѣкъ, вѣрующій христіанинъ, твердый приверженецъ монархическихъ началъ, но свободный отъ доктринерскихъ пріемовъ «Крестовой Газеты» («Kreuzzeitung»), безусловный партизанъ реальной политики—Бисмаркъ, прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ. Онъ вполнѣ сходился съ генераломъ фонъ-Герлахомъ въ желаніи избѣгнуть войны съ Россіею, но случись послѣдняя, онъ держался бы поговорки: «si duo faciunt idem non est idem!»

Взвѣшивая послѣдствія такой войны, Бисмаркъ видѣлъ для Пруссіи лишь невыгоды. Для западныхъ державъ борьба не представляла особенной опасности, побѣда же—большія выгоды. Для Пруссіи было наоборотъ. На нее главнымъ образомъ легла бы тяжесть борьбы; даже самая блестящая побѣда не представляла бы выгодъ. Чего намъ было искать на Востокѣ? Тѣмъ болѣе мы имѣли основаній дорожить дружественными отношеніями къ Россіи, для насъ крайне цѣнными и, быть можетъ, впослѣдствіи необходимыми. Нашъ единственный врагъ, какъ то доказываютъ постоянно дѣла таможеннаго союза и союзнаго сейма,—Австрія; она въ то же время единственная держава, стѣсненіе дѣйствій которой могло бы принести намъ дѣйствительную пользу. Если же пришлось бы непремѣнно воевать, то во всякомъ случаѣ противъ Австріи, и тѣмъ принудить вѣнскій дворъ сдѣлать намъ существенныя уступки въ дѣлахъ германскихъ; лучшее же покамѣстъ—твердый нейтралитетъ, и это тѣмъ болѣе, что его желаютъ всѣ прочія германскія государства.

Всякій день монархъ, которому все докладывалось, выслушивалъ всѣ эти соображенія и всякое изъ нихъ находило отголосокъ въ его душѣ, доступной всѣмъ впечатлѣніямъ и вліяніямъ. Онъ, какъ и Бунзенъ, одобрялъ сопротивленіе Англіи тому, чтобы Турція была завоевана Россіею, и жаловался на то, что высокомѣріе его зятя разрушило сплоченность всей старой Европы противъ революціи и ея представителя Наполеона. Но здѣсь, какъ всегда, на него дѣйствовали религіозныя соображенія сильнѣе, чѣмъ политическія. Англія, какъ единовѣрная протестантская страна, издавна казалась ему драгоцѣннѣйшимъ союзникомъ, но, исходя изъ той же точки зрѣнія, онъ возмущался мыслью видѣть милліоны христіанъ подъ языческимъ господствомъ и предвидѣлъ Божій судъ надъ всякимъ, кто обнажилъ бы мечъ за полумѣсяцъ противъ креста. Поэтому для него не могло быть болѣе грустнаго и безвыходнаго оборота дѣлъ, какъ тотъ, который дала Англія, втянутая шагъ за шагомъ въ общій союзъ и съ Турціей, и съ Франціей, въ «кровосмѣшеніе», какъ онъ говорилъ, съ язычествомъ и революціей, а онъ самъ не былъ въ состояніи оправдать образа дѣйствій Россіи, источника всего бѣдствія. Сначала онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить открытый разрывъ.

Уже въ іюнѣ 1853 года король сдѣлалъ попытку примиренія, имѣвшую, по обыкновенію, несчастіе лишь вызвать неудовольствіе всѣхъ сторонъ. Затѣмъ онъ согласился съ постановленіями конференціи и настоятельно поддерживалъ ихъ въ Петербургѣ, въ постоянной надеждѣ, что такое единодушіе Европы побудитъ Россію къ сговорчивости. Но видя, что все это не достигало цѣли и что объявленіе Россіи войны западными державами становилось все вѣроятнѣе, онъ пришелъ, подъ вліяніемъ вихря боровшихся въ немъ чувствъ, къ рѣшенію совершенно особаго свойства. Король твердо рѣшилъ держаться нейтралитета въ этой ужасной войнѣ: съ

Россіею онъ не могъ идти, такъ какъ считалъ ее неправою; выступить же противъ нея, значило воевать за Магомета противъ Христа. При этомъ онъ не сомнѣвался, что Наполеонъ выпуститъ на нейтральную Пруссію всѣхъ кровопійцъ революціи, которые, къ сожалѣнію, найдутъ въ самой Германіи слишкомъ много пособниковъ. Чтобы предотвратить эту опасность, онъ рѣшился еще разъ обратиться къ Англіи. Для этого дѣла онъ выбралъ дипломата съ антирусскимъ образомъ мыслей, даровитаго и рѣшительнаго, хотя, правда, не всегда осмотрительнаго и послушнаго,— графа Альберта Пурталеса, котораго онъ рекомендовалъ принцу-супругу письмомъ отъ 22-го декабря 1853 г. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорилось: «Я сдѣлаю все, что только во власти Пруссіи, чтобы выдержать «прыжокъ тигра» съ запада, спасти отъ его когтей бѣдную, несчастную, виновную и вслѣдствіе того наполовину ошалѣвшую, а наполовину пребывающую въ заговорѣ Германію и чтобы побороть безбожное, противохристіанское чудовище революціи, побуждающее къ «прыжку тигра» Венгрію, Польшу, Италію и Германію. Я имѣлъ искреннее желаніе и твердую рѣшимость, замѣчаетъ онъ далѣе, идти въ этихъ усложненіяхъ въ непоколебимомъ согласіи съ моей милой Англіею. Если же она теперь станетъ, ради турокъ, метать смерть и разореніе на христіанскихъ воиновъ, то и это горячее желаніе не осуществится».

Пурталесъ долженъ былъ все пустить въ ходъ, чтобы мысль о нейтралитетѣ Пруссіи понравилась англійскому правительству, чтобы послѣднее видѣло въ немъ даже выигрышъ для общаго дѣла. Огромную выгоду представляетъ существованіе такого органа, который во всякое время готовъ быть посредникомъ и возвѣстителемъ мира; нейтралитетъ Пруссіи не будетъ пассивнымъ, напротивъ, она будетъ дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы подготовлять Россію къ принятію добрыхъ услугъ, и когда дѣло дойдетъ до окончательнаго рѣ-

шенія, Пруссія не преминетъ, въ случаѣ нужды, положить на вѣсы и свою гирю.

Оказать такія значительныя услуги Пруссія можетъ лишь при требованіи, чтобы сама Англія, а по ея воздѣйствію и Франція, гарантировали неприкосновенность прусской и вообще германской территоріи; чтобы обѣ державы воздерживались отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи и заранѣе выразили согласіе на то, чтобы Пруссія, въ случаѣ если будетъ къ тому вынуждена вслѣдствіе революціонныхъ движеній или раздоровъ между отдѣльными нѣмецкими государствами, взяла на себя снова, и, быть можетъ, переступая предѣлы союзнаго права, тѣ обязанности, которыя она выполнила въ 1849 году.

Получивъ такія разъясненія, англійскіе министры удивились тому, какъ можетъ нейтралитетъ Пруссіи быть полезнѣе содѣйствія прусской арміи въ триста тысячъ человѣкъ. Удивленіе ихъ возросло, когда они увидѣли далѣе, что въ награду за такой драгоцѣнный нейтралитетъ они должны были предоставить Пруссіи полную власть преобразовать германскій союзъ, но удивленію ихъ не было предѣла, когда баронъ Бунзенъ, цѣною этого «дѣйствительнаго и автономнаго» нейтралитета [1], поставилъ еще условіе, а именно, чтобы Англія, послѣ мира и при посредствѣ его, доставила королю его вѣрный Нейенбургъ.

Мы уже упоминали о томъ, что послѣ февральской революціи 1848 г. партія радикаловъ въ Нейенбургѣ прогнала королевскія власти и установила демократическое правительство. Король, протесты котораго остались безъ послѣдствій, добился все-таки въ 1852 г. отъ великихъ державъ протокола, въ силу котораго его суверенныя права были признаны и послѣдовало соглашеніе на веденіе по сему вопросу пере-

[1] Письмо короля къ Бунзену отъ 9-го января 1854 года.

говоровъ, въ продолженіе которыхъ король обязывался отдѣльно ничего не предпринимать. Съ той поры по этому дѣлу державы не пошевельнули пальцемъ, у короля же на первомъ мѣстѣ среди его политическихъ плановъ стоялъ возвратъ его «милаго уголка на Юрѣ», всегда вѣрнаго Нейенбурга, жителями котораго онъ могъ гордиться болѣе, чѣмъ всѣми остальными подданными. Мы увидимъ позднѣе, что эта мысль, напряженная до болѣзненности, имѣла и для него и для Пруссіи важнѣйшія послѣдствія.

Едва ли нужно упоминать, что посылка графа Пурталеса въ Лондонъ осталась совершенно безплодною. Но тѣмъ менѣе могъ и баронъ Бунзенъ, несмотря на дружбу своего царствующаго благоволителя, склонить послѣдняго принять точку зрѣнія западныхъ державъ. Когда же, въ февралѣ 1854 года, западныя державы сдѣлали категорическій запросъ, король, правда, обратился къ своему высокопоставленному зятю съ горячей мольбой, очищеніемъ княжествъ спасти Европу отъ колоссальнаго бѣдствія; но при этомъ онъ непоколебимо остался на своей точкѣ зрѣнія относительно войны за турокъ противъ христіанъ, о которой онъ и слышать не хотѣлъ, безусловно отклонилъ предложенную западными державами конвенцію и объявилъ, что Пруссія согласна съ основными положеніями протокола, но не желаетъ себѣ связывать рукъ въ выборѣ средствъ къ приведенію ихъ въ исполненіе.

Въ началѣ марта онъ отправилъ собственноручныя письма Викторіи и Наполеону, которыхъ увѣщевалъ пойти на уступки и на миръ, и объявилъ о своемъ безусловномъ нейтралитетѣ[1]. Какъ бы ни судили о побужденіяхъ короля, объ отдѣльныхъ его попыткахъ и о тѣхъ пестрыхъ арабескахъ, которыми онъ украсилъ свои письма—всякій безпристрастный человѣкъ долженъ нынѣ согласиться, что при тогдашнемъ положеніи

[1] Ему казалось, что наступило время, когда искусство дипломатовъ истощается и дѣло должно поступить въ руки къ самимъ монархамъ.

Пруссіи, при ея отношеніяхъ къ Австріи, при слабости германскаго союза, политика нейтралитета наиболѣе соотвѣтствовала интересамъ государства. Можно было допустить предположеніе, что Пруссія сильнымъ нападеніемъ на Россію собрала бы вокругъ себя всю Германію и установила бы національное единство подъ своимъ главенствомъ, но это лишь въ томъ случаѣ, если бы у Пруссіи не было въ такой войнѣ двухъ союзниковъ, которые охотно бы глядѣли, какъ прусскіе батальоны дерутся съ русскими, но потомъ тѣмъ съ бóльшею энергіею уничтожили бы въ Германіи всякую попытку къ объединенію.

— Только никакого объединенія,—заявилъ Наполеонъ герцогу Кобургскому.

— Нѣтъ мысли нечестивѣе, какъ мысль германскаго единства, сказалъ Буоль такъ же опредѣленно, какъ нѣкогда Меттернихъ.

Достаточно сказать, что вышеприведенные доводы Бисмарка исключали всякое сомнѣніе въ правильности нейтралитета. Шумъ, поднятый французскими и еще болѣе англійскими газетами, утверждавшими, что Пруссія тѣмъ самымъ отказывается отъ положенія великой державы, былъ, правда, ребяческій, такъ какъ всякая великая держава вольна принимать рѣшенія лишь въ собственномъ интересѣ, но во всякомъ случаѣ вполнѣ объяснялся искреннимъ желаніемъ свалить на плечи Пруссіи главную тяжесть войны.

Въ Берлинѣ всего лучше было бы слѣдовать непрестанно повторяемому Бисмаркомъ совѣту,—съ спокойнымъ мужествомъ и гордымъ хладнокровіемъ держаться нейтралитета, не взирая на поношенія и угрозы. Но тамъ картина «прыжка тигра съ Запада» не давала покоя [1], и генералъ фонъ-Гер-

[1] Наполеонъ сказалъ однажды герцогу Кобургскому вполнѣ опредѣлительно, что онъ въ концѣ концовъ долженъ будетъ воевать съ Пруссіею.

лахъ настаивалъ на томъ, что теперь, когда на поддержку Англіи нечего разсчитывать, слѣдуетъ обратиться къ Австріи, чтобы не очутиться въ совершенномъ одиночествѣ лицомъ къ лицу съ опасностью. Могло случиться, что Австрія, заключивъ предложенную западными державами конвенцію, вовлечетъ и остальныя германскія государства въ политику войны. Мы видѣли какъ въ январѣ, желая обезпечить за собою свободу дѣйствій, въ Пруссіи отклонили предложенный нейтральный союзъ, теперь же король рѣшался сдѣлать съ своей стороны такое же предложеніе въ Вѣнѣ, въ надеждѣ удержать вѣнскій дворъ отъ войны на Востокѣ, а на Западѣ обезпечить германскія границы отъ французскаго нападенія. 11-го марта, отправляя императору Францу-Іосифу копію съ своего письма къ королевѣ Викторіи, онъ сообщалъ, что хотя сдѣлалъ этотъ шагъ очень гласно, но тѣмъ не менѣе никакой разумной надежды на успѣхъ его не имѣлъ.

«Ваше величество поймете, объяснялъ онъ, что мое посланіе къ королевѣ продиктовано, такъ сказать, моею совѣстью. Оно когда-нибудь послужитъ свидѣтельствомъ той истины, что я постигъ призваніе, возложенное на меня Провидѣніемъ, а именно призваніе быть человѣкомъ и поборникомъ мира, вò-время и не вò-время, при хорошей и дурной погодѣ. Я долженъ говорить людямъ правду, обрисовывать опасности, изображать весь ужасъ отвѣтственности, съ успѣхомъ или неуспѣхомъ все равно. Я желаю исполнять то, что признаю за долгъ. Господь будетъ направлять. Кончая это письмо заявляю о намѣреніи держаться абсолютнаго нейтралитета и о твердой рѣшимости при помощи его защищать всѣми силами, коими располагаю, независимость Пруссіи противъ всякаго, кто пожелалъ бы разыграть роль насилующаго указчика». Затѣмъ онъ выражалъ радость по поводу извѣстія, что Австрія желала заключить конвенцію съ западными державами вчетверомъ, т. е. не безъ Пруссіи. «Въ предполо-

женіи, продолжалъ онъ, что этотъ «глотокъ усладительнаго питія» не есть обольщеніе, прошу ваше величество въ скоромъ времени извѣстить насъ, какія требованія вы непремѣнно связываете съ этимъ «благословеннымъ» рѣшеніемъ. Мнѣ кажется необходимымъ, въ правомъ и живомъ единеніи Австріи и Пруссіи, войти съ предложеніемъ ко всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и этимъ приступить въ данную минуту къ дѣлу. Форму пускай опредѣлятъ дипломаты; сущностью, какъ мнѣ кажется, долженъ быть наступательный и оборонительный союзъ трехъ великихъ среднеевропейскихъ народныхъ массъ, заключенный на время предстоящей гнусной войны и полностью обезпечивающій, за все время ея, всѣ наши границы отъ вторженія». Король кончалъ словами: «наше положеніе не безъ большихъ и серіозныхъ опасностей, но я мужаюсь и уповаю на Бога. Вашему величеству, обладающему юношескимъ мужествомъ, это будетъ легче, чѣмъ мнѣ. Поручаю себя отъ всего сердца и всей души вашей оживляющей дружбѣ и добротѣ».

Содержаніе этого письма возымѣло въ Вѣнѣ большое вліяніе. И тамъ посматривали на Парижъ съ немалою озабоченностью, къ чему, благодаря положенію дѣлъ въ Италіи, имѣли гораздо болѣе основаній, чѣмъ въ Пруссіи. Въ это время началась война Россіи съ западными державами; на Дунаѣ, въ Болгаріи, русскіе готовились къ усиленному нападенію. Необходимость этому помѣшать и освободить княжества казалась графу Буолю все настоятельнѣе. Быть можетъ удастся склонить Пруссію вступить въ предлагаемый союзъ и взять на себя, вмѣсто Австріи, обязанность воздѣйствовать на Россію, и въ то же время, даже не принимая участія въ борьбѣ, обѣщать Австріи, какъ въ маѣ 1851 году, охрану ея не нѣмецкихъ владѣній.

Рѣшили тотчасъ-же сдѣлать такую попытку. Въ отвѣтъ на письмо дяди императоръ отправилъ длинное посланіе, въ

которомъ прежде всего высказывалъ свое горячее желаніе сохранить миръ, а затѣмъ выражалъ убѣжденіе, что лучшимъ къ тому средствомъ можетъ служить предлагаемый королемъ оборонительный союзъ всѣхъ среднеевропейскихъ государствъ. Онъ обѣщалъ послать въ Берлинъ фельдцейхмейстера фонъ-Гесса, съ порученіемъ изложить королю искреннѣйшія намѣренія и воззрѣнія Австріи относительно всякихъ случайностей.

«По заключеніи такого союза, писалъ императоръ, всякій изъ договаривающихся въ дѣлахъ, не относящихся до прямой цѣли договора, сохранилъ бы полную свободу дѣйствій, и если бы Австрія воспользовалась таковою для занятія извѣстныхъ турецкихъ провинцій, то въ случаѣ нападенія на нее Россіи, она могла бы разсчитывать на полную поддержку со стороны союзниковъ. Мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ, чтобы значеніе этого пункта было вполнѣ выяснено. Если я твердо рѣшился не покидать до сей поры избраннаго мною свободнаго и выжидательнаго положенія и не давать себя сталкивать съ него западными державами, то я тѣмъ не менѣе не могу не допустить грозной случайности, когда, вынужденный къ тому безразсуднымъ поведеніемъ Россіи, я долженъ буду, въ обезпеченіе австрійскихъ и, конечно, германскихъ интересовъ, пойти на занятіе Молдавіи и Валахіи. При этомъ я далекъ отъ мысли не только о формальномъ объявленіи войны Россіи, но и о нападеніи на русскую территорію. Австрійскіе штыки во всякомъ случаѣ остановились бы у Прута».

Несмотря на стремленіе сохранить миръ, проглядывавшее въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразахъ этого посланія, разница вѣнскихъ и берлинскихъ воззрѣній на цѣли предлагаемаго союза бросалась въ глаза. Бисмаркъ, съ которымъ на этотъ разъ раньше не посовѣтовались, былъ вообще недоволенъ всей мыслью. Онъ выразилъ мнѣніе, что такой шагъ слѣдо-

вало сдѣлать не съ Австріею, но съ остальными государствами союза противъ Австріи. Что могло быть радостнѣе для Пруссіи, какъ если бы коалиція между Россіею, Австріею и средними германскими государствами, тяготѣвшая надъ нею съ 1849 года, распалась бы быть можетъ на всегда. Генералъ Герлахъ, съ другой стороны, былъ преисполненъ лучшихъ надеждъ, хотя, при склонности Австріи къ дѣйствію, считалъ необходимымъ соблюдать въ переговорахъ величайшую осторожность. Къ тому было не мало основаній, и это обнаружилось, лишь только генералъ Гессъ прибылъ (въ концѣ марта) въ Берлинъ и сдѣлалъ свои предложенія. Они сводились очень просто къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза между Австріею, Пруссіею и Германіею, на вѣчныя времена и ради обезпеченія всѣхъ владѣній, съ какой бы стороны опасность ни появилась. Австрія выставила въ Венгріи 150.000 войска, выставитъ вскорѣ еще 100.000 и предлагала Пруссіи поставить сначала 100.000, затѣмъ еще 50.000, а остальныя государства обязывались мобилизовать одну половину союзнаго контингента тотчасъ-же, а другую—впослѣдствіи, по требованію обѣихъ великихъ державъ. Вскорѣ за тѣмъ генералъ прибавилъ еще параграфъ, въ силу котораго союзники обязывались нести солидарно расходы по вооруженію и по веденію военныхъ дѣйствій.

Для Пруссіи все это было немыслимо. Баланъ составилъ контръ-проектъ, по которому союзъ заключался лишь на срокъ бывшей въ то время войны; что касалось дѣятельности союза, равно срока и размѣра вооруженія, то все это ставилось въ зависимость отъ послѣдующихъ соглашеній, а о расходахъ умалчивалось совершенно. Когда затѣмъ Гессъ внесъ проектъ общей депеши для Петербурга, въ которой очищеніе княжествъ русскими требовалось подъ угрозою вооруженнаго вмѣшательства, то прусскіе уполномоченные въ принципѣ согласились, но потребовали формы, исключающей всякій вызовъ.

Въ противоположность осмотрительности Пруссіи, въ Вѣнѣ старались завязать все болѣе и болѣе тѣсныя сношенія съ западными державами. 9 апрѣля графъ Буоль снова собралъ на конференцію посланниковъ четырехъ великихъ державъ; составленъ былъ протоколъ въ томъ смыслѣ, что державы, хотя двѣ изъ нихъ уже были въ войнѣ съ Россіею, подтверждали высказанныя ими основныя положенія, а именно: неприкосновенность Турціи, очищеніе русскими Придунайскихъ княжествъ, непринужденное признаніе султаномъ правъ его христіанскихъ подданныхъ и принятіе Турціи въ составъ европейскихъ государствъ. При этомъ говорилось, что ни въ какомъ случаѣ ни одна изъ державъ не вступитъ въ какое-либо соглашеніе, противорѣчащее этимъ положеніямъ, безъ совмѣстнаго обсужденія вопроса. Когда протоколъ этотъ былъ представленъ прусскому королю, онъ пришелъ въ нѣкоторое раздумье, но затѣмъ, не желая отступать отъ того, что онъ заявилъ ранѣе, подписалъ его.

Между тѣмъ въ Берлинѣ приходили къ соглашенію относительно отдѣльныхъ положеній договора, руководясь, въ существѣ, основаніями проекта Балана. На все время настоящей войны державы взаимно гарантировали свои владѣнія полностью. Онѣ обязывались охранять права и интересы Германіи, а также отражать всякое нападеніе на свои владѣнія даже въ томъ случаѣ, если одна изъ нихъ, съ согласія другой, сочла бы нужнымъ активно выступить на охрану германскихъ интересовъ. Рѣшеніе вопроса, каковы могутъ быть эти случаи, составляло предметъ особаго соглашенія. Опредѣленіе, вслѣдствіе заключенія союза, потребныхъ военныхъ силъ также подлежало особому соглашенію. Всѣ германскія государства должны были быть приглашены вступить въ этотъ союзъ. Ни одна изъ обѣихъ державъ не имѣла бы права за все время дѣйствія договора заключать съ другими державами такого союза, который не былъ бы въ полномъ соотвѣтствіи съ заключаемымъ теперь договоромъ.

Изъ этого видно, что Пруссія приняла мѣры къ тому, чтобы не быть противъ своей воли втянутою односторонними дѣйствіями Австріи въ военныя операціи. Параграфъ второй предусматривалъ возможность такихъ дѣйствій и обязывалъ Пруссію къ защитѣ австрійскихъ владѣній лишь въ томъ случаѣ, если Австрія получила бы заблаговременно согласіе ея на свое предпріятіе.

Какъ только пришли къ соглашенію по этому вопросу и еще до подписанія договора, Гессъ объявилъ, что предусматриваемый случай уже на лицо, а именно: Австрія, въ интересахъ Германіи и на основаніи протокола отъ 9-го апрѣля, собиралась потребовать отъ Россіи очищенія княжествъ и, въ случаѣ нужды, поддержать свое требованіе вооруженною силою. Въ виду этого Гессъ предложилъ Пруссіи, руководясь вторымъ пунктомъ договора, гарантировать въ этомъ предпріятіи Австріи ея владѣнія. Послѣ всего происходившаго, предложеніе это само по себѣ поразить не могло; тѣмъ не менѣе король воспротивился такой поспѣшности, усмотрѣвъ возможность послѣдствій всякаго рода, и почти раскаявался въ подписаніи вѣнскаго протокола. Въ это время изъ Петербурга пришло рѣзкое отклоненіе предложеннаго ранѣе Пруссіею посредничества и въ такой формѣ и такого содержанія, что король сильно вознегодовалъ на своего зятя. Онъ согласился, по предложенію генерала Гесса, прибавить къ договору статью, по которой, въ случаѣ отказа Россіи очистить княжества по требованію Австріи, поддержанному Пруссіею, мѣры, которыя приметъ Австрія, подпадаютъ подъ статью вторую. Но, значилось далѣе, совмѣстное нападеніе можетъ послѣдовать лишь въ случаѣ, если Россія присоединитъ къ себѣ княжества и перейдетъ Балканы.

Вслѣдъ за этимъ договоръ, со включеніемъ добавочной статьи, былъ подписанъ 20-го апрѣля, и кромѣ того выработана военная конвенція, по которой Пруссія обязывалась,

смотря по обстоятельствамъ, выставить на восточной границѣ, въ теченіе 36-ти дневнаго срока, 100 тысячъ человѣкъ и, въ случаѣ нужды, увеличить численность своего войска до 200.000; о всемъ этомъ она должна была придти къ соглашенію съ Австріею. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, когда принять эти мѣры и принимать-ли ихъ вообще, рѣшался по обоюдному соглашенію союзныхъ державъ, а не по исключительному усмотрѣнію Австріи.

Въ дѣйствительности это былъ союзъ совершенно своеобразный: сердечное согласіе при величайшей осторожности, братское довѣріе при всевозможныхъ оговоркахъ. Пруссія ясно видѣла возможность разрыва съ Россіею, а Австрія радовалась союзу ради своихъ дѣлъ въ Италіи и Франціи. Для Австріи существенною цѣлью договора была защита своей территоріи въ случаѣ дѣйствій противъ Россіи, а для Пруссіи—гарантія ея нейтралитета отъ возможныхъ посягательствъ со стороны Франціи и революціи. Въ австрійскомъ толкованіи союзъ дѣлалъ фронтъ противъ Востока, въ прусскомъ—противъ Запада. Насколько намѣренія короля Фридриха-Вильгельма въ этомъ направленіи были рѣшительны, видно ясно изъ того, какъ онъ обошелся съ вліятельными до сего представителями противоположныхъ тенденцій: въ первыхъ числахъ мая Бунзенъ былъ отозванъ изъ Лондона, военный министръ фонъ-Бонинъ отставленъ отъ должности, а принцъ прусскій уволенъ отъ всѣхъ своихъ военныхъ должностей и даже ему пригрозили за его оппозицію заключеніемъ въ крѣпость [1].

[1] Въ чемъ заключалась оппозиція принца прусскаго (впослѣдствіи императора Вильгельма I) и каковъ былъ его образъ мыслей — ясно видно изъ нижеслѣдующаго отрывка изъ письма его герцогу Эрнсту Кобургскому отъ 4-го (16) марта 1855 года.

«Самое скверное въ поведеніи Пруссіи то, писалъ онъ, что европейская точка зрѣнія въ міровомъ кризисѣ совершенно упущена ею изъ виду; поэтому она хочетъ быть то великою, то лишь нѣмецкою державою. Какъ

Между тѣмъ изъ Вѣны и Берлина былъ отправленъ ко всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ циркуляръ съ извѣщеніемъ о заключенномъ договорѣ, съ запросомъ о добровольномъ приступленіи къ нему и съ объявленіемъ о внесеніи въ союзный сеймъ соотвѣтствующаго предложенія. Но тутъ суждено было Австріи опытомъ убѣдиться въ крайне досадномъ для нея явленіи. Еще съ бо̀льшею рѣзкостью, нежели въ послѣдней борьбѣ по поводу таможеннаго союза, выяснилось на этотъ разъ, насколько германскіе интересы рознились отъ австрійскихъ и были тождественны съ прусскими. Въ спокойныя времена недовѣріе дворовъ къ объединительнымъ и присоединительнымъ стремленіямъ Пруссіи могло еще затемнять

первая, она должна постоянно имѣть въ виду конечную цѣль драмы, что значитъ: Россія не смѣетъ провести своего беззаконія 1853 года. Нашею нерѣшительностью, колебаніями и, подъ конецъ, бездѣйствіемъ мы доведемъ дѣло до того, что Россіи удастся выйти побѣдоносно изъ катастрофы, и тогда она всѣмъ намъ продиктуетъ миръ, тогда вся Европа должна будетъ плясать подъ ея дудку, а для этого не требуется никакихъ земельныхъ завоеваній, а лишь нравственное преобладаніе, которое она извлечетъ изъ такой побѣды, имѣя за собою милліонъ штыковъ, съ 1848 года знакомыхъ какъ укротителей для тѣхъ, кто плясать не хочетъ.

«Не допустить достиженія такой цѣли у Пруссіи не хватаетъ мужества; она ищетъ оправдаться въ недостаткѣ такого мужества и находитъ средства къ тому въ желаніи Германіи сохранить миръ; поэтому она выставляетъ себя нѣмецкою державою, показывая себя, такъ сказать, вынужденною à tout prix добиваться мира, чтобы не порвать съ Германіею.

«Я понимаю задачи Пруссіи обратно: чтобы не допустить Россію до побѣды, чтобы не помогать ей достигнуть того преобладанія, она должна сговориться съ Западомъ и, вмѣстѣ съ Австріею, вести Германію по тому пути, который единственный правильный».

(Aus meinem Leben und aus meiner Zeit» von Ernst von Sachsen-Coburg-Gotha. Томъ II, стран. 254—255).

Разница не малая между продиктованными увлеченіемъ строками наслѣдника прусскаго престола и наказомъ умудреннаго долгимъ и блестящимъ царствованіемъ монарха, на смертномъ одрѣ заповѣдавшаго своему внуку «держаться Россіи» и приказавшаго положить къ себѣ въ гробъ русскій Георгіевскій крестъ. А. Г.

эту истину, но при всякомъ дѣйствительномъ усложненіи природа вещей неудержимо стремилась наружу.

Подобно Пруссіи, среднія государства испытывали сильнѣйшее отвращеніе къ какому бы то ни было участію въ воинствующей политикѣ. Единственнымъ исключеніемъ было вѣчно безпокойное честолюбіе фонъ-Бейста. Онъ не забылъ услугъ, оказанныхъ Россіею въ 1850 году нѣмецкому партикуляризму.

— Мы должны желать торжества Россіи, говорилъ онъ; мы нуждаемся въ Россіи для отпора завоевательнымъ стремленіямъ Пруссіи.

Уже съ лѣта 1853 года онъ убѣждалъ правительства, образовавшія для таможенной борьбы съ Пруссіею дармштадтскую коалицію, создать тѣснѣйшій союзъ среднихъ государствъ, который примкнулъ бы впослѣдствіи къ австро-прусскому союзу съ Россіею. Но эти воинственные планы тотчасъ же встрѣтили рѣшительное сопротивленіе со стороны мюнхенскихъ и штутгардтскихъ друзей. Здѣсь кромѣ покоя и мира и безусловнаго нейтралитета въ Восточномъ вопросѣ ничего не желали. Подобно берлинскому кабинету, находили и здѣсь, что вмѣшательство въ турецкія дѣла было бы для Германіи тяжелою жертвою и не представляло ни малѣйшей выгоды. Сообразуясь съ этимъ, дармштадтскіе союзники собрались въ Бамбергѣ для новыхъ конференцій, съ цѣлью придать вѣсъ ихъ противорѣчію австрійскимъ планамъ активной политики. 25-го мая они составили тождественную ноту, въ которой, въ обычныхъ формахъ, величались возвышенныя сердца обоихъ монарховъ и стремленія ихъ объединить всѣ нѣмецкія силы. Поэтому они охотно приступятъ къ договору, но надѣятся, что если имѣется въ виду дѣйствительный нейтралитетъ, ни русскія, ни турецкія и ни союзныя войска въ княжества допущены не будутъ. Кромѣ того, они высказали предположеніе, что въ предстоящей конференціи союзъ получитъ особое

представительство наравнѣ съ Австріею и Пруссіею, но что за все время войны Германія будетъ по возможности уклоняться отъ участія въ ней.

Какъ легко себѣ представить, графъ Буоль былъ одинаково пораженъ и разсерженъ этими заявленіями. Въ то время какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, съ одной стороны, убѣдительно упрашивалъ своего царственнаго зятя милостиво отнестись къ мирному настроенію германскихъ князей, а съ другой—убѣждалъ послать въ Петербургъ требованіе въ возможно мягкомъ тонѣ и не ранѣе какъ послѣ приступленія къ договору германскаго союза, графъ Буоль рѣшилъ дѣйствовать въ противномъ смыслѣ, а именно, бамбергскимъ претензіямъ противупоставить свершившійся фактъ и послать въ Петербургъ требованіе тотчасъ же, т. е. 3-го іюня, не обсуждая формы его съ союзомъ или съ Пруссіею. Чтобы оградиться отъ раздраженія Пруссіи на такое быстрое дѣйствіе, императоръ Францъ-Іосифъ, пребывавшій въ то время съ своей молодою супругою въ Прагѣ, пригласилъ короля крайне сердечнымъ письмомъ къ свиданію въ Тетченѣ, куда также были вызваны Буоль и Мантейфель. Здѣсь императору удалось удержать на время въ австрійскомъ фарватерѣ своего дядю, который, ходя находилъ желанія бамбергцевъ вполнѣ правильными, тѣмъ не мѣнѣе называлъ ихъ поступокъ заносчивостью мелкихъ людей. Король одобрилъ форму австрійскаго требованія, сговорился о прусской депешѣ, имѣвшей поддержать это требованіе и объ общемъ отвѣтѣ бамбергцамъ; послѣдній, въ существѣ, заключался въ томъ, что ихъ приступленіе къ договору ожидали съ увѣренностью и что желанія ихъ исполнятъ, насколько то позволятъ обстоятельства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ, не задолго передъ тѣмъ распорядившійся новымъ наборомъ 95.000 рекрутовъ, не утаилъ отъ своего высокаго союзника, что отказъ Россіи будетъ имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ войну и что

онъ тогда долженъ будетъ разсчитывать на защиту Пруссіею австрійской территоріи. Король же, съ своей стороны, былъ исполненъ лучшихъ надеждъ, въ разсчетѣ на уступчивость Россіи.

II.

Разладъ.

Слишкомъ скоро обстоятельства показали, на какой шаткой почвѣ былъ построенъ договоръ 20-го апрѣля.

Сперва все сводилось къ тому, какое рѣшеніе приметъ Россія по вопросу объ ощищеніи княжествъ, и сначала казалось, что такое рѣшеніе не обѣщало быть благопріятнымъ; но вскорѣ въ Петербургѣ взвѣсили всѣ печальныя послѣдствія подобнаго сопротивленія. Императоръ, какъ доносилъ прусскій повѣренный въ дѣлахъ, былъ заваленъ работой, при томъ постоянно боленъ, озабоченъ, по временамъ запальчивъ и нерѣшителенъ. Веденіе дѣлъ утратило установившееся единство и послѣдовательность, императоръ принималъ рѣзкія рѣшенія, но видѣлъ затѣмъ молчаливое неодобреніе канцлера графа Нессельроде и допускалъ, чтобы тотъ умѣрялъ ихъ и приводилъ въ исполненіе, руководясь собственными соображеніями. Такъ и теперь, графъ провелъ почти удовлетворительный отвѣтъ на вѣнское требованіе.

Въ этомъ отвѣтѣ, отъ 29-го іюня, заявлялось о готовности Россіи очистить княжества, если Австрія приметъ на себя гарантію въ томъ, что и противники воздержатся отъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ русской территоріи; по установленіи такого перемирія Россія согласна приступить къ мирнымъ переговорамъ, принявъ въ основаніе вѣнскій протоколъ 9-го апрѣля.

Въ дѣйствительности, сдѣланныя уступки были не маловажны. Но графъ Буоль этимъ доволенъ не былъ. Уже

14-го іюня онъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Берлиномъ, заключилъ съ Турціею договоръ о совмѣстномъ занятіи княжествъ и придвинулъ къ румынской границѣ болѣе сильную армію. 9-го іюля онъ объявилъ русскому правительству, что предложеніе послѣдняго пріостановить военныя дѣйствія онъ съ полнымъ сочувствіемъ передастъ западнымъ державамъ, но не можетъ гарантировать принятіе его, если же державы на то согласятся, то Австрія будетъ настаивать на томъ, чтобы княжества были очищены въ самый непродолжительный срокъ. Въ то же время онъ понуждалъ Пруссію мобилизировать 200.000 человѣкъ, а остальныя нѣмецкія государства—половину союзнаго контингента; онъ даже заявилъ послѣднимъ, вскорѣ послѣ того и къ величайшему изумленію Пруссіи, о предстоящемъ внесеніи въ сеймъ обѣими великими державами предложенія о мобилизаціи. Однимъ словомъ, всякій его поступокъ свидѣтельствовалъ о нескрываемомъ желаніи воевать.

Тѣмъ тверже держалась Пруссія миролюбиваго настроенія. Противорѣчіе между ея и австрійскими воззрѣніями, казавшееся сглаженнымъ апрѣльскимъ договоромъ, выступало съ рѣзкою ясностью. Въ Берлинѣ объявили себя удовлетворенными русскимъ отвѣтомъ; требованіе Россіи при очищеніи непріятельской территоріи—не встрѣчать дальнѣйшихъ угрозъ ея областямъ, по справедливости находили основательнымъ и во всякомъ случаѣ русская нота способна была служить исходнымъ пунктомъ общихъ мирныхъ переговоровъ. Такимъ образомъ, мобилизація была немыслима; единственное, на что король рѣшился, было увеличеніе до размѣровъ военнаго положенія числа лошадей въ кавалеріи и артиллеріи. Онъ самъ написалъ депеши въ Парижъ и Лондонъ, заканчивавшіяся заявленіемъ, что теперь дѣло за морскими державами, которыя должны заявить, какія цѣли онѣ преслѣдуютъ въ войнѣ и какія условія онѣ готовы предложить для пріостановки военныхъ дѣйствій и заключенія мира.

Въ тѣ же дни Австрія запросила Парижъ и Лондонъ о ихъ мнѣніи относительно русскаго предложенія. Отвѣтъ оказался такимъ, какимъ графъ Буоль его ожидалъ. Лишь только въ Парижѣ узнали содержаніе ноты 29 іюня, обѣ западныя державы пришли къ заключенію, что подобающимъ отвѣтомъ на нее долженъ быть наступательный и оборонительный союзъ съ Австріею и, слѣдовательно, вступленіе послѣдней въ войну съ Россіею.

Проектъ такого союза былъ выработанъ въ Парижѣ и всесторонне обсужденъ въ Вѣнѣ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Послѣ того, какъ императоръ Николай показалъ въ послѣдней нотѣ, что онъ не позволяетъ чужимъ что либо ему предписывать, онъ повелѣлъ, по собственному усмотрѣнію, отозвать «по стратегическимъ соображеніямъ» свои войска изъ княжествъ за Прутъ и отнялъ тѣмъ самымъ у графа Буоля поводъ къ войнѣ. Тутъ-то и обнаружились съ полною ясностью на союзномъ сеймѣ политическія тенденціи среднихъ и маленькихъ нѣмецкихъ государствъ. Уже послѣ тетченскаго циркуляра большинство правительствъ безъ всякаго воодушевленія отнеслось къ предложенію приступить къ апрѣльскому договору; нѣкоторыми изъ нихъ высказывалось мнѣніе, что приступить слѣдуетъ для того, чтобы существенно умѣрить сопротивленіе Пруссіи планамъ графа Буоля. Но при всемъ томъ подготовительныя совѣщанія комитетовъ шли черепашьимъ шагомъ. Лишь теперь, когда, благодаря выступленію русскихъ изъ княжествъ, опасная добавочная статья договора теряла смыслъ, было рѣшено (24 іюля) приступить къ нему всѣмъ союзомъ, но съ осторожной оговоркою, что средства къ достиженію цѣли должны подлежать послѣдующему обсужденію. Австрія, не желая дать выступить съ слишкомъ большою гласностью новой руководящей роли, выпавшей на долю Пруссіи, голосовала всюду съ большинствомъ.

Всего этого было достаточно, чтобы до нѣкоторой степени охладить порывы графа Буоля. Тутъ онъ впервые нѣсколько отступилъ отъ мысли о формальномъ союзѣ съ морскими державами; тѣмъ болѣе, что переговоры о томъ, какія условія предложить Россіи для заключенія перемирія и мира, шли своимъ чередомъ. Въ этомъ вопросѣ скоро пришли къ соглашенію, принявъ въ основаніе прежніе вѣнскіе протоколы, и графъ Буоль согласился съ тѣмъ, чтобы морскія державы, устраняя миролюбивую Пруссію отъ всякаго участія въ совѣщаніи, въ то же время обязали бы Австрію, въ почти договорной формѣ, къ принятію пунктовъ, по которымъ состоялось соглашеніе. Путемъ обмѣна тождественныхъ нотъ (8 августа) рѣшено было установить слѣдующія требованія, оговаривая право предъявить и другія, смотря по ходу военныхъ дѣйствій.

1) Европейская гарантія правъ Дунайскихъ княжествъ взамѣнъ прежняго протектората Россіи;

2) Свободное плаваніе по Дунаю до моря;

3) Пересмотръ договора 1841 года въ смыслѣ обезпеченія европейскаго равновѣсія;

4) Требованіе правъ для турецкихъ христіанъ въ формѣ, согласуемой съ суверенными правами султана.

Ни одна изъ договаривающихся сторонъ не предложитъ къ обсужденію такихъ русскихъ предложеній, которыя не выражали бы принятія полностью означенныхъ принциповъ.

10-го августа графъ Буоль отправилъ эту программу въ Петербургъ какъ общее требованіе трехъ державъ и одновременно сообщилъ о томъ въ Берлинъ, предлагая приступить къ этому дѣлу мира.

Легко понять то впечатлѣніе, которое произвело на берлинскій кабинетъ подобное извѣстіе. Искренній союзникъ снова, по собственному усмотрѣнію и не спрашивая Пруссіи, сдѣлалъ шагъ, дававшій Австріи опять поводъ къ войнѣ съ

Россіею и способный вовлечь Пруссію и Германію въ путаницу. Раздраженіе усилилось еще тѣмъ, что западныя державы не проронили Пруссіи ни одного слова объ этомъ дѣлѣ.

— Хотятъ, кажется, насъ наказать, говорилъ Мантейфель, за уклоненіе отъ ихъ взглядовъ.

Къ тому же нашли, что всѣ четыре пункта, въ смыслѣ германскихъ интересовъ, представляютъ весьма ничтожныя выгоды. Свободное плаваніе по Дунаю не имѣло въ данное время особаго значенія и обѣщало выгоды лишь въ далекомъ будущемъ. Устраненіе русскаго протектората надъ Дунайскими княжествами было дѣломъ хорошимъ, но замѣна его гарантіею всей Европы могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имѣть весьма тягостныя послѣдствія. Третій и четвертый пункты были для Германіи просто безразличны, а при ихъ полной неопредѣленности, все сводилось прежде всего къ тому, какое они получатъ ближайшее толкованіе. Несмотря на все это, король рѣшилъ 13-го августа посовѣтовать императору Николаю принятіе четырехъ пуктовъ положить въ основаніе переговоровъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій и о мирѣ; но въ Вѣнѣ выставилъ на видъ, что въ случаѣ отказа Россіи, онъ ни къ какимъ враждебнымъ намѣреніямъ противъ нея обязываться не будетъ. За время этой переписки, русскіе совершенно очистили Валахію, и 20-го августа австрійцы и турки вступили въ страну.

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, возникли заботы о послѣдствіяхъ. Графъ Буоль поручилъ своему посланнику при союзномъ сеймѣ, Прокешу, позондировать настроеніе нѣмецкихъ дворовъ, и послѣдній, непосредственно до наступленія каникулярнаго времени, предложилъ въ засѣданіи комитета вопросъ, склонны ли нѣмецкія правительства поставить австрійскія войска въ княжествахъ, приравнивая послѣднія къ австрійской территоріи, подъ защиту апрѣльскаго договора и, затѣмъ, придутъ ли правительства—послѣ того, что Австріею сдѣла-

но—къ соглашенію относительно принятія и выполненія четырехъ пунктовъ. Члены комитета могли только заявить, что отвѣты своихъ правительствъ они представятъ послѣ каникулъ.

Въ началѣ сентября появилась русская нота (отъ 26-го августа), въ которой четыре пункта безусловно отклонялись, съ заявленіемъ, что Россія и впредь будетъ ограничиваться защитою своей территоріи, въ твердой рѣшимости ожидать дальнѣйшихъ событій. Прусскій король былъ въ то время въ Путбусѣ, на островѣ Рюгенѣ, окруженный Бисмаркомъ, Альвенслебеномъ и полковникомъ Мантейфелемъ. Теперь туда же былъ вызванъ и министръ-президентъ, и 3-го сентября отправленъ, въ отвѣтъ на постановленные Прокешомъ вопросы, циркуляръ ко всѣмъ нѣмцкимъ дворамъ слѣдующаго содержанія: въ виду заявленія русскаго правительства держаться лишь оборонительнаго положенія, для австрійскихъ войскъ въ княжествѣ опасности не представляется и для защиты ихъ болѣе широкое толкованіе апрѣльскаго договора представляется излишнимъ. Четыре пункта подлежатъ многостороннему обсужденію, а теперь, послѣ русскаго отказа, король никакъ не можетъ совѣтовать своимъ союзникамъ усвоить эти пункты такимъ образомъ, чтобы изъ этого возникли обязательства и тягости; надо надѣяться, что и Австрія воздержится отъ нападенія и тѣмъ недопуститъ новыхъ усложненій.

При извѣстныхъ намъ воззрѣніяхъ средне-германскихъ государствъ, такой отзывъ разрушалъ всякую надежду Австріи на какое-либо воинственное постановленіе союзнаго сейма, если только Фридрихъ-Вильгельмъ не перемѣнитъ мнѣнія въ послѣднюю минуту. Графъ Буоль рѣшилъ поэтому пока держаться спокойно, тѣмъ болѣе что собранныя до сей поры въ Варнѣ 50 тысячъ англо-французскаго дессантнаго войска, вмѣстѣ съ частью турецкой арміи, были отправлены въ Крымъ

и, такимъ образомъ, Австрія, въ случаѣ нападенія на Россію на Дунаѣ или Карпатахъ, и съ той стороны не могла получить поддержки.

Такой ходъ дѣлъ въ высшей мѣрѣ раздражилъ западныя державы. Судя по тому, что имъ ранѣе заявлялъ Буоль, онѣ разсчитывали, что, въ случаѣ отклоненія Россіею четырехъ пунктовъ, Австрія отозвала бы изъ Петербурга своего представителя, т. е. пошла бы на дипломатическій разрывъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали бы и военныя дѣйствія. Но ничего подобнаго не произошло, и Россія могла съ спокойнымъ духомъ бросить значительныя массы вооруженныхъ силъ на дерзкихъ нападающихъ въ Севастополѣ. Австрія свалила вину на Пруссію, но достигла въ Парижѣ и Лондонѣ лишь половиннаго успѣха. Оба эти двора были дѣйствительно злобно настроены противъ берлинскаго кабинета, но находили, что Пруссія имѣла болѣе основаній, нежели Австрія, удерживать дружбу Россіи, и постоянно обнаруживала одно и то же настроеніе, тогда какъ Австрія все время бряцала саблею,—но въ рѣшительный моментъ изъ ноженъ ея не вынимала. Такимъ образомъ, они изливали раздраженіе одинаково на обѣ нѣмецкія державы. Наполеонъ, котораго посѣтилъ тогда принцъ Альбертъ[1]), въ довѣрительной бесѣдѣ, сказалъ своему гостю, что онъ естественно долженъ приноровлять свою политику къ ходу событій, но что его сердечнымъ желаніемъ было и остается освобожденіе Польши отъ русскаго, а Италіи отъ австрійскаго ига; такое желаніе ставило въ своеобразный свѣтъ его тогдашнее стремленіе вовлечь Австрію въ войну съ Россіей. Посланники его при нѣмецкихъ дворахъ, принимая озабоченныя лица, высказывались въ томъ смыслѣ, что если, благодаря поведенію Германіи, Россія не будетъ принуждена, до истеченія года, за-

[1] Принцъ супругъ королевы Викторіи.

ключить миръ, то весною придется призвать на помощь революціонныя силы. Въ соотвѣтствіи съ такими рѣчами, появился въ разныхъ мѣстахъ слухъ, что Францiя, тайно согласившись съ Австріею, собираетъ войска на восточной границѣ, съ цѣлью провести ихъ черезъ южную Германію въ Польшу, для нападенія на Россію съ самой слабой стороны. Англійскія газеты высказывались, что если сонные нѣмцы вскорѣ не выполнятъ добровольно своего долга по отношенію къ Европѣ, то ихъ потащутъ съ бранью и посрамленіемъ на поле битвы; англійская дипломатія намекала на то же, такъ что министръ Мантейфель началъ вѣрить въ возможность блокады прусскихъ береговъ соединенными флотами. Бисмаркъ смѣялся надъ этимъ. «Блокадѣ, писалъ онъ, которая англійской торговлѣ нанесетъ бо́льшій вредъ, чѣмъ намъ, я не вѣрю до тѣхъ поръ, пока ее не увижу, а что касается прохода французской арміи, то простымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ него была бы мобилизація двухъ прусскихъ и двухъ южно-германскихъ корпусовъ; если мы покажемъ, что мы рѣшительно не боимся, къ намъ отнесутся съ почтеніемъ».

Между тѣмъ король получилъ отъ принца-супруга Альберта весьма важныя, на половину угрожающія письма, содержаніе которыхъ побудило его попытаться отвратить грозу не мобилизаціею, но дружелюбіемъ. Онъ отправилъ поэтому въ Парижъ одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, стараго генерала фонъ-Веделя, не давъ ему опредѣленнаго порученія, но снабдивъ краснорѣчивымъ, переполненнымъ выраженіями симпатіи и почитанія письмомъ къ Наполеону. Письмо это удачнаго дѣйствія не имѣло. Наполеонъ, изъявивъ благодарность за расположеніе, поручилъ всетаки Друэнъ-де-Люису спросить прусскаго посланника, графа Гацфельдта, идетъ ли дѣло о личныхъ отношеніяхъ монарха къ монарху или о соглашеніи двухъ правительствъ для совмѣстнаго

дѣйствія. Графъ Гацфельдтъ нашелъ возможнымъ лишь отвѣтить, что едва ли можно держаться того взгляда, что если одно правительство ведетъ войну, то и другое должно тотчасъ же ударить на общаго противника. Оставшаяся безъ всякихъ послѣдствій поѣздка Веделя въ Парижъ произвела въ Германіи то впечатлѣніе, что Пруссія начинаетъ колебаться, и что Австрія и въ этотъ разъ оказывается самою сильною изъ государствъ союза.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, 28-го сентября, въ Вѣнѣ была получена телеграмма изъ Бухареста съ извѣстіемъ, что туда прибылъ татаринъ, принесшій вѣсть о страшномъ пораженіи русскихъ войскъ и взятіи Севастополя союзниками. Графъ Буоль заликовалъ, дважды протелеграфировалъ Наполеону пламенныя поздравленія и рѣшилъ, пользуясь одуряющимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на всю Европу вѣстью объ этой побѣдѣ, швырнуть за бортъ сопротивленіе Пруссіи и среднихъ государствъ его проектамъ[1]. 30-го сентября онъ сообщилъ въ Берлинъ, что теперь Австріи приходится дѣйствовать въ сеймѣ уже безъ поддержки Пруссіи, а остальнымъ нѣмецкимъ дворамъ объявилъ 1-го октября, что Австрія весьма опредѣлительно потребуетъ отъ сейма

[1] Достойно замѣчанія то обстоятельство, что когда Севастополь былъ дѣйствительно оставленъ русскими, австрійскій кабинетъ уже не счелъ нужнымъ поздравить съ этимъ событіемъ Наполеона, что̀ послѣдній нашелъ «un peu fort». Впослѣдствіи Австрія, желая оправдать такое упущеніе, заявила, что она хотѣла сперва выждать полученія свѣдѣній о размѣрѣ потерь. «Такое оправданіе, сказалъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ герцогомъ Эрнстомъ Кобургскимъ, почти хуже самого упущенія».

Въ ряду крупныхъ событій, вызвавшихъ крутой поворотъ въ отношеніяхъ императора французовъ къ вѣнскому двору, этотъ маленькій эпизодъ не лишенъ значенія для характеристики мелочной политики, усвоенной графомъ Буолемъ послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ во время Крымской войны неудачъ.

«Aus meinem Leben und aus meiner Zeit», von Ernst II Gerzog von S. Coburg Gotha. Томъ II, стр. 282. А. Г.

охраны австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ, и рѣшительнаго приступленія къ требованіямъ, изложеннымъ въ четырехъ пунктахъ. Расчеты Буоля оказались не неосновательными: большинство среднихъ и малыхъ государствъ союза напугались и увѣрили императорскаго посланника въ ихъ полномъ единомысліи. Съ своей стороны, Пруссія отправила всѣмъ циркулярное посланіе, въ которомъ предостерегала ихъ отъ дачи обѣщанія, благодаря которому сначала Австрія, а потомъ и вся Германія могли быть втянутыми въ злосчастную войну русскихъ съ турками на берегахъ Прута. Между тѣмъ опасность войны со дня на день уменьшалась, такъ какъ татарская почта оказалась весьма скоро наглою уткою, и, наоборотъ, всѣ узнали, что Севастополь оказываетъ геройское сопротивленіе; обѣ стороны стягивали всѣ свои силы около этого пункта и о битвахъ на берегахъ Прута не было и рѣчи. Въ виду этого Россія подтвердила въ Берлинѣ свое заявленіе ограничиваться оборонительными дѣйствіями и даже дала понять, что, при извѣстныхъ условіяхъ, не прочь принять четыре пункта. И изъ Вѣны пришли объясненія менѣе рѣзкаго свойства; требованіе о принятіи четырехъ пунктовъ обѣщали поддержать, въ случаѣ нужды, оружіемъ, но въ остальномъ были далеки отъ желанія произвести нападеніе и ни въ какое соглашеніе съ державами о томъ, что слѣдуетъ считать поводомъ къ войнѣ, обѣщали не входить безъ предварительнаго сообщенія о томъ Пруссіи и Германіи (9-го ноября).

Мантейфель неоднократно освѣдомлялся вслѣдъ затѣмъ у графа Буоля о его отношеніяхъ къ западнымъ державамъ и получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что заняты ближайшимъ разсмотрѣніемъ четырехъ пунктовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, когда все, казалось, склонялось къ миру, берлинскій дворъ уже не счелъ опаснымъ сдѣлать шагъ на встрѣчу австрійскимъ желаніямъ; 26-го

ноября выработали совмѣстную дополнительную статью къ апрѣльскому договору, и тотчасъ-же внесли въ сеймъ предложеніе приступить къ ней. Въ силу этой статьи Пруссія распространяла обѣщанную охрану австрійской территоріи и на австрійскія войска, находившіяся въ княжествахъ, а обѣ державы обязывались совмѣстно побуждать Россію къ принятію четырехъ пунктовъ. Дополнительныя же указанія относительно военныхъ дѣйствій въ случаѣ отказа Россіи, или вооруженной помощи Австріи, если бы она произвела нападеніе—были, какъ и прежде, тщательно избѣгнуты. Впрочемъ, тотчасъ же оказалось, что они были-бы излишними, такъ какъ 28-го ноября русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Горчаковъ, объявилъ графу Буолю, что императоръ Николай принимаетъ четыре пункта въ ихъ буквальномъ смыслѣ. Можно было предполагать, что тѣмъ самымъ открывается путь къ успѣшнымъ переговорамъ о мирѣ.

Но Пруссіи снова предстояло испытать неожиданность и и даже бóльшую, чѣмъ когда-либо прежде, со стороны ея «искренняго союзника» съ 20-го апрѣля.

Графъ Буоль былъ далеко не чистосердеченъ, когда говорилъ, что ведетъ переговоры съ западными державами лишь по разработкѣ четырехъ пунктовъ. Въ теченіи послѣднихъ недѣль онъ занимался дѣлами гораздо бóльшей важности. Ему, какъ кажется, надоѣло то, что рѣшеніе вопроса затягивалось; при истощеніи финансовъ, армія должна была вернуться на мирное положеніе или же броситься на поле сраженія; но для послѣдняго нужна была поддержка, которой Германія оказывать не желала. Тогда Буоль обратился къ западнымъ державамъ, съ предложеніемъ заключить болѣе тѣсный союзъ [1]. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ предложеніе это было встрѣчено охотно, тѣмъ болѣе, что упорное сопротивленіе Се-

[1] Рѣчь лорда Кларендона въ верхней палатѣ, 26-го іюня 1855 г.

вастополя давало жизненное значеніе вопросу о невозможности для Россіи, въ случаѣ, если Австрія приметъ угрожающее положеніе, направить въ Крымъ всѣ свои силы. Графъ Буоль выразилъ поэтому готовность принять участіе въ войнѣ въ случаѣ, если Россія не исполнитъ требованій, изложенныхъ въ четырехъ пунктахъ. Сначала западныя державы вообще не желали ограничиваться четырьмя пунктами, но затѣмъ удовлетворились сдѣланною уже 8-го августа оговоркою включить новыя условія, смотря по ходу военныхъ дѣйствій. Влѣдъ за тѣмъ графъ Буоль предложилъ слѣдующее: лишь только дѣло дойдетъ до войны между Австріею и Россіею, вступаетъ въ силу наступательный и оборонительный союзъ трехъ державъ, обезпечивающій Австріи помощь и на сушѣ и на морѣ. Наконецъ, онъ потребовалъ установленія опредѣленнаго срока, съ котораго начиналось бы дѣйствіе этого союза, и предложилъ послѣдній день года, въ случаѣ, если бы всеобщій миръ не былъ бы до той поры обезпеченъ. Въ половинѣ ноября дипломаты пришли къ полному соглашенію по этому дѣлу. До сей поры императоръ Францъ-Іосифъ не дѣлалъ возраженій; но теперь, когда графъ Буоль представилъ ему на утвержденіе готовое дѣло, онъ измѣнилъ воззрѣнія. Его личныя чувства къ императору Николаю препятствовали сдѣлать шагъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго, по всѣмъ даннымъ, была бы война противъ столь высокочтимаго монарха. Но извѣстно, что графъ Буоль объяснилъ ему, что того настоятельно требуютъ интересы монархіи, что при существующемъ положеніи дѣлъ остается лишь выбирать между разрывомъ съ западными державами и разрывомъ съ Россіею и что, если императоръ будетъ настаивать на выжидательномъ образѣ дѣйствій, то онъ, Буоль, долженъ просить объ отставкѣ. Послѣ этого императоръ съ сокрушеннымъ сердцемъ далъ свое согласіе на заключеніе союза.

До сей поры въ Берлинѣ о всемъ этомъ и не подозрѣвали. Лишь теперь графъ Буоль вспомнилъ о данномъ имъ 9-го ноября обѣщаніи и рѣшилъ буквально его исполнить путемъ сообщенія Мантейфелю еще формально не заключеннаго и не подписаннаго въ ту минуту договора. 1-го декабря посланникъ, графъ Эстергази, явился къ прусскому министру, чтобы прочитать (но не вручить) ему депешу отъ 28-го ноября, въ которой графъ Буоль увѣдомлялъ, что западныя державы хотѣли непремѣнно предъявить еще болѣе рѣзкія требованія, чѣмъ тѣ, которыя изложены въ четырехъ пунктахъ; Австрія этого не одобрила, но должна была убѣдиться, что ея противорѣчіе будетъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если она ближе сойдется съ державами. Это вызвало необходимость принять твердыя взаимныя обязательства. Переговоры эти привели къ союзному договору, который хотя еще не формулированъ окончательно и не подписанъ, но тѣмъ не менѣе выработанъ. Въ виду всего этого Австрія предоставляла Пруссіи приступить къ этому договору.

2-го декабря, прусскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, графъ Арнимъ, телеграфировалъ своему правительству, что союзный договоръ заключенъ.

Событіе это повсюду произвело сильное возбужденіе. Прежде всего Россія убѣдилась въ истинѣ сказанныхъ нѣкогда словъ князя Шварценберга, что Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью. Князь Горчаковъ былъ какъ громомъ пораженъ, когда Буоль ему сообщилъ содержаніе договора, хотѣлъ тутъ же потребовать свои кредитивныя грамоты, жаловался, что его обманули, что три дня тому назадъ дружески отнеслись къ принятію Россіею четырехъ пунктовъ и что теперь заключили противъ нея военный союзъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что до полученія указаній изъ Петербурга никакого отвѣта дать не можетъ, и ушелъ отъ министра преисполненнымъ ненависти не противъ западныхъ державъ, съ которыми Рос-

сія уже воевала, но противъ вѣроломной Австріи. Одинаково внѣ себя, благодаря приближавшейся опасности войны, были посланники среднихъ и малыхъ германскихъ государствъ, а затѣмъ и сами дворы, такъ что одно время представилась возможность непринятія союзнымъ сеймомъ добавочной статьи 26-го ноября. Между тѣмъ въ Берлинѣ всетаки одержало верхъ мнѣніе, что въ данную минуту было не желательно столь явное обнаруженіе соперничества, и 9-го декабря состоялось приступленіе къ договору союзнаго сейма, но въ формѣ, совершенно исключавшей обязательство напасть на Россію; военной же комиссіи было поручено внести въ сеймъ проектъ мѣръ, необходимыхъ для безопасности Германіи. Въ Берлинѣ, какъ легко себѣ представить, былъ лишь одинъ отзывъ о скрытности австрійской политики и о неблагонадежности такого союзника. Король внутренно крайне раздраженный, объявилъ, подъ личиною спокойствія, что онъ останется при рѣшеніи, принятомъ имъ 20-го апрѣля. Но его вѣчно колеблющійся духъ, его возбужденная фантазія, метали его во всѣ стороны. Конечно, съ Австріею уже онъ никакого дѣла имѣть не будетъ; но заключенный послѣдній союзъ удваивалъ для него тягость враждебнаго настроенія западныхъ державъ. Говорили о томъ, что на конференціи объ окончательномъ мирѣ Пруссія будетъ допущена лишь въ томъ случаѣ, если она приступитъ къ тройственному союзу. Королю казалось такое исключеніе столь же обиднымъ, какъ и приступленіе къ союзу, послѣ неблаговиднаго поведенія Австріи. Онъ думалъ, какъ бы ему избѣгнуть и того и другаго, и пришелъ къ мысли отклонить вѣнскій договоръ и предложить западнымъ державамъ особый союзъ съ Пруссіею, такого же содержанія, какъ актъ 2-го декабря; далѣе, онъ готовъ былъ обѣщать, если миръ не состоится, выставить войска на восточной границѣ, фронтомъ противъ Россіи. Все это, однако, при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: во 1-хъ,

чтобы Царство Польское не было революціоннымъ путемъ возстановлено, и во 2-хъ, обезпеченіе противъ всякаго прохода чужихъ войскъ черезъ прусскую и вообще германскую территорію.

Подыскавъ себѣ дипломата либеральной окраски, графа Узедома, король отправилъ его въ Лондонъ, съ собственноручнымъ письмомъ (отъ 14-го декабря) къ королевѣ Викторіи. «Онъ везетъ, писалъ король, важныя предложенія, которыя я, съ полнымъ довѣріемъ, вручаю вамъ. Какъ міровая и какъ первая протестантская держава, Великобританія не должна предоставлять Пруссію той судьбѣ, которую для нея готовятъ. Посылка Узедома—исключительно довѣрительный шагъ передъ вашимъ величествомъ. Вы, милостивѣйшая королева, опредѣлите, долженъ ли будетъ Узедомъ вступить въ переговоры съ вашими министрами. Мнѣ и моему правительству совершенно чужда arrière-pensée домогаться отдѣленія Англіи отъ Франціи».

Это посольство имѣло такое же дѣйствіе, какъ и поѣздка графа Пурталеса. Королева не допустила никакихъ офиціальныхъ переговоровъ поэтому предмету и когда, впослѣдствіи, кое-что объ этомъ было узнано въ Парижѣ, Друэнъ-де-Люисъ рѣзко выразился, что все это сводится къ воспрепятствованію французскому вторженію въ Польшу, т. е. къ прикрытію самой уязвимой части Россіи.

— Какъ кажется, говорилъ Друэнъ, — Узедомъ имѣетъ въ своемъ чемоданѣ нѣсколько проектовъ союзовъ, и по недосмотру предложилъ въ Лондонѣ тотъ, который предназначался для Петербурга.

Такимъ образомъ, случилось именно такъ, какъ писалъ Бисмаркъ, 13-го декабря, барону Мантейфелю: «полагаю, что отдѣльные переговоры съ Англіею скорѣе ухудшатъ, нежели улучшатъ наши отношенія къ западнымъ державамъ; Англія дастъ намъ набѣгаться, и мы безъ нужды обнаруживаемъ признаки, что чувствуемъ себя не въ своей тарелкѣ».

Гораздо проще и практичнѣе былъ образъ дѣйствій прусскаго правительства, когда, 16-го декабря, посланники трехъ державъ передали ему формальное извѣщеніе о заключеніи союза, съ предложеніемъ приступить къ нему. Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 19-го декабря, министръ Мантейфель разъяснялъ, что Пруссія принесла уже много пользы въ Восточномъ вопросѣ. Когда западныя державы прибѣгли къ оружію, Пруссія, при помощи дипломатическихъ сношеній, не мало содѣйствовала достигнутому до сей поры успѣху. Средства были различны, но цѣль преслѣдовалась та же. Теперь отъ Пруссіи требуютъ, чтобы она вступила въ войну съ Россіею, на случай если послѣдняя, до истеченія года, не приметъ мирныхъ условій, предлагаемыхъ западными державами. Естественно, что Пруссія, прежде всего, должна знать, въ чемъ заключаются эти условія, такъ какъ невозможно обязаться вести войну ради неизвѣстныхъ требованій. Теперь все сводится къ ближайшему разъясненію четырехъ пунктовъ, и поэтому Пруссія проситъ державы сообщить ей принятыя ими, по этому вопросу, рѣшенія.

Такая просьба повлекла бы за собою участіе Пруссіи въ дальнѣйшихъ переговорахъ, и Франція и Англія рѣшительно противъ этого возстали. Графъ Буоль поэтому и отвѣтилъ, 24-го декабря, что о толкованіи державами четырехъ пунктовъ онъ сказать ничего не можетъ, такъ какъ послѣднія къ соглашенію еще не пришли и что, вообще, такое соглашеніе, пока свирѣпствуетъ война—невозможно. Послѣ столь смѣлаго заявленія, что условія мира во время войны формулированы быть не могутъ, Берлину лишь оставалось или вѣрить въ удивительную вѣнскую логику, или прямо сознаться, что надъ нимъ открыто смѣются. Тѣмъ болѣе рѣзкое впечатлѣніе произвела вторая, одновременная, депеша гр. Буоля, въ которой выражалось сожалѣніе о томъ, что Пруссія держитъ себя въ сторонѣ отъ тройственнаго союза, а затѣмъ,

безъ всякаго смущенія предлагалось выставить, согласно военной конвенціи 20-го апрѣля, 200.000 человѣкъ прусскихъ войскъ, такъ какъ опасность нападенія русскихъ на австрійскую территорію послѣ 1-го января уже дѣлается очевидною. Одновременно же было сообщено, что Прокешу поручили внести (въ сеймъ) соотвѣтствующія предложенія о мобилизаціи половины или всего союзнаго контингента, для пополненія или прусской, или австрійской арміи. Очевидно, гр.. Буоль разсчитывалъ, что, послѣ того какъ Австрія такъ тѣсно сблизилась съ западными державами, ни у одного германскаго правительства не хватитъ духу оказать сопротивленіе вѣнскимъ требованіямъ.

Впрочемъ, тотчасъ же послѣ отправленія обѣихъ депешъ выяснилось, что, хотя къ концу года не предвидѣлось заключенія мира и оборонительный и наступательный союзъ долженъ былъ вступить въ силу, Австрія, тѣмъ не менѣе, не начала бы тотчасъ войны противъ Россіи. Какъ ни былъ императоръ Николай внутренно озлобленъ на враждебное положеніе, принятое Австріею, интересъ Россіи не доводить дѣло до открытаго разрыва былъ слишкомъ очевиденъ, и князь Горчаковъ получилъ приказаніе вступить въ переговоры о мирѣ, на основаніи четырехъ пунктовъ. 28-го декабря состоялась первая конференція между нимъ и представителями трехъ державъ. Здѣсь союзники предъявили требованія, на которыя кн. Горчаковъ долженъ былъ снова заявить, что они не предусмотрѣны въ данныхъ ему полномочіяхъ, и просить 14-ти дневнаго срока, для полученія новыхъ инструкцій. Какъ ни вздыхалъ гр. Буоль о потерѣ времени и денегъ, но предложеніе Горчакова не могло быть отклонено, особенно потому, что суровая зима препятствовала въ данный моментъ всякимъ военнымъ дѣйствіямъ. Кромѣ того, дружбу гр. Буоля съ западными державами сильно замутило то обстоятельство, что Наполеонъ велъ, въ теченіе

декабря, переговоры съ Сардиніею о союзѣ и посылкѣ ею войска въ Крымъ. Англія, при ограниченности ея боевыхъ силъ, горячо ухватилась за это и обѣщала королю Виктору-Эммануилу значительное денежное пособіе. При такихъ условіяхъ, 26-го декабря, былъ подписанъ союзный договоръ между Сардиніею и западными державами. Болѣе непріятнаго и опаснаго ничего не могло приключиться для вѣнскаго двора. Поборникъ итальянскаго единства, защитникъ всѣхъ итальянскихъ революціонеровъ, смертный врагъ австрійскаго владычества въ Италіи [1], пріобрѣталъ нынѣ права на благодарность и поддержку западныхъ державъ и, прежде всего, того итальянскаго заговорщика, который сдѣлался неограниченнымъ монархомъ Франціи.

— Никогда, сказалъ графъ Буоль барону Буркенэ, знамена Піемонта, даже если они развѣваются рядомъ съ французскими, не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ вражескими полевыми значками.

Какъ ни увѣрялъ Друэнъ-де-Люисъ, что договоръ имѣетъ лишь военное значеніе, недовѣрчивое настроеніе Буоля осталось во всей силѣ. Съ тѣмъ большимъ напряженіемъ онъ ожидалъ прусскаго отвѣта на свою депешу отъ 24-го декабря.

Отвѣтъ этотъ пришелъ 5-го января 1855 года и былъ именно такимъ, какимъ долженъ былъ быть по обстоятельствамъ дѣла. Апрѣльскій договоръ съ его дополненіями имѣлъ въ виду лишь отраженіе русскаго нападенія. Теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, предвидѣлась возможность такого нападенія. Если же Австрія, съ своей стороны, нападетъ на русскую территорію, то она никакъ не можетъ разсчитывать на поддержку германскихъ государствъ. Дополнительная статья, отъ 26-го ноября, имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду совмѣстную обѣихъ державъ поддержку четырехъ пунктовъ: поэтому,

[1] Рѣчь идетъ о Кавурѣ. А. Г.

доколѣ Австрія продолжаетъ держать Пруссію въ сторонѣ отъ вѣнскихъ конференцій, статья эта, вообще, Пруссію не связываетъ. За всѣмъ тѣмъ, не видится никакого основанія мобилизировать прусскую армію. Пруссія, впрочемъ, исподволь настолько подвинула боевую готовность своего войска, что, въ случаѣ нужды, могла выставить его скорѣе, чѣмъ въ указанный апрѣльскимъ договоромъ 36-ти дневный срокъ.

Такимъ образомъ, для Австріи, съ одной стороны, возникли тяжкія опасенія насчетъ Сардиніи, съ другой — пришлось получить категорическій отказъ, подсказанный нѣмецкою сдержанностью. Графъ Буоль упалъ духомъ, а въ императорѣ Францѣ-Іосифѣ ожило прежнее отвращеніе къ борьбѣ противъ Николая. Одновременно съ тѣмъ, на конференціи 7-го января, князь Горчаковъ могъ заявить о согласіи его правительства на предъявленныя, 28-го декабря, союзниками требованія и, такимъ образомъ, переговорамъ о спеціальныхъ условіяхъ мира ничто болѣе не препятствовало. Графъ Буоль все-таки счелъ нужнымъ сдѣлать еще попытку у остальныхъ германскихъ государствъ. 14-го января онъ сообщилъ имъ циркулярно, что, несмотря на уклончивость Пруссіи, имераторскій посланникъ-президентъ получилъ приказаніе внести въ сеймъ предложеніе о мобилизаціи всего или половины союзнаго контингента и о выборѣ союзнаго главнокомандующаго. На случай (весьма вѣроятный), если бы такое постановленіе сейма не состоялось, другою депешею, отъ того же числа, Буоль сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ, а именно: запросилъ довѣрительно нѣкоторые германскіе дворы, не предоставятъ ли они, каждый въ отдѣльности, свои войска въ распоряженіе и подъ высшее начальство его величества императора, при чемъ имъ гарантировались ихъ владѣнія и обѣщалось соотвѣтственное участіе въ имѣющихъ быть достигнутыми войною выгодахъ. Очень трудно было бы, конечно,

опредѣлить, какія выгоды могла принести Восточная война какому-нибудь Вюртембергу или Ганноверу.

Хотя австрійскія предложенія были поддержаны Друэнъ-де-Люисомъ путемъ весьма грубыхъ и настойчивыхъ нотъ, тѣмъ не менѣе, единственнымъ ихъ послѣдствіемъ было новое пораженіе вѣнской политики. Баварія и Саксонія тотчасъ же отвѣтили отказомъ; многія, болѣе мелкія государства, поручили своимъ посланникамъ голосовать лишь за предложеніе, внесенное обѣими большими державами, Пруссіею и Австріею, но ни въ какомъ случаѣ за предложеніе, сдѣланное одною изъ нихъ; даже всегда преданный Дармштадтъ не пожелалъ отдать свои войска въ распоряженіе Австріи для посылки ихъ въ невѣдомую даль; на сторонѣ Австріи оказался одинъ Брауншвейгъ.

8-го февраля послѣдовало постановленіе союзнаго сейма такого содержанія: въ виду отсутствія всякой опасности подвергнуться нападенію со стороны Россіи, не усматривается никакого основанія къ мобилизаціи или къ выбору союзнаго главнокомандующаго; но, принимая въ соображеніе неустойчивое положеніе Европы вообще, и такъ какъ союзъ, на основаніи пункта 2-го своихъ статутовъ, несетъ попеченіе о неприкосновенности и независимости Германіи, контингенты имѣютъ быть приведены въ боевую готовность на столько, чтобы черезъ 14 дней послѣ могущаго послѣдовать воззванія они имѣли бы возможность выступить изъ своихъ постоянныхъ квартиръ.

Въ переводѣ на языкъ въ дѣйствительности это значило: наступательной воинствующей политики мы знать не хотимъ, но будемъ противиться всякому, кто пытается нарушить нашъ нейтралитетъ.

Великъ былъ гнѣвъ графа Буоля на столь неблагопріятное явленіе. Въ теченіе февраля и марта, между Берлиномъ, Вѣною и средними нѣмецкими государствами шла весьма ожи-

вленная переписка; со стороны Австріи въ возбужденномъ и угрожающемъ тонѣ, а со стороны Пруссіи — въ спокойно отклоняющемъ. Положеніе дѣла оттого не измѣнилось, но разногласіе между Австріею и Германіею возросло.

III.

Послѣдствія.

Между тѣмъ открытіе конференціи о мирѣ затягивалось со дня на день, съ недѣли на недѣлю. Прежде чѣмъ приходить къ заключенію съ противникомъ относительно каждаго отдѣльнаго пункта, тремъ державамъ было, очевидно, необходимо установить предварительное о томъ соглашеніе. Здѣсь оказалось, что почти по поводу каждаго слова возникали затрудненія и это по той простой причинѣ, что высокіе союзники дѣйствовали уже не такъ, какъ 2-го декабря, но каждый въ иномъ направленіи. Западныя державы хотѣли требовать то, что имъ было существенно необходимо, и, въ случаѣ отказа, продолжать войну; Австрія же, послѣ всего недавно ею пережитаго, не желала ставить требованій такъ, чтобы допустить вѣроятность отказа, а съ нимъ и необходимость воевать. Вначалѣ Австрія, при обсужденіи нѣкоторыхъ статей, спорила въ этомъ смыслѣ съ Франціею, находя поддержку въ Англіи своимъ болѣе мягкимъ толкованіямъ; но затѣмъ Друэнъ-де-Люисъ заявилъ, что если дѣло будетъ такъ хромать далѣе, Франція заключитъ съ Россіею безсодержательный миръ, предоставивъ своимъ союзникамъ заботы объ ограниченіи русскаго вліянія на Востокѣ. Къ тому времени подоспѣла въ Англіи перемѣна минстерства; на мѣсто мягкаго лорда Абердина поступилъ воинственный лордъ Пальмерстонъ, такъ что вскорѣ англійскія требованія оказались

еще рѣзче французскихъ, а графъ Буоль, въ объясненіе сдержанности Австріи, не находилъ другаго предлога, какъ постоянныя жалобы на пагубную дружбу Пруссіи съ Россіею. Среди этихъ безнадежныхъ пререканій пришло извѣстіе изъ Петербурга, что императоръ Николай скончался 2-го марта (18 февраля) отъ запущеннаго гриппа, перешедшаго въ воспаленіе легкихъ. Его нѣкогда славная жизнь завершилась мрачно. Утомленная продолжительнымъ хвораніемъ, но могучая натура была наконецъ надломлена страшными душевными волненіями послѣдняго года. Но тѣмъ тверже и до послѣдняго вздоха онъ держался того облика, въ которомъ всю жизнь показывалъ себя свѣту. Какъ въ 1828 году, безъ всякихъ своекорыстныхъ намѣреній, онъ обнажилъ мечъ на защиту греческихъ христіанъ, а въ 1848 выступилъ противъ революціи въ сознаніи ея безбожія, такъ и за нѣсколько дней до своей кончины онъ объявилъ путемъ манифеста, что совершенно безкорыстно, лишь для освобожденія православной церкви, открылъ борьбу. Конечно, не лицемѣріе подсказывало ему, государственному и духовному самодержцу, эти слова. Если бы такія святыя задачи были счастливо разрѣшены и на долю Россіи выпало бы расширеніе предѣловъ ея могущества, то тѣмъ лишь подтвердилось бы, что все устраивается къ лучшему для тѣхъ, кто служитъ Господу.

Такъ какъ императоръ Александръ II объявилъ при вступленіи на престолъ, что онъ будетъ во всякомъ случаѣ продолжать политику своего отца, то перемѣна царствованія имѣла послѣдствіемъ лишь то, что начало конференціи было снова отложено на двѣ недѣли, вслѣдствіе необходимости снабдить князя Горчакова новыми полномочіями. За это время союзники пришли къ соглашенію о дальнѣйшей разработкѣ первыхъ двухъ пунктовъ, касавшихся княжествъ и свободы плаванія по Дунаю. Затѣмъ, по прибытіи турецкаго уполномоченнаго, совѣщанія могли, наконецъ, начаться 16-го марта.

ѣскорѣ оказалось, что при обсужденіи первыхъ двухъ пунк-овъ существенныхъ затрудненій возникнуть не могло, и въ іесть засѣданій былъ выработанъ, при общемъ согласіи, рядъ тносящихся къ этимъ пунктамъ статей. Иначе представи-ось дѣло при третьемъ пунктѣ, т. е. при пересмотрѣ догоора 1841 года. Всякій понималъ, что здѣсь было болѣе чѣмъ азногласіе и, слѣдовательно, здѣсь гнѣздился вопросъ о мирѣ ли войнѣ.

Договоръ 1841 года установлялъ, что въ мирное время икакой иностранный военный корабль не могъ вступать въ (арданеллы. Но съ того времени Россія соорудила себѣ на Іерномъ морѣ флотъ, значительно превосходящій турецкій, и стинною цѣлью постановки третьяго пункта было устране-іе русскаго перевѣса на Понтѣ.

Князь Горчаковъ заявилъ 7-го января, что въ общемъ нъ согласенъ, но съ особеннымъ удареніемъ сдѣлалъ огоорку, что соотвѣтствующія тому мѣры ни въ какомъ случаѣ е должны затрогивать суверенныхъ правъ царя. Теперь спраıивалось: можно ли было достигнуть цѣли при подобной говоркѣ. Представлялась возможность, по уничтоженіи догоора 1841 года, учредить въ турецкихъ портахъ Чернаго моря гоянки для флотовъ западныхъ державъ и Россія, въ то время, е возбудила бы противорѣчій. Но Англія нашла въ такой ѣрѣ много разныхъ неудобствъ и рѣшила требовать, какъ ростѣйшаго и самаго дѣйствительнаго средства, нейтралиаціи Чернаго моря, т. е. удаленія изъ этой области всѣхъ оенныхъ судовъ и уничтоженія военныхъ портовъ, несмотря а полную вѣроятность отклоненія Россіею такого требоваія. Кто желалъ скораго мира, тотъ долженъ былъ поэтому клоняться къ среднему предложенію—вмѣсто полной нейтраизаціи моря, къ ограниченію черноморскаго флота, будь то утемъ запрещенія увеличивать его численность въ данное ремя, или же установленіемъ опредѣленнаго числа судовъ

по рѣшенію конференціи или по особому договору между Россіею и Турціею. Въ виду важности вопроса, Англія и Порта отправили въ концѣ марта на конференцію по одному изъ выдающихся своихъ министровъ—лорда Джона Русселя и Аали-пашу, а затѣмъ и Друэнъ-де-Люисъ добылъ отъ Наполеона полномочія на такую же поѣздку. Вмѣсто конференціи посланниковъ образовалась конференція министровъ. Ей предстояло имѣть огромное значеніе не только для Крымской войны, но и для европейской политики въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Друэнъ-де-Люисъ былъ умный, свѣдущій, въ убѣжденіяхъ послѣдовательный и въ дѣйствіяхъ гибкій человѣкъ, выросшій въ католицизмѣ и воспитанный въ старой школѣ французской дипломатіи. Приверженецъ строго консервативной политики, онъ былъ чуждъ самолюбія старонаполеоновскаго пошиба, не стремился ни къ военной славѣ, ни къ переворотамъ и самое выгодное положеніе для своей страны видѣлъ въ системѣ европейскихъ государствъ, санкціонированной установленнымъ, въ 1815 году, порядкомъ: единство и вытекающее изъ него могущество французскаго народа,—разъединенность и отсюда безсиліе сосѣдей, т. е. Германіи и Италіи. Его отвращеніе къ итальянскому единству усиливалось связанною съ послѣднимъ угрозою папскому владычеству, ибо онъ преклонялся передъ католическою церковью не только какъ передъ средствомъ достигнуть спасенія души, но какъ передъ союзницею Французской монархіи и носительницею французскаго вліянія на Востокѣ. Къ Германіи и къ протестантской и унитарной Пруссіи онъ питалъ рѣшительное нерасположеніе, ибо ему казалось, что оба эти свойства не искоренимы изъ натуры и исторіи этого государства, несмотря на то, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV милостиво относился къ полной независимости католической церкви и оказывалъ полное уваженіе суверенитету нѣмецкихъ князей. По всѣмъ этимъ дан-

нымъ, Друэнъ-де-Люисъ заключалъ, что Австрійская имперія, какъ защитница папы и оплотъ нѣмецкаго союзнаго сейма, представляется лучшимъ союзникомъ, какого только Франція можетъ найти въ Европѣ, въ то же время втайнѣ надѣялся, что подобный союзъ служилъ бы не только поддержкою безпокойной политикѣ его государя, но и нѣсколько обуздывалъ бы ее. Такимъ образомъ, онъ искренно желалъ, чтобы изъ союза, заключеннаго съ Австріей на время Крымской войны, образовался союзъ постоянный. Онъ намѣревался въ Вѣнѣ все пустить въ ходъ, чтобы укрѣпить соглашеніе съ Австріею, имѣя въ виду какъ миръ, такъ и войну.

Какъ умный дипломатъ, онъ отправился сначала въ Лондонъ, съ цѣлью по возможности предотвратить препятствія его планамъ со стороны англичанъ. Рѣшительно высказавшись тамъ въ пользу совершенной нейтрализаціи Чернаго моря, онъ упомянулъ о возможности такого случая, что Австрія не присоеднится къ столь далеко идущему требованію и, слѣдовательно, отклоненіе его не сочтетъ за casus belli. Ничто, однако, не можетъ быть такъ важно, какъ приступленіе Австріи къ вооруженной борьбѣ, которая представится въ высшей мѣрѣ вѣроятною, если Россія отклонитъ даже и болѣе умѣренное требованіе въ смыслѣ ограниченія своего флота. Въ виду всего этого онъ предложилъ: Россія и Турція будутъ имѣть въ Черномъ морѣ каждая 4 линейныхъ судна, 4 фрегата и соотвѣтствующее число легкихъ судовъ; союзныя державы будутъ содержать тамъ же каждая половинное число этихъ судовъ; выходъ въ Средиземное море будетъ для Россіи закрытъ; Порта будетъ имѣть право, въ случаѣ опасности, призвать въ Черное море всѣ союзные флоты.

Англійскіе лорды выразили свое согласіе на такія предложенія, и Друэнъ-де-Люисъ поспѣшилъ въ Вѣну, куда прибылъ 6-го апрѣля. Два дня спустя онъ имѣлъ аудіенцію у императора Франца и началъ съ того, что въ немногихъ

словахъ упомянулъ о твердой и откровенной рѣшимости Наполеона дѣйствовать заодно со своими союзниками, имѣя въ виду или заключеніе прочнаго мира, или продолженіе праведнаго боя.

— Да, сказалъ императоръ, дайте намъ миръ.

На это министръ началъ развивать свои планы относительно 3-го пункта: въ первой линіи нейтрализація, во второй—ограниченіе. Онъ указалъ на ту энергію, съ которой Франція выступила въ послѣдніе дни въ вопросахъ о княжествахъ и о плаваніи по Дунаю, т. е. въ такихъ, которые интересовали главнымъ образомъ Австрію; онъ выразилъ надежду, что Австрія съ своей стороны будетъ дѣйствовать такъ же въ вопросѣ о третьемъ пунктѣ, представляющемъ собою все для морскихъ державъ. Затѣмъ онъ распространился вообще о выгодахъ тѣснаго сближенія Франціи съ Австріею.

— Укрѣпить связь ея провинцій, говорилъ онъ, оспаривать преобладающее положеніе въ Германіи у опаснаго соперника, удерживать Россію отъ посягательствъ на Дунаѣ, подавить анархію и соціализмъ, заботиться о внутреннемъ преуспѣяніи монархіи—не таковы ли цѣли австрійской политики? Для достиженія ихъ, въ комъ, какъ не во Франціи, Австрія можетъ найти лучшаго союзника? Вся задача въ обузданіи революціи безъ помощи Россіи и обузданіи Россіи безъ помощи революціи. Въ теченіе тридцати лѣтъ задача была неразрѣшима и послѣдствіемъ того было одновременное торжество и Россіи и революціи. Разрѣшеніе лежитъ нынѣ въ союзѣ Франціи съ Австріею. Въ Вѣну меня привело менѣе желаніе заключить съ Россіею миръ, чѣмъ необходимость укрѣпить и сдѣлать плодотворнымъ союзъ съ Австріей. Съ точки зрѣнія истинной политики Восточный вопросъ, въ сравненіи со всѣмъ этимъ, представляетъ, при всемъ своемъ значеніи, предметъ лишь второстепенной важности.

Императоръ отвѣтилъ нѣсколькими общими фразами, нашелъ систему нейтрализаціи недопустимою для Россіи и высказался въ пользу системы ограниченія. Французскій министръ доложилъ еще императору, что привезенный въ Парижъ графомъ Кренневилемъ планъ кампаніи вполнѣ одобренъ императоромъ Наполеономъ и можетъ, въ случаѣ нужды, тотчасъ же принять договорную форму. Францъ-Іосифъ, замѣшавшись слегка, отвѣтилъ, что съ этимъ слѣдовало бы погодить до окончанія конференціи, такъ какъ лишь тогда выяснится, будетъ ли призвана Австрія къ участію въ войнѣ.

Получивъ такой отвѣтъ, Друэнъ-де-Люисъ вступилъ въ конференцію уже съ сильно поколебленными надеждами. Онъ, правда, видѣлъ, что Австрія не будетъ дѣлать затрудненій тому, чтобы прижимать Россію, но ему было ясно, что прежній воинственный пылъ въ Вѣнѣ исчезъ. Выработанный имъ въ Лондонѣ планъ—ограничить русскій флотъ 4 линейными судами и т. д.—былъ Горчаковымъ полностью отклоненъ, и западныя державы съ напряженіемъ ожидали воинственнаго заявленія со стороны Австріи. Гр. Буоль полагалъ, однако, что этимъ не исчерпана еще возможность мирнаго разрѣшенія вопроса, и сдѣлалъ французскому министру предложеніе, по которому на долю русскаго флота выпала гораздо лучшая участь: онъ долженъ былъ быть ограниченнымъ на будущее время не 4 линейными судами, но его численностью въ 1853 году.

— Таковъ, заключилъ Буоль, ультиматумъ Австріи; мы не считаемъ возможнымъ предъявлять Россіи болѣе жесткихъ условій, но на отклоненіе нашего требованія отвѣтимъ объявленіемъ войны.

Друэнъ-де-Люисъ, восхищенный мыслію о томъ, что его планъ устройства Европы близокъ къ осуществленію, поспѣшилъ согласиться, и несмотря на то, что поведеніе Горчакова принимало все болѣе и болѣе вызывающій характеръ,

вырвалъ согласіе на такую комбинацію у нѣсколько нерѣшительнаго лорда Джона Русселя. 21-го апрѣля оба министра по телеграфу испросили у своихъ государей утвержденія ихъ дѣйствій.

Для стремленій Германіи и Италіи къ національному объединенію наступилъ опасный моментъ. Тѣсный австро-французскій союзъ на долго уничтожилъ бы ихъ надежды. Къ счастію для обоихъ народовъ, Друэнъ-де-Люису, столь же мало какъ и за четыре года до того князю Шварценбергу, суждено было дать рѣшительное и прочное направленіе ходу европейскихъ событій.

Императоръ Наполеонъ лишь настолько соглашался съ своимъ министромъ, насколько это не противорѣчило его намѣреніямъ, какъ человѣка, не обладавшаго воинственной жилкой и не стремившагося къ всемірному завоеванію, подобно своему крутому дядѣ. Въ остальномъ, его желанія и идеалы находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ стремленіями своего министра. Общаго съ Наполеономъ I онъ имѣлъ лишь то, что былъ чуждъ всякаго французскаго патріотизма: выросшій въ ссылкѣ, воспитанный въ аугсбургской гимназіи, получившій военное образованіе въ нѣмецкой Швейцаріи, какъ заговорщикъ занесенный въ Италію, Англію и Америку, знакомый съ Франціею лишь по стѣнамъ ея тюремъ — въ своихъ воззрѣніяхъ и чувствахъ онъ былъ космополитъ и управленіе Франціею сдѣлалось для него не цѣлью, но средствомъ къ достиженію дальнѣйшихъ цѣлей. Онъ былъ хорошимъ артиллеристомъ и основательно зналъ исторію своей семьи; но въ остальномъ, благодаря неустойчивому образу жизни, его образованіе имѣло пробѣлы и ему совершенно недоставало важнѣйшей подготовки государственнаго человѣка — твердыхъ историческихъ познаній въ области развитія и потребностей европейскихъ народовъ. Такъ, въ теченіе многихъ лѣтъ изгнаннической жизни, не сдержанный постоянными и

опредѣленными занятіями, онъ далъ полную волю своей неустанно работавшей фантазіи, думалъ, что обнаружилъ всѣ крупные недостатки существующаго порядка вещей и былъ убѣжденъ въ исполнимости реформы, имѣвшей охватить всю Европу, разумѣется постоянно исходя изъ той точки зрѣнія, что зачинщикъ такой реформы окажется достаточно сильнымъ, чтобы толковать о ней со всѣми великими державами всѣхъ частей свѣта, какъ равный съ равными. Когда затѣмъ, при помощи блеска своего имени и столь же искусной, какъ и безсовѣстной обработки народныхъ массъ, достигъ французскаго императорскаго трона, онъ не замедлилъ приступить къ осуществленію своихъ проектовъ, обнимавшихъ весь міръ. Первымъ условіемъ къ тому было разстройство всюду стѣснявшаго его союза трехъ восточныхъ державъ, и мы видѣли, какъ ему отлично въ руку работала неуступчивость императора Николая; благодаря этому, онъ уже не сомнѣвался въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Онъ видѣлъ естественное дѣло въ сліяніи Португаліи и Испаніи въ иберійскую, а Швеціи и Даніи въ скандинавскую унію. Освобожденіе Польши отъ русскаго и Италіи отъ австрійско-папскаго угнетенія представлялось ему требованіемъ справедливости и человѣколюбія; и для Германіи было бы благословеніемъ избавиться отъ разслабляющаго вліянія восточныхъ императорскихъ дворовъ, При этомъ, можно сказать съ увѣренностью, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ національнаго единства Германіи или Италіи: напротивъ, послѣднее казалось ему неудобнымъ, а первое—просто опаснымъ. Онъ разсчитывалъ дѣятельною поддержкою маленькаго, но стремившагося подняться Піемонта, и неоцѣненной правильно съ 1850 года Пруссіи установить свое преобладающее вліяніе взамѣнъ австрійскаго и тѣмъ положить начало благосостоянію и преуспѣянію всѣхъ народовъ. Въ его необыкновенно устроенной головѣ гнѣздились одновременно и деспотическія, и революціонныя, и гумани-

тарныя стремленія... Для него, какъ члена итальянскаго тайнаго союза, дѣло Италіи лежало на сердцѣ болѣе всего остальнаго, а потому рознь, съ Австріею была краеугольнымъ камнемъ его будущей политики. Какъ ни дружески онъ въ свое время обходился съ Вѣною, съ намѣреніемъ побудить Австрію къ открытой борьбѣ съ Россіею и въ надеждѣ добиться возстановленія Польши, какъ ни одобрялъ онъ направленныя къ этой цѣли мудрыя рѣчи своего министра въ разговорѣ съ Францемъ-Іосифомъ — онъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ стремленія Друэнъ-де-Люиса къ постоянному союзу съ Австріею. Ему и въ голову не приходило, ради такого союза, уменьшить поставленныя Россіи требованія въ неподходящей мѣрѣ, что было именно усмотрѣно имъ, какъ и лордомъ Пальмерстономъ въ предложеніи, сдѣланномъ гр. Буолемъ 21-го апрѣля. Онъ тотчасъ же телеграфировалъ въ Вѣну, что о принятіи его не можетъ быть и рѣчи.

Этимъ былъ положенъ конецъ конференціямъ и, одновременно, Австрія отдѣлилась отъ Франціи [1]. Гр. Буоль заявилъ,

[1] Австрія, потерпѣвъ пораженіе въ проектѣ вовлечь и Пруссію и союзныя германскія государства въ вооруженную борьбу противъ Россіи, и видя, кромѣ того, неуспѣхъ союзныхъ войскъ въ Крыму (Севастополь былъ оставленъ лишь пять мѣсяцевъ спустя), оказалась вынужденною, изъ опасенія быть одною втянутою въ войну, умѣрять требованія, предъявляемыя Россіи морскими державами относительно ея флота въ Черномъ морѣ. Въ этомъ кроется причина послѣдовавшей въ то время довольно рѣзкой перемѣны ея политики и стараній ея отклонить слишкомъ стѣснительное для Россіи толкованіе 3-го пункта. Принятое тогда вѣнскимъ кабинетомъ болѣе или менѣе опредѣленное положеніе въ этомъ вопросѣ очерчено графомъ Буолемъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ его къ герцогу Кобургскому отъ 12-го (24-го) апрѣля 1855 года, написанномъ съ явнымъ намѣреніемъ при посредствѣ герцога, имѣвшаго связи съ французскимъ и англійскимъ дворами, оправдаться передъ императоромъ Наполеономъ и королевою Викторіею въ охватившемъ австрійскій кабинетъ миролюбивомъ настроеніи, послѣ того, какъ онъ незадолго передъ тѣмъ всячески домогался тѣснѣйшаго союза съ морскими державами и не высказывалъ никакихъ колебаній относительно возможности непосредственнаго участія Австріи въ войнѣ противъ Россіи. Извѣстно, впрочемъ, что это оправданіе ни къ чему не привело и что вновь проявленная Австріею, послѣ паденія

что Австрія никакъ не считаетъ возможнымъ увеличивать требованій, а такъ какъ державы настаиваютъ на томъ, то

Севастополя, угодливость по отношенію къ западнымъ державамъ не спасла ее отъ войны 1859 года.

«... Мой государь, писалъ гр. Буоль, имѣетъ въ виду достиженіе высшей цѣли: при помощи союза съ Франціей и Англіею преодолѣть кризисъ, не подвергая всеобщему потрясенію существующихъ отношеній между государствами. Средство къ тому лежитъ единственно и исключительно въ полномъ и добросовѣстномъ исполненіи программы четырехъ пунктовъ. Программа эта была установлена въ интересахъ Европы; Австрія обязалась ею, но только ею, и военныя событія никакихъ новыхъ требованій не обусловливаютъ.

«Австрія не можетъ отказаться отъ самостоятельнаго мнѣнія о затруднительномъ 3-мъ пунктѣ, она не можетъ позволить диктовать себѣ войну, но императоръ, мой всемилостивѣйшій повелитель, сказалъ себѣ, что онъ скорѣе будетъ слишкомъ строгъ къ Россіи, чѣмъ недостаточно справедливъ по отношенію къ западнымъ державамъ, и въ условіяхъ, которыя мы готовы поставить, пойдетъ достаточно далеко, чтобы имѣть возможность смѣло утверждать передъ всѣмъ свѣтомъ, что данное слово мы держимъ честно, не взирая ни на какія опасности...

«... Можно спорить о различныхъ системахъ нейтрализаціи, ограниченія и уравновѣшиванія силъ державъ на Черномъ морѣ, но всѣ эти системы выражаютъ рѣшительное торжество общихъ интересовъ надъ честолюбіемъ Россіи. Такого торжества мы желаемъ не менѣе Англіи и Франціи, мы не умаляемъ значенія принесенныхъ этими державами жертвъ, но мы не желаемъ дать Россіи никакого повода сказать, что ея противники менѣе заботятся о гарантіяхъ мира, чѣмъ объ ея униженіи и о войнѣ.

«... Если въ Англіи и во Франціи изъ эгоистическихъ цѣлей дадутъ себя увлечь мыслью о продолженіи войны, въ противность нашимъ воззрѣніямъ,—я заранѣе съ увѣренностью предвижу и матеріальное, и нравственное торжество Россіи.

«Какъ много лучше было бы для будущаго, если бы Англія и императоръ Наполеонъ удовлетворились справедливыми и умѣренными условіями и для наблюденія надъ исполненіемъ послѣднихъ оставались бы съ нами въ мирномъ единеніи. Истинный противовѣсъ возрастанію могущества Россіи лежитъ все-таки въ постоянствѣ союзной системы, вызванной ея нападеніями, и къ этой системѣ со временемъ должны будутъ неизбѣжно примкнуть по существу и Пруссія, несмотря на всѣ свои колебанія, и всѣ нѣмецкіе дворы, несмотря на всю ихъ склонность къ русскому покровительству» (Изъ книги герцога Эрнста Кобургскаго «Aus meinem Leben und aus meiner Zeit», томъ II-й, стр. 257 и послѣд.).

А. Г.

она участія въ войнѣ не приметъ. Онъ попытался еще разъ склонить западныя державы къ принятію его предложенія въ измѣненной формѣ; но Друэнъ-де-Люисъ рѣшился какъ можно скорѣе вернуться въ Парижъ въ надеждѣ, при помощи личнаго воздѣйствія, измѣнить воззрѣнія своего повелителя. При прощальной аудіенціи императоръ Францъ-Іосифъ выразилъ надежду, что и въ глазахъ Наполеона вѣчный союзъ съ Австріей для совмѣстной охраны Турціи имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ большее или меньшее число русскихъ судовъ. Но такой надеждѣ не суждено было долго просуществовать. Нѣсколько недѣль спустя узнали, что Друэнъ-де-Люисъ вышелъ изъ министерства, а 2-го іюля Наполеонъ открылъ сессію законодательнаго корпуса рѣчью, въ которой безъ стѣсненія жаловался на Австрію.

— Намъ еще слѣдуетъ ожидать, — сказалъ онъ, чтобы Австрія исполнила свои обязательства заключить наступательный и оборонительный союзъ, въ томъ случаѣ если переговоры останутся безъ успѣха.

Съ этого момента въ Вѣнѣ не могло быть сомнѣній о раздраженномъ настроеніи Наполеона.

И въ Германіи разрывъ столь желанной конференціи о мирѣ и погруженіе вслѣдствіе того Австріи въ полную бездѣятельность вызвали сильное возбужденіе народныхъ чувствъ. Въ сознаніи глубокаго стыда видѣли, какъ загадочный авантюристъ, къ ногамъ котораго бросилась Франція, распоряжался судьбами двухъ частей свѣта.—Гдѣ же была Германія? Мощный народъ могъ ли имѣть значеніе при своемъ несчастномъ раздробленіи, при отсутствіи одного сильнаго и національнаго органа, при подавляющей массѣ лѣни, трусости и зависти. Въ первый разъ послѣ 1850 года раздалось требованіе реформы союзнаго устройства, сперва въ газетахъ, а вскорѣ послѣ того и въ парламентскихъ кругахъ. Въ теченіе лѣта 1855 года въ камерахъ Баваріи, Вютемберга и Готы

послѣдовали предложенія и резолюціи въ этомъ смыслѣ, и въ самомъ сеймѣ было произнесено многозначущее слово «народное представительство». Графъ Буоль, какъ мы знаемъ, горько разочарованный въ то время насчетъ союзнаго сейма, былъ настолько легкомысленъ, что пустился въ толки по этому предмету. Въ отвѣтъ на осужденія восточной политики Австріи, безплодно израсходовавшей 160 милліоновъ гульденовъ, онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ помѣстилъ въ субсидированныхъ и иныхъ послушныхъ газетахъ озлобленныя возраженія. Конечно, по его словамъ, союзное устройство не удовлетворительно и является причиною послѣдней неудачи; не должно болѣе случаться, чтобы въ случаѣ войны одинъ членъ союза предоставлялъ другого самому себѣ; долженъ существовать союзный судъ и сильная власть, но лишь императору подлежитъ наблюденіе за исполненіемъ его постановленій; во всякомъ случаѣ надлежитъ требовать, чтобы выросшія на исторической почвѣ права Австріи были подобающе уважены. Тотчасъ-же оказалось, что такія разсужденія не были способны поднять Австрію во мнѣніи остальной Германіи. Такъ какъ они помѣщены были въ баварскихъ газетахъ, министръ Пфордтенъ безъ всякаго стѣсненія запросилъ Вѣну о томъ, отвѣчаютъ-ли эти газетные толки видамъ императорскаго правительства. Тогда Буоль отступилъ назадъ: конечно, говорилъ онъ, союзное устройство подлежитъ улучшеніямъ, но во всякомъ случаѣ будущность германской федеративной системы поставлена въ зависимость отъ поведенія союза въ Восточномъ вопросѣ. Этимъ заявленіемъ онъ испортилъ все дѣло у своихъ союзниковъ, и Мантейфель почти отовсюду получилъ одобреніе, когда, нѣсколько недѣль спустя, объяснилъ, что отъ союза независимыхъ государствъ, каковы нѣмецкія, нельзя требовать болѣе, чѣмъ они могутъ дать, и что ни въ какомъ случаѣ оцѣнка такого государственнаго устройства не можетъ быть поставлена въ связь съ Восточнымъ вопросомъ.

Въ то время какъ эта чернильная борьба не подвигала ни на шагъ германскаго дѣла, колоссальное пролитіе крови на Востокѣ привело, наконецъ, европейскій кризисъ къ разрѣшенію. Когда, послѣ одиннадцати мѣсячнаго гигантскаго боя, Севастополь былъ оставленъ русскими, и военная честь западныхъ державъ получила, наконецъ, удовлетвореніе, а вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ, при закрытіи Парижской всемірной выставки, далъ торжественное завѣреніе въ мирномъ настроеніи Франціи, вѣнскій кабинетъ снова попытался выступить посредникомъ и зондировалъ сначала западныя державы о тѣхъ условіяхъ, которыя они собираются предъявить. Въ результатѣ была австрійская депеша въ Петербургъ отъ 4-го (16) декабря съ болѣе подробнымъ разъясненіемъ четырехъ пунктовъ и при болѣе рѣзкомъ требованіи полной нейтрализаціи Чернаго моря и небольшой территоріальной уступки въ Бессарабіи, такъ что русское владычество на устьяхъ Дуная устранялось совершенно. Одновременно и императоръ Александръ, послѣ того какъ честь русскаго знамени была возстановлена значительными побѣдами въ Малой Азіи, рѣшился проявить бо̀льшую уступчивость, чѣмъ то было въ апрѣлѣ, и, съ своей стороны, послалъ въ Вѣну предложенія, содержавшія лишь несущественныя измѣненія австрійскихъ требованій. Но гр. Буоль, теперь снова домогавшійся расположенія западныхъ державъ, заявилъ, что предложенныя имъ условія измѣнены быть не могутъ, и угрожалъ немедленнымъ прерваніемъ дипломатическихъ сношеній. На это, русское правительство взяло свои возраженія назадъ и согласилось подписать прелиминарныя условія мира сообразно вѣнской редакціи. Но во всѣхъ русскихъ сердцахъ осталось озлобленіе на гр. Буоля за его вмѣшательство: съ раздраженнымъ нетерпѣніемъ ожидали дня расчета съ нѣкогда спасеннымъ союзникомъ.

Затѣмъ рѣшено было условія окончательнаго мира выработать на большомъ конгрессѣ державъ. При выборѣ мѣста

'о обнаружилось то преимущество, которое дѣятельное уча-
'іе Франціи доставило наполеоновскому правительству; ни
ѣна, ни Лондонъ своего добиться не могли, и по едино-
ıасному рѣшенію конгрессъ былъ созванъ въ Парижѣ. Къ
ɔличайшему раздраженію Австріи, появилась здѣсь, въ ка-
ɛствѣ воевавшей державы, и Сардинія: Пруссія, напротивъ,
ıкъ непричастная къ войнѣ, приглашенія сперва не полу-
ıла. Когда Австрія и Россія во второмъ засѣданіи, 28-го
ɜвраля, внесли о томъ предложеніе, лордъ Кларендонъ на-
'оялъ на томъ, чтобы приглашеніе было послано лишь послѣ
ɪго какъ конгрессъ придетъ къ соглашенію по главнѣйшимъ
ʼнктамъ. Это непріятно подѣйствовало въ Берлинѣ, гдѣ на
'о посмотрѣли какъ на унизительное изолированіе, и либе-
ıльная оппозиція рѣзко упрекнула въ томъ министерство,
ıдя въ такомъ отношеніи державъ лишь естественное по-
:ѣдствіе пагубной политики прусскихъ правителей. Въ дѣй-
'вительности-же задержка въ приглашеніи была не чѣмъ
ıымъ, какъ скрытымъ выраженіемъ досады англичанъ на
ɜйтралитетъ Пруссіи, которая, твердо придержавшись его,
ɛсмотря на шумъ и угрозы, показала себя все-таки какъ
ıмостоятельная великая держава. Если бы дѣло осталось
)и томъ, что она была-бы исключена изъ конгресса, то невы-
дныя послѣдствія того сказались бы не для Пруссіи, а для
ɜржавъ, въ простомъ фактѣ необязательности постановленій
ɪнгресса для прусскаго правительства. Четырнадцать дней
ıустя конгрессъ послалъ-таки свое приглашеніе, и 18-го
ıрта послѣдовало вступленіе прусскихъ уполномоченныхъ,
ıинистра Мантейфеля и графа Гацфельда.

Намъ не за чѣмъ слѣдить за детальнымъ ходомъ работъ
ɪнгресса. Достаточно взглянуть лишь, какъ установились
ɜло-по-малу взаимныя отношенія державъ именно въ по-
ıѣднихъ засѣданіяхъ, послѣ того какъ 30-го марта былъ за-
ıюченъ миръ, когда возникли разсужденія, не приведшія

ни къ какимъ обязательствамъ, по поводу иныхъ европейскихъ заботъ.

Съ первыхъ же дней Францiя, при всякомъ детальномъ вопросѣ, обнаруживала крайнюю предупредительность по отношенiю къ Россiи и подала голосъ вмѣстѣ съ нею за будущее соединенiе Молдавiи и Валахiи, несмотря на рѣзкiй протестъ со стороны Австрiи и Турцiи. Графъ Валевскiй, замѣститель Друэнъ-де-Люиса, жаловался на плохое управленiе въ Неаполѣ и Римѣ, создающее многочисленныхъ приверженцевъ революцiи и дѣляющее необходимымъ столь нежелательное присутствiе чужихъ войскъ въ Папской области; выдающiйся государственный дѣятель Сардинiи, Кавуръ возбудилъ жалобы на занятiе Австрiею Тосканы, Пармы и другихъ мѣстностей. Гр. Буоль протестовалъ противъ продолженiя подобныхъ рѣчей, къ дѣлу конгресса не относившихся, но никѣмъ поддержанъ не былъ. Въ этихъ вопросахъ Англiя склонялась на сторону Францiи, а въ румынскомъ—на сторону Австрiи. Мантейфель былъ чрезвычайно сдержанъ, но и въ сказанныхъ имъ осторожныхъ рѣчахъ нельзя было не замѣтить отложенiя отъ Австрiи. Болѣе всего конференцiя выяснила изолированность вѣнскаго двора и дѣйствительную симпатiю Францiи къ Сардинiи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что алчная, колеблющаяся и подъ конецъ бездѣятельная политика гр. Буоля, при значительныхъ расходахъ, нигдѣ плодовъ не принесла. Въ Берлинѣ радовались тому, что прочный миръ дешево достался, съ Петербургомъ были въ искренней дружбѣ, а изъ Парижа, со времени паденiя Друэна-де-Люиса, получали лишь любезности. Въ союзномъ сеймѣ Пруссiя одно время значительно укрѣпила свое влiянiе въ ущербъ австрiйскому, но должна была скоро увидѣть, какъ не прочна была дружба среднихъ государствъ. Ходъ Восточнаго кризиса значительно поднялъ собственное сознанiе въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ. «Мы, конечно,

не можемъ властвовать надъ Европой, говорилъ тогда неоднократно баронъ Пфордтенъ, но достаточно сильны, чтобы служить гирей на вѣсахъ Германіи.—Какъ въ 1850 году мы помѣшали Пруссіи вытѣснить Австрію изъ Германіи, такъ и теперь мы не дали вѣнскому двору возможности собрать вокругъ себя Германію съ исключеніемъ Пруссіи.—Мы нуждаемся въ присутствіи двухъ великихъ державъ въ Германскомъ союзѣ, и тогда сеймъ будетъ единственнымъ надежнымъ представителемъ всего германства».

Россія и Англія въ Турціи въ 1876—1877 гг.

Въ первой книжкѣ «Revue d'histoire diplomatique» за 1896 годъ появилось начало историческаго очерка, озаглавленнаго «Англія и Россія на Востокѣ 1876—1877 гг.» Редакція обозрѣнія не сочла возможнымъ сообщить имени автора этого очерка, умершаго нынѣ дипломата (какъ она заявляетъ). Обстоятельство это, однако, нисколько не умаляетъ значенія самаго труда, обнаруживающаго въ авторѣ близкое знакомство съ предметомъ и, въ особенности, съ дѣятельностью ближайшихъ участниковъ событій, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ.

Распознать истину—такова задача, которую поставилъ себѣ авторъ, сознавая въ то же время ясно и всю трудность ея.

Приводимъ его слова:

«Несмотря на печать, вѣщающую на всѣ четыре стороны, на телеграфъ, на разныя книги: «синія, желтыя и красныя», современные намъ историки передадутъ грядущимъ поколѣніямъ лишь истину приправленную личною оцѣнкою газетныхъ писателей, официальными рѣчами министровъ и разъясненіями, полными недомолвокъ, дѣлаемыми въ парламентахъ и на политическихъ сходкахъ. Лишь много позднѣе

безпристрастному и терпѣливому изслѣдователю удастся, быть можетъ, открыть то, что для массы современниковъ осталось неизвѣстнымъ.

«Въ обнимаемую разсказомъ нашимъ эпоху, стоустая молва, болѣе, чѣмъ когда-либо, находила благосклонныхъ слушателей, вѣрившихъ въ преувеличенныя и лживыя свѣдѣнія, настойчиво распространяемыя и истолковываемыя безъ всякой заботы объ истинѣ.

«Какихъ только драматическихъ зрѣлищъ Востокъ не представилъ намъ въ ту пору? Банкротство страны, революція, низложеніе властелиновъ, массовое избіеніе населенія, безъ различія возраста и пола, насилія, грабежи, поджоги и, наконецъ, война между имперіею, признанною въ упадкѣ, и государствомъ, слывущимъ непобѣдимымъ и встрѣчающимъ неожиданное для него сопротивленіе.

«Неудивительно, что въ пылу расходившихся страстей, ложно объясняли происхожденіе тѣхъ и другихъ фактовъ и приписывали разныя дѣянія не тѣмъ, кому слѣдовало.

«Возстановить явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ и указать участіе и степень вины каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ разыгравшейся драмы—такова цѣль настоящаго труда».

Предлагая съ своей стороны русскимъ читателямъ въ переводѣ выдержки изъ означеннаго очерка, мы имѣемъ въ виду дать имъ богатый, несмотря на скромныя рамки, матеріалъ для ознакомленія съ тѣмъ, что принято называть «борьбою вліяній на Босфорѣ» и дать безпристрастную оцѣнку событій, на которыя привыкли смотрѣть черезъ призму извѣстныхъ вожделѣній, или негодованій, или разочарованій.

Идетъ ли рѣчь, какъ тогда, о турецкихъ звѣрствахъ или, какъ нынѣ, объ устроеніи судьбы армянъ, или о возстановленіи нормальныхъ отношеній между Россіею и молодымъ болгарскимъ государствомъ,—во всемъ сквозитъ лишь одно, безпомощность Турціи, во всемъ чувствуется, что дѣло

не въ армянахъ и не въ болгарахъ, а въ дальнѣйшихъ условіяхъ бытія имперіи османовъ и въ грядущей роли Россіи.

Поэтому, изучая внимательно все то, что творилось и творится въ Турціи, знакомясь съ разными отзывами о нашей дѣятельности въ разныя эпохи развитія Восточнаго вопроса, мы, русскіе, спокойно можемъ идти навстрѣчу всякимъ случайностямъ, во всеоружіи не однѣхъ лишь военныхъ силъ, но и подготовленности, исключающей и праздныя вожделѣнія и напрасныя разочарованія.

I.

Банкротство Турціи. — Безпорядокъ въ администраціи. — Турецкая конституція. — Низложеніе султана Абдулъ-Азиса. — Восшествіе на престолъ Мурада.

Извѣстно, что бѣда бѣду родитъ и бѣдой погоняетъ. Въ эпоху 1876 и 1877 годовъ, катастрофы обрушивались на Турцію одна за другою. Ихъ легко могъ предвидѣть всякій, кто обратилъ бы вниманіе на главныя причины волненій и смутъ, охватившихъ всю имперію.

Главнѣйшею изъ нихъ было финансовое разстройство. Уже съ давнихъ поръ чрезвычайный источникъ государственнаго кредита, ставъ источникомъ обыкновеннымъ, порождалъ самыя прискорбныя злоупотребленія и безпредѣльно увеличивалъ дефицитъ. Накопленіе займовъ, заключенныхъ на тяжелыхъ условіяхъ, уплата по которымъ процентовъ и погашенія поглощала болѣе 14 мил. турецкихъ лиръ[1] на 18 мил. общаго дохода,—довело государственную казну до полнаго истощенія и вызвало возвышеніе налоговъ и сборовъ, подрывавшихъ всѣ отрасли производительности въ ихъ источ-

[1] Турецкая лира стоитъ около 9 рублей. А. Г.

никѣ. Земледѣліе было угнетаемо, промышленность и торговля парализованы. Безпокойство и волненія обнаруживались во всей имперіи; недовольство проникало во всѣ слои общества и проглядывало все яснѣе и яснѣе.

Къ разстройству финансовому вскорѣ присоединилась неурядица въ управленіи. Введенныя въ разныя эпохи реформы не только не доставляли населенію благоденствія, но, наоборотъ, лишь расшатали старый порядокъ вещей, и турецкіе чиновники или не хотѣли, или не умѣли согласовать своего образа дѣйствія съ требованіями новыхъ учрежденій. Отсюда двойственность, роковая для интересовъ управляемыхъ. Можно сказать, что чѣмъ реформы были радикальнѣе и глубже, тѣмъ бо̀льшую смуту онѣ вносили въ обязанности должностныхъ лицъ, тѣмъ безсвязнѣе были получавшіеся результаты управленія. Для примѣра возьмемъ крупную реформу, извѣстную подъ именемъ «закона о вилаэтахъ». Законъ этотъ долженъ былъ возродить имперію осуществленіемъ столь усердно рекомендованной державами децентрализаціи. И что же? Единственнымъ послѣдствіемъ онъ имѣлъ то, что центральная власть была замѣнена властью вали (генералъ-губернатора области), ставшаго независимымъ отъ всякихъ учрежденій, чѣмъ-то въ родѣ проконсула, преспокойно заносившаго въ избирательные списки имена тѣхъ лицъ, которыя должны были войти въ составъ областнаго совѣта. Поэтому, эти члены совѣта, вмѣсто того, что быть умѣряющимъ элементомъ необычайно обширной власти, дѣлались податливыми сотрудниками, порою даже настоящими соумышленниками.

Прочія реформы въ разныхъ отрасляхъ управленія не имѣли лучшей участи. Преподавать совѣты было легко посламъ и консуламъ; ихъ расточали и въ столицѣ, и въ провинціи. Для выработки законовъ былъ созданъ государственный совѣтъ; совѣты министерствъ должны были наблюдать за на-

чальниками вѣдомствъ, т. е. за министрами; совѣтъ префектуры направлялъ дѣятельность городскихъ совѣтовъ столицы. Наконецъ, переустройство судовъ всѣхъ инстанцій должно было завершить эту обширную сѣть реформъ. Осуществленіемъ желанія державъ полагали даровать населенію имперіи всѣ благодѣянія хорошаго управленія и увеличить общее благосостояніе.

Но и тутъ, къ несчастью, событія не оправдали ожиданій. Законодатель могъ преобразовать учрежденія, но не могъ создать судей разумныхъ, образованныхъ и безкорыстныхъ, дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ администраторовъ. Человѣкъ ускользалъ отъ вліянія законодательства; онъ оставался, такъ сказать, продуктомъ нравовъ и обычаевъ, а нравы не передѣлаешь, какъ законы, однимъ почеркомъ пера. Поэтому суды, съ ихъ медлительностью и сложною процедурою, вызывали всеобщія жалобы.

Требуя исполненія массы формальностей и прохожденія черезъ безчисленныя іерархическія ступени, администрація какъ бы находила удовольствіе въ томъ, что ставила препятствія пользованію самыми священными правами и воздвигала затрудненія для самыхъ законныхъ ходатайствъ.

Если прибавить къ этому, что внѣшній видъ законности часто служилъ лишь прикрытіемъ для величайшей продажности, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что реформы, не достигнувъ цѣли, породили лишь развитіе недовольства, глухаго, но глубокаго и готоваго проявиться при первомъ благопріятномъ случаѣ.

Это еще не все. Положеніе осложнялось враждебностью отношеній мусульманъ къ христіанамъ.

Со времени уничтоженія буйной милиціи янычаръ и до Парижскаго трактата (1856 г.) нравы правовѣрныхъ существенно смягчились, и религіозный фанатизмъ значительно ослабѣлъ. Турки какъ будто поняли, что политическое суще-

ствованіе ихъ находится въ зависимости отъ проявляемой ими терпимости; что они не могутъ требовать преобладанія надъ христіанскими народами имперіи, а должны предоставить имъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, пользоваться всѣми правами и выгодами, даруемыми новыми учрежденіями. Равенство между побѣдителями и побѣжденными съ каждымъ днемъ пріобрѣтало почву и, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вспышекъ фанатическаго усердія и насилія надъ христіанами, можно было думать, что взаимная терпимость между мусульманами и христіанами была довольно искренна, и что они могли жить вмѣстѣ, подъ однимъ скипетромъ и подъ управленіемъ однихъ законовъ.

Но, странное дѣло! Европа, долгими и тяжелыми усиліями счастливо добившаяся нѣкотораго умиротворенія, побудила, сама того не сознавая, сыновъ ислама вернуться къ старымъ порядкамъ и оставить тотъ хорошій путь, на который они ступили [1] .

Въ числѣ благодѣяній западной цивилизаціи, преподнесенныхъ Турціи, допущенной въ европейскій концертъ, находилась печать. Съ ея ежедневными вызовами, съ ея неоспоримымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, печать является могучимъ рычагомъ и обоюдо-острымъ оружіемъ.

[1] Что авторъ настоящаго изслѣдованія—французскій дипломатъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться; тѣмъ большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Парижскій конгрессъ обозначенъ имъ какъ событіе завершающее эпоху умиротворенія внутренней политической жизни Турціи, начавшуюся съ момента истребленія янычаръ (въ 1826 г. при султанѣ Махмудѣ II). Этимъ авторъ рѣшительно уничтожаетъ укоренившуюся среди французскихъ историографовъ и публицистовъ легенду (ея придерживаются такіе выдающіеся новѣйшіе изслѣдователи какъ Alphonse d'Avril, P. de la Gorce и др.)—что парижскій трактатъ, введя Турцію въ семью Европейскихъ государствъ, положилъ начало ея мирному и нормальному развитію. Трактатъ этотъ, какъ теперь вполнѣ выяснилось, положилъ начало смутамъ, приведшимъ къ послѣдней (1877 г.) русско-турецкой войнѣ. и до сей поры характеризующимъ внутреннюю жизнь Турціи. А. Г.

Была ли она благодѣяніемъ для Турціи? Не знаемъ. Какъ бы ни было, она не замедлила быстро развиться, облюбовать въ коллекціи современныхъ утопій принципъ національностей и сдѣлать его предметомъ особаго изученія съ точки зрѣнія ислама. Она указала на солидарность и узы, порождаемыя въ народахъ общностью крови и вѣры и обезпечивающія, при объединеніи всѣхъ силъ, національное величіе и сохранность политическаго и церковнаго принципа. Почему рядомъ съ славизмомъ, германизмомъ и эллинизмомъ не занять мѣсто на солнышкѣ и исламизму? По численности въ имперіи онъ превосходитъ всѣ остальные. Постепенно увлекаясь, редакторы турецкихъ газетъ, по ихъ собственному признанію, незнавшіе до послѣдняго времени общаго числа мусульманъ на земномъ шарѣ, приняли и возвѣстили съ гордостью цифру въ 240 милліоновъ; число это больше дѣйствительнаго на 100 милліоновъ, но таковы уже были настроеніе и степень увлеченія. Что касается самой религіи, то, опираясь на хвалы и симпатію нѣкоторыхъ выдающихся писателей Франціи и Англіи, они давали понять, что съ очей ихъ спадала завѣса:—читатели турецкихъ газетъ нерѣдко находили въ нихъ угрозы какой-то отместки, какой-то борьбы на жизнь и смерть, какого-то сокрушительнаго задора по адресу христіанства со стороны ислама, объединеннаго и неумолимаго. Этотъ походъ усилился настолько, что нѣкоторые серьезные люди повѣрили существованію организаціи, уже дѣйствующей, на подобіе франмасонству, насчитывающему въ своихъ ложахъ изрядное число мусульманъ.

Думали, что шла подземная работа, направленная къ объединенію и сліянію правовѣрныхъ въ разныхъ частяхъ свѣта къ общему и одновременному возстанію противъ властителей.

Нашлись поэтому люди, которые прокричали «янгинъ варъ» (пожаръ!).

Достовѣрно то, что турки продолжали содержать многочисленныхъ эмиссаровъ въ странахъ ислама.

Этимъ объясняется готовность, съ которою мусульманскіе царьки Кокана, Кашгара, Бухары и Кабула посылали привѣтствія халифу, о существованіи котораго какъ будто не знали въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Отправляя къ нему спеціальныхъ пословъ, они ясно доказывали, что примыкали къ святой лигѣ. Во всякомъ случаѣ, для насъ нѣтъ сомнѣнія, что среди сыновъ пророка неожиданно пробудились патріотизмъ и приверженность къ вѣрѣ.

Такое расположеніе и такія чувства въ мусульманахъ Турціи, бредившихъ исламизмомъ, позволяли предвидѣть, что правовѣрные отнынѣ сбавятъ терпимости по отношенію къ христіанскому населенію или встанутъ къ нему въ недоброжелательныя отношенія.

Какая же степень отвѣтственности въ смутѣ и печальномъ положеніи имперіи выпадала на долю ея повелителя?

Въ послѣдніе годы своего царствованія султанъ Абдулъ-Азисъ не былъ популяренъ въ своемъ народѣ, и до нѣкоторой степени—заслуженно. Онъ пренебрегалъ обрядами религіи и даже по пятницамъ, за полдневной молитвой, не нагибался, не преклонялъ колѣнъ и не дѣлалъ всѣхъ требуемыхъ движеній головой и руками.

Въ извиненіе приводили тучность монарха, опасность прилива крови къ головѣ. Но это касалось однихъ правовѣрныхъ. Но какъ правовѣрные, такъ и гяуры (христіане) единодушно упрекали его въ расхищеніи казны и въ накопленіи въ подвалахъ громадныхъ, по народному представленію, запасовъ денежныхъ цѣнностей и драгоцѣнныхъ металловъ. Его упрекали, наконецъ, рядомъ съ ненасытной алчностью, въ безумныхъ расходахъ, которые онъ считалъ возможнымъ производить на украшеніе многочисленныхъ дворцовъ, на звѣринецъ, которымъ онъ лично занимался, на

всякаго рода вооруженія, на броненосные корабли, построенные въ Лондонѣ, на пушки, заказанныя въ Германіи, и на ружья всякихъ образцовъ, сотнями тысячъ закупаемыя въ Америкѣ и Бельгіи.

Вооруженія эти, признаваемыя тогда излишними, стоили громадныхъ денегъ, благодаря установленнымъ поставщиками цѣнамъ, и нанесли окончательный ударъ турецкимъ финансамъ.

По убѣжденію многихъ лицъ, страсть султана къ рѣдкимъ животнымъ всякихъ породъ была очевиднымъ доказательствомъ дѣйствительнаго безумія.

Непопулярность Абдулъ-Азиса такова, что о сдержанности въ отзывахъ о немъ не было и рѣчи. Мусульмане, менѣе христіанъ за себя опасавшіеся, не стѣснялись, при проѣздѣ султана, громко произносить на улицахъ, въ кофейняхъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ самые оскорбительные о немъ отзывы и посылать ему проклятія,—многозначительный признакъ недовольства, которое, очевидно, должно было прорваться при первомъ благопріятномъ случаѣ или даже при пустомъ предлогѣ.

Такой предлогъ скоро представился.

Къ концу лѣта 1875 года, назначеніе Махмудъ-Недима-паши великимъ визиремъ возбудило среди безъ того уже сильно раздраженныхъ мусульманъ всѣхъ классовъ волненіе, принявшее угрожающіе размѣры.

Султанъ, дѣйствительно, не могъ сдѣлать болѣе несчастнаго выбора. Слывя за человѣка, проданнаго Россіи, новый великій визирь имѣлъ за собою прошлое, не симпатичное для турокъ: своеволіе, съ которымъ онъ, за время прежняго бытія у дѣлъ, сокращалъ число чиновниковъ разныхъ министерствъ, ради облегченія бюджета.

Невѣжественный и недальновидный Махмудъ понималъ лишь коренныя и суровыя мѣры, ни мало не заботясь объ

ихъ послѣдствіяхъ. Честность его была болѣе чѣмъ сомнительна. Его обвиняли, между прочимъ, въ присвоеніи 100 тыс. турецкихъ фунтовъ, внесенныхъ «Оттоманскимъ Кредитомъ» въ счетъ сдѣланнаго государственнаго займа. Какъ бы то ни было, но ему слѣдуетъ отдать справедливость, что онъ былъ рѣдкой твердости характера и большой личной храбрости, которую проявлялъ неоднократно, пренебрегая народнымъ гнѣвомъ и между прочимъ, по случаю своего увольненія. Принявъ въ Портѣ посланнаго султана, которому поручено было отобрать у него государственную печать, Махмудъ, менѣе удивленный своею отставкою, чѣмъ раздраженный слабостью, проявленною султаномъ по отношенію къ мятежникамъ, быстро спустился во дворъ; здѣсь, увидѣвъ, что его карета еще не запряжена, онъ смѣло пошелъ пѣшкомъ, пройдя твердымъ шагомъ между шпалерами вооруженныхъ солдатъ, высокомѣрно оглядывая послѣднихъ и зная при этомъ, что его смѣстили по ихъ требованію и что они легко могли произвести надъ нимъ кровавую расправу.

Въ эпоху, когда приходилось постоянно усмирять бунты янычаръ, во времена Солимана I или Мурада IV, Махмудъ былъ бы, благодаря своимъ особымъ качествамъ, выдающимся государственнымъ человѣкомъ; но въ критическую пору, переживаемую Турціею въ эту минуту, назначеніе подобнаго министра не могло не вызвать катастрофы. Такъ и случилось.

Декретъ 6-го октября, — въ силу котораго отсрочивалась уплата половины процентовъ по государственному долгу, временно консолидированному ради того, чтобы отложить платежъ на пять лѣтъ,—изданный безъ обсужденія его въ совѣтѣ министровъ, безъ совѣщанія съ кредиторами, и въ невѣдѣніи о томъ, наступитъ ли вообще возможность выполнить новыя обязательства — декретъ этотъ въ конецъ раздражилъ общественное мнѣніе противъ монарха и его перваго совѣтника. Ошибку эту поспѣшили, конечно, приписать генералу Игнатьеву.

Кому же другому! Тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ ради установленія истины, что декретъ этотъ не только не былъ изданъ по совѣту генерала Игнатьева, но что послѣдній ничего не зналъ о подобномъ проектѣ. Дѣйствительно, на другой день послѣ обнародованія декрета, великій визирь отправился въ Буюкдере извиниться передъ русскимъ посломъ въ томъ, что онъ его предварительно не извѣстилъ; Махмудъ сослался на султана, распорядившагося безъ вѣдома своихъ министровъ. Но Махмудъ не былъ ни откровененъ, ни добросовѣстенъ. Если, дѣйствительно, совѣтъ министровъ спрошенъ не былъ, то, съ другой стороны, по приказанію султана, опасавшагося сопротивленія со стороны Англіи, къ одному именитому дипломату — представителю королевы Викторіи — обратились съ просьбою дать свое мнѣніе. И сэръ Генри Эллiотъ—фактъ нынѣ установленный—получивъ соотвѣтствующія приказанія графа Дерби, заявилъ Портѣ отъ имени своего правительства, что мѣра сама по себѣ чрезвычайно важна, но что Англія, вѣрная своимъ принципамъ и договорамъ, «ни въ какомъ случаѣ не вмѣшается въ вопросъ внутренняго управленія и въ отношенія султана къ его подданнымъ».

«Вопросъ внутренняго управленія», когда англичане были заинтересованы на 80 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ!

Англія не хотѣла вмѣшиваться въ «отношенія султана къ его подданнымъ», когда большинство займовъ было заключено въ Англіи, съ англійскими компаніями и капиталистами! Султанъ не безъ основанія опасался рекламацій этихъ капиталистовъ и вмѣшательства британскаго правительства, но графъ Дерби успокоилъ его величество и объявилъ, что англичане, ссужая свои деньги, подчинились декретамъ турецкаго правительства, не заботясь о заключенныхъ контрактахъ!

Очевидно, документы, относившіеся до этого дѣла, въ «Синюю книгу» не попали; въ эту знаменитую книгу вклю-

чаютъ лишь то, что съ руки министерству, и то послѣ тщательной переборки. Что удивительнаго въ томъ, что лондонскій кабинетъ не желалъ принять передъ публикою отвѣтственности за мѣру, причиняющую разореніе англійскихъ владѣльцевъ ренты и капиталистовъ! Онъ поэтому тщательно скрылъ документы, могущіе доказать его преступное потворство въ этомъ дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Диванѣ, сэръ Генри Эллiотъ не безъ озабоченности взиралъ на значеніе, которое онъ приписывалъ своему русскому коллегѣ, и близость отношеній великаго визиря къ генералу Игнатьеву все болѣе и болѣе омрачала представителя Англіи. Близость была несомнѣнна, и сердечное соглашеніе между русскимъ посломъ и Махмудъ-пашою пріобрѣло вскорѣ, въ глазахъ сэра Генри Эллiота, размѣры весьма важнаго обстоятельства. Когда, благодаря разоблаченіямъ враговъ Махмуда, Эллiотъ получилъ, какъ ему казалось, доказательства того, что великій визирь служилъ посредникомъ между султаномъ и генераломъ Игнатьевымъ, убѣждавшимъ Абдулъ-Азиса, въ выгодахъ русско-турецкаго союза и сердечнаго соглашенія между Россіей и Турціей, соглашенія, которое неминуемо подчинило бы послѣднюю первой, въ ущербъ интересамъ Запада, — представитель королевы Викторіи пришелъ въ сильное безпокойство. Вліяніе его страны столько же, сколько и его служебный кредитъ, не говоря уже о его личномъ тщеславіи, казались ему подорванными; явилось опасеніе, что въ недалекомъ будущемъ они потерпятъ окончательное крушеніе. Слѣдовало во что бы то ни стало положить предѣлъ фальшивому и невыносимому положенію англійской дипломатіи въ Турціи, а въ виду важности обстоятельствъ, не было времени думать о выборѣ средствъ. Эллiотъ показалъ себя, къ великому изумленію публики, выдающимся заговорщикомъ и любителемъ государственныхъ переворотовъ.

Недовольные изъ высшихъ сферъ были многочисленны и нетерпѣливы. Недовольство ихъ на султана и на Махмуда, безъ того уже значительное, возросло еще болѣе при мысли, что послѣдніе дѣйствуютъ въ согласіи съ Россіею. Такъ какъ посолъ Англіи искренно вѣрилъ въ существованіе такого соглашенія, то имъ не трудно было привлечь на свою сторону Элліота, который сталъ союзникомъ Мидхата-паши, Халиль-Шерифъ-паши, Ахмеда-паши и еще нѣсколькихъ другихъ, менѣе выдающихся личностей.

Вся зима 1875—1876 года прошла въ совѣщаніяхъ о томъ, какъ спасти имперію отъ губящихъ ее султана и его великаго визиря. Остановились на проектѣ конституціи, приспособленной къ политическому положенію страны, и редакцію поручили французскому адвокату Бардану (Bardant). Цѣлью было наложить узду на своеволіе султана, на его расточительность, на растрату имъ казенныхъ денегъ и, заодно, положить предѣлъ постояннымъ требованіямъ Россіи о введеніи реформъ. Реформаторы и не подозрѣвали, что эта конституція въ широкой мѣрѣ содѣйствовала тому, что Россія рѣшилась взяться за оружіе, несмотря на конференціи, протоколы и на согласіе кабинетовъ на всѣ ея, Россіи, взгляды, требованія и желанія.—Но вернемся къ разсказу.

Для осуществленія задуманнаго предпріятія необходимо было, за отсутствіемъ министерскаго почина, располагать народомъ или, по крайней мѣрѣ, какимъ-либо изъ его элементовъ. Оказалось не труднымъ заручиться содѣйствіемъ молодыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ софтовъ или учениковъ богословія, имѣвшихъ всегда претензію быть офиціальными органами народа и прирожденными защитниками вѣры. Рѣшили воспользоваться политическимъ и религіознымъ возбужденіемъ софтовъ, подговоривъ ихъ потребовать смѣщенія великаго визиря и великаго муфти—что́ было для вожаковъ движенія главною цѣлью.—Отъ себя они прибавили iupm desideratum—отозваніе генерала Игнатьева.

Манифестація эта, какою бы мирною она ни была, должна была быть исполненной людьми вооруженными, иначе она не имѣла бы должнаго значенія и не достигла бы цѣли. Въ нѣсколько дней, какъ по мановенію волшебника, у софтовъ оказалось оружіе всевозможное, старое и новое, всякихъ размѣровъ и формъ. Оружейники столицы и пригородовъ продали весь товаръ по баснословнымъ цѣнамъ молодымъ людямъ въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, которые всегда слыли за голяковъ, содержались на счетъ мечетей и ходили оборванцами.

Этотъ захватъ оружія, произведенный воинственными студентами, произвелъ въ Перѣ, въ Галатѣ и во всѣхъ кварталахъ, населенныхъ христіанами, полную панику. Сомнѣній не было: мусульмане готовились къ рѣзнѣ христіанъ. Объятые ужасомъ и опасающіеся быть захваченными врасплохъ, христіане кинулись къ оружейникамъ и разобрали по еще болѣе баснословнымъ цѣнамъ всякіе залежавшіеся остатки. По самому умѣренному исчисленію можно опредѣлить въ 15.000 число ружей и пистолетовъ, купленыхъ за эти дни паники. Но особенное удивленіе вызывало то обстоятельство, что въ рукахъ софтовъ было золото, и что они платили по 7, 8 и 10 фунтовъ стерлинговъ за револьверъ. Откуда же эти молодые оборванцы брали деньги, которыя оказывались въ ихъ карманахъ? Всеобщее любопытство было вскорѣ удовлетворено.

Съ нѣкотораго времени въ Константинополѣ проживалъ нѣкій англичанинъ, обнаруживавшій пылкія симпатіи къ Турціи и къ туркамъ. Онъ, естественно, весьма скоро завелъ многочисленныя знакомства среди выдающихся мусульманъ. Ахмедъ-Вефикъ-еффенди, сдѣлавшійся потомъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ, былъ въ то время однимъ изъ главарей партіи недовольныхъ. Онъ взялся обучить англичанина религіи и посвятить въ знаніе гражданскихъ и политическихъ учрежденій ислама. Монроэ-Бёттеръ-Джонстонъ, новопосвя-

щенный, не желалъ терять ни одной минуты въ дѣлѣ пріобщенія къ такимъ же чувствамъ своихъ соотечественниковъ; въ серіи писемъ, изданныхъ впослѣдствіи въ одной брошюрѣ, онъ дѣлаетъ сравненіе между Евангеліемъ и кораномъ, между христіанскою семьею и гаремомъ и между государственными учрежденіями главныхъ европейскихъ странъ и Турціи. Выводъ его заключается въ пожеланіи всякихъ благъ «славному мусульманскому племени».

Начало было прекрасное, и останавливаться на полпути не слѣдовало. Посвященный во всѣ проекты заговорщиковъ, онъ узналъ о совершенномъ недостаткѣ денежныхъ средствъ и, счастливый сознаніемъ, что принимаетъ участіе въ движеніи, имѣющемъ возродить этотъ достославный народъ, взялся достать необходимые на вооруженіе софтовъ фонды. Прежде всего онъ самъ внесъ на это доброе дѣло сумму въ 4.000 фунтовъ стерлинговъ, затѣмъ открылъ подписку въ Лондонѣ и въ Константинополѣ, что и дало нужныя деньги, поступавшія прямо въ карманъ счастливыхъ софтовъ.

Въ то время, какъ шли дѣятельныя подготовленія къ этой революціонной манифестаціи (начало апрѣля 1876 г.), консулы въ Салоникахъ настойчиво извѣщали пословъ въ Константинополѣ о признакахъ возрастающаго среди мѣстныхъ мусульманъ возбужденія противъ христіанъ и иностранцевъ. И тѣхъ и другихъ обвиняли въ разореніи страны, благодаря поглощенію большей части доходовъ казны уплатою процентовъ по ихъ ссудамъ. Имъ же приписывали нравственное паденіе страны, такъ какъ ихъ наущенія и совѣты клонились къ требованію такихъ реформъ, которыя безслѣдно уничтожили бы политико-церковныя учрежденія имперіи. Кромѣ того, эти консулы, вынуждаемые быть особенно бдительными, указывали на одно изъ обстоятельствъ, могущее дать поводъ къ кровавой расправѣ, а именно — на похищеніе богатымъ мусульманиномъ болгарской дѣвушки, родители которой собирались требовать ея возврата съ оружіемъ въ рукахъ.

Созваннымъ генераломъ Игнатьевымъ, старѣйшиною дипломатическаго корпуса, посламъ было тотчасъ же предложено обсудить форму, въ которой надлежало обратить вниманіе Порты на опасность, угрожавшую общественному спокойствію въ Салоникахъ, и пригласить ее дѣйствовать. На власти, которыя были о томъ предупреждены, возлагалась отвѣтственность за могущіе произойти безпорядки. Одинъ, изъ всѣхъ коллегъ, сэръ Генри Эллiотъ отказался присоединиться къ такому шагу: онъ сослался на то, что англійскій консулъ Блёнтъ сообщилъ ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, и что ходящіе по этому предмету слухи имѣютъ цѣлью лишь вызвать скандалъ и обезславить администрацію Порты. Послы ограничились тѣмъ, что оффиціозно обратились къ турецкому правительству, указавъ ему на необходимость принять мѣры предосторожности.

Нѣсколько дней спустя телеграфъ принесъ извѣстіе объ убіеніи французскаго и германскаго консуловъ. Старѣйшина дипломатическего корпуса снова созвалъ своихъ коллегъ, и старый баронъ Вертеръ, германскій посолъ, съ живостью, которой въ немъ доселѣ не подозрѣвали, обратился къ Эллiоту со словами: «ну, что, господинъ посолъ, полагаете вы теперь, что опасность, на которую мы указывали, была дѣйствительная?» Сэръ Генри Эллiотъ, сначала нѣсколько сконфуженный, не счелъ себя побѣжденнымъ и политики своей не измѣнилъ. Дѣйствительно, когда Порта учредила надъ виновными чрезвычайный судъ (съ участіемъ консуловъ), тотъ же Блёнтъ взялся за оффиціозную защиту обвиняемыхъ; онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы уменьшить строгость наказаній и кончилъ тѣмъ, что добился смягченія для главнаго виновнаго, Мехметъ-Рифаэтъ паши, который былъ приговоренъ лишь къ смѣщенію и къ временному заключенію. Чтобы дать нѣкоторое удовлетвореніе возмущенному обществу, повѣсили, вмѣстѣ съ двумя неграми гораздо менѣе

другихъ виновными, пять человѣкъ изъ числа приговоренныхъ къ вѣчной каторгѣ, и поплатившихся жизнью за преступленія, совершенныя лицами вліятельными. Послѣдніе находились подъ покровительствомъ мусульманскаго общества и англійскаго консула, хотя одна изъ жертвъ, германскій консулъ Абботъ, былъ великобританскимъ подданнымъ!

Въ Константинополѣ всѣ еще находились подъ впечатлѣніемъ этой кровавой драмы, когда въ одинъ изъ майскихъ дней 1876 г. софты, въ числѣ отъ 5 до 6 тысячъ, показались на главной улицѣ, ведущей отъ моря къ зданію Порты. Подъ ихъ лохмотьями видно было оружіе, умышленно плохо скрываемое. Вслѣдъ за тѣмъ они отправили своихъ делегатовъ, которымъ поручено было изложить ихъ желанія. На встрѣчу имъ поспѣшили выслать камергера. Требованія ихъ уже намъ извѣстны; они добавили лишь, что требуютъ, чтобы Мидхатъ-паша замѣстилъ Махмуда, а Хайрулла-эффенди былъ назначенъ шейхъ-уль-исламомъ. Камергеръ обѣщалъ передать ихъ желанія султану. По вопросу о высылкѣ русскаго посла камергеръ замѣтилъ, что это дѣло весьма щекотливое, что монархи сами назначаютъ своихъ представителей, и было бы осторожнѣе не настаивать, чтобы не вызвать международныхъ осложненій. Софты великодушно съ этимъ согласились и отказались отъ означеннаго desideratum'а.

Съ своей стороны султанъ, изъ осторожности ли, или по слабости, не счелъ нужнымъ противодѣйствовать мятежу и пошелъ на сдѣлку. Дѣйствительно, уже на другой день онъ издалъ указъ о смѣщеніи Махмуда-паши и назначеніи на его мѣсто Мехмеда-Рушди, вмѣсто Мидхата, котораго требовали мятежники; но онъ дѣлалъ имъ уступку, назначивъ Хайрулла-эффенди на должность шейхъ-уль-ислама.

По какимъ причинамъ Абдулъ-Азисъ пошелъ на сдѣлку? Не зная ихъ, трудно оцѣнить принятое имъ рѣшеніе. Но намъ извѣстно, что онъ быстро созналъ всю важность

манифестаціи и значеніе вырванной у него съ оружіемъ въ рукахъ уступки; утверждаютъ, что онъ съ совершенною ясностью усмотрѣлъ всѣ послѣдствія своего положенія.

Выросшій, какъ всѣ прочіе мусульманскіе принцы, внутри гарема, въ средѣ женщинъ и евнуховъ, Абдулъ-Азисъ тѣмъ не менѣе невѣждою не былъ. Знакомый съ литературою Востока, онъ слылъ, по изяществу слога, за лучшаго редактора въ офиціальной сферѣ. Кромѣ того, онъ былъ богато одаренъ тѣмъ царственнымъ здравымъ смысломъ, который во многихъ случаяхъ предпочтительнѣе блеску ума и даетъ возможность угадывать то, чего не знаешь. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ немъ было глубокое чувство личнаго достоинства, какъ человѣка и какъ монарха, чему отдавали справедливость даже мало расположенные къ нему дипломаты. Тѣмъ же, которые обвиняли его въ недостаткѣ патріотизма, приходится нынѣ молчать, при видѣ того почтеннаго сопротивленія, которое Турція оказала русскимъ войскамъ, благодаря, главнымъ образомъ, громаднымъ запасамъ всякаго оружія, накопленнымъ султаномъ за пятнадцать лѣтъ царствованія путемъ значительныхъ расходовъ. Вѣрно то, что онъ постоянно помышлялъ о доставленіи странѣ возможности самой защищаться, на случай, если бы, при нападеніи одного изъ сосѣдей ея, союзники ее покинули.

Но у всякаго смертнаго—свои недостатки. Алчность Абдулъ-Азиса доходила до безумія и затмевала его качества. По его низложеніи, въ его бумагахъ нашли чекъ на 2 милліона піастровъ, подписанный англійскими финансистами, которымъ была поручена конверсія государственнаго долга. Тѣмъ не менѣе предполагаемыхъ сокровищъ, число которыхъ въ представленіи толпы доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, вовсе не оказалось. Вмѣсто 50 милліоновъ турецкихъ фунтовъ (около 450 милл. рублей), которые думали найти въ подвалахъ сераля, нашли лишь 80 тысячъ фунтовъ зо-

лотомъ и 7 милліоновъ бумагами государственнаго долга, приблизительной цѣнности въ 2 милліона фунтовъ. Обстоятельство это, конечно, грѣха не умаляетъ, въ особенности, если вспомнить, что это накопленіе. цѣнностей производилось всемогущимъ главою государства и притомъ за время безденежья въ казнѣ.

Понятно, что Абдулъ-Азисъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ значеніи мятежа софтовъ. Его личной власти, до сей поры абсолютной, нанесенъ былъ тяжелый ударъ, и бунтъ породилъ новую власть, съ которою отнынѣ приходилось считаться. Легко догадаться, что султанъ испыталъ рѣзкое чувство злобы и имѣлъ, какъ говорятъ, неосторожность неоднократно упоминать, что, какъ. отецъ его, который уничтожилъ янычаръ, и онъ порѣшитъ съ безпокойными софтами, собирающимися похитить часть верховной власти. Рѣчи эти, истолковываемыя и видоизмѣняемыя, смотря по степени страстности недовольныхъ, внесли безпокойство въ ряды заговорщиковъ. Задавали себѣ вопросы, на кого разсчитываетъ султанъ, если онъ дѣйствительно думаетъ привести въ исполненіе предпринятое имъ дѣло. Полагали, что за него не окажется ни армія, ни народъ; и на кого, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать для уничтоженія столь чтимаго сословія законниковъ, прирожденныхъ защитниковъ вѣры? Тѣмъ не менѣе рѣшительный характеръ султана и цѣна, которую онъ придавалъ неприкосновенности своей власти, въ данное время порядочно поколебленной, укрѣпляли слухъ, который распространялся все болѣе и болѣе. Министерство заволновалось и вскорѣ, какъ великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша, такъ и Хайрулла-эффенди перешли на сторону заговорщиковъ. Имъ не трудно было привлечь и главныхъ должностныхъ лицъ сераля. Съ этой минуты султанъ очутился окруженнымъ шпіонами и доносчиками, каковыми стали всѣ тѣ, кто къ нему былъ близокъ и на кого онъ, какъ ему казалось, могъ разсчитывать.

Пока министерство пыталось выяснить истинныя намѣренія султана относительно софтовъ, по столицѣ султана распространились слова, приписываемыя на этотъ разъ русскому послу и довѣрительно сказанныя, какъ говорили, проживавшему еще въ столицѣ Махмуду-пашѣ. Генералъ Игнатьевъ будто бы сказалъ бывшему великому визирю, что если только султанъ пожелаетъ упрочить свою власть и избавиться отъ мятежныхъ студентовъ-богослововъ, императоръ Александръ будетъ радъ предоставить для этой цѣли въ его распоряженіе 40.000 солдатъ.

Въ словахъ этихъ нашли полную разгадку: султанъ, для истребленія своихъ законовѣдовъ, разсчитывалъ на Россію. Полагали, что русскій царь охотно займется полицейскимъ надзоромъ у своего сосѣда, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить за собою преобладающее вліяніе на Востокѣ.

Вскорѣ о соглашеніи Абдулъ-Азиса съ Россіею стали говорить съ такою положительностью, что общественные толки превратились въ увѣренность. Опасность показалась неминуемою, и сочли долгомъ придти къ какому-либо рѣшенію, не теряя времени.

Въ числѣ признаковъ, наиболѣе существенныхъ и важныхъ въ глазахъ вожаковъ государственнаго переворота, признаковъ, имѣвшихъ значеніе самыхъ блестящихъ доказательствъ, было сооруженіе дороги въ Азію, между Бейкосомъ [1] и Ривою, предназначаемой для перевозки русскихъ войскъ къ Босфору. На дѣлѣ, дорога эта уже два года какъ строилась на счетъ Абраамъ-паши, агента египетскаго вице-короля. Она должна была соединить пріобрѣтенныя имъ въ этой мѣстности имѣнія. И вотъ въ чемъ заключалось наиболѣе вѣское доказательство приписываемаго султану проекта при-

[1] Мѣстечко противъ Буюкдере, по ту сторону Босфора. А. Г.

бѣгнуть къ оккупаціи страны русскими войсками. По этому можно судить, каковы были другія доказательства.

Какъ бы то ни было, но опасность казалась неминуемою, и съ этой минуты сверженіе Абдулъ-Азиса было рѣшено, ради спасенія государства, расшатаннаго, благодаря личной алчности монарха и произведеннымъ имъ безумнымъ расходамъ на постройки и вооруженія. Неужели мыслимо было допустить его нанести послѣдній ударъ имперіи призывомъ чужеземца для укрѣпленія поколебленной своей власти?

Сэръ Генри Элліотъ, не желая навлекать на себя упрека въ томъ, что не устранилъ своевременно опасности, по телеграфу просилъ свое правительство прислать флотъ въ Безикскую бухту, близъ Дарданеллъ. Онъ увѣрилъ, что предстоитъ занятіе Босфора русскими войсками и что было необходимо не дать себя захватить врасплохъ. Англійскій кабинетъ повѣрилъ на слово своему послу, и флотъ, собранный сначала въ Пиреѣ, съ двойнымъ экипажемъ на каждомъ суднѣ для того, чтобы выставить, въ случаѣ нужды, турецкіе броненосцы, прибылъ въ Безикскую бухту.

Но, одновременно съ этимъ, графъ Дерби потребовалъ отъ Элліота доказательствъ предполагаемаго занятія русскими турецкой территоріи, въ виду необходимости оправдать передъ парламентомъ появленіе англійскихъ морскихъ силъ у входа въ Дарданеллы.

На этотъ разъ посолъ королевы Викторіи оказался въ большомъ затрудненіи. Въ подтвержденіе ожидавшейся оккупаціи не оказывалось никакого документа, и онъ не имѣлъ возможности привести никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ смутныхъ толковъ, не имѣвшихъ въ глазахъ людей серьезныхъ никакого значенія. Онъ обратился, тѣмъ не менѣе, къ Халиль-Шерифу-пашѣ, который первый увѣрилъ, что проектъ соглашенія существуетъ. Чтобы вывести изъ затрудненія даромъ попавшагося въ просакъ британскаго дипло-

мата, паша взялся за составленіе меморіи о секретныхъ переговорахъ султана съ генераломъ Игнатьевымъ.

Но представленная меморія показалась графу Дерби столь пустою, что отправленіе флота къ Безику онъ объяснилъ парламенту какъ мѣру предосторожности, имѣющую цѣлью оградить соплеменниковъ отъ насилій, которымъ они могли подвергнуться со стороны фанатически возбужденныхъ мусульманъ. Дѣйствительно, во время паники, когда софты скупали все наличное оружіе, англійская колонія въ Константинополѣ просила прислать военныя суда для оказанія ей дѣйствительнаго покровительства. Любопытно, что Эллiотъ отвѣтилъ тогда своимъ соотечественникамъ самыми успокоительными увѣреніями относительно настроенія мусульманъ и не обязался вызывать броненоснаго флота для охраны колоніи.

Нужно ли говорить, что не въ «Синей книгѣ», а въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдуетъ искать документы, относящіеся до этой странной мистификаціи. Какъ бы то ни было, но, принявъ въ принципѣ рѣшеніе свергнуть султана съ престола, министры сочли нужнымъ поспѣшить исполненіемъ затѣяннаго ими дѣла, вслѣдствіе необычнаго положенія, принятаго монархомъ. Дѣйствительно, на аудіенціи, на которую они были созваны (15) мая), министры заподозрили, что Абдулъ-Азисъ узналъ о заговорѣ, направленномъ или противъ него самого, или противъ его власти. Въ этотъ день султанъ, болѣе озабоченный, чѣмъ обыкновенно, положеніемъ имперіи, проявилъ чрезвычайное недовольство своими совѣтниками и безъ удержу порицалъ всѣ ихъ распоряженія. Взоръ его былъ гнѣвенъ; голосъ, движенія,—все выдавало столь сильное волненіе, что министры, по словамъ одного изъ нихъ, опасались быть тутъ же арестованными.

Выйдя изъ сераля, они вздохнули свободно, довольные тѣмъ, что очутились на волѣ; но, подозрѣвая измѣну, они

рѣшили, что терять времени нельзя, что они зашли слишкомъ далеко, чтобы отступать или колебаться въ нанесеніи рѣшительнаго удара.

Легко понять, что въ такую минуту они очень мало помышляли о спасеніи государства; соображенія личнаго свойства внушили имъ необходимую твердость идти далѣе по намѣченному пути.

Тѣмъ не менѣе надо было предусмотрѣть всякія случайности и, чтобы оградить себя отъ нихъ, необходимо было заручиться содѣйствіемъ войска. Потому ли, что въ казармахъ Стамбула и Перы не было достаточно солдатъ, или, что офицеры ихъ не внушали довѣрія—военный министръ, Гуссейнъ-Авни паша, потребовалъ нѣсколько полковъ изъ казармы Селиміэ, находившейся близъ Скутари, на азіатскомъ берегу. Полки эти, на нѣсколькихъ баркахъ, должны были переправиться черезъ Босфоръ лишь съ наступленіемъ темноты; но, по ошибкѣ, барки тронулись въ путь ранѣе назначеннаго времени. Султанъ увидѣлъ ихъ изъ окна своего дворца и, не зная причины такого перемѣщенія скутарскаго гарнизона безъ его разрѣшенія, послалъ за военнымъ министромъ. Гуссейнъ-Авни, какъ не трудно догадаться, не рѣшился явиться: онъ отговорился внезапнымъ нездоровьемъ. На другой день (17 мая) два посланца изъ дворца, отправленные за министромъ, принесли Абдулъ-Азису новыя извиненія: сераскиръ ссылался на этотъ разъ на горячее дѣло, которое шло въ данную минуту въ Герцеговинѣ, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ, выражалъ надежду, что мятежники будутъ окончательно раздавлены, и заявилъ, что явится къ его величеству за приказаніями, лишь только получитъ возможность донести объ успѣхѣ дѣлъ. Очевидно, онъ этого не сдѣлалъ и, съ наступленіемъ ночи, министръ занялся совсѣмъ инымъ дѣломъ.

Уполномоченный своими коллегами единолично принять мѣры къ обезпеченію успѣха задуманнаго предпріятія, Гуссейнъ-Авни провелъ день въ размѣщеніи войскъ, смотря по тѣмъ чувствамъ, которыя онъ предполагалъ въ тѣхъ или другихъ начальникахъ частей, никому, впрочемъ, ничего не повѣряя, даже и тѣмъ, которые внушали ему наибольшее довѣріе. Только одинъ Сулейманъ-паша, отличившійся въ послѣднюю войну, а тогда директоръ военной школы въ Перѣ,—былъ посвященъ въ тайну министровъ. Ему поручили занять съ учениками (около тысячи человѣкъ) холмъ, господствующій надъ дворцомъ Долма-Бахче, съ котораго нѣсколько орудій могли бы, въ случаѣ сопротивленія, обстрѣливать дворецъ и защищающія его войска. Съ противоположной стороны, вдоль набережной, барки, нагруженныя солдатами, пополняли военную обстановку дѣла. Разсчитывали навести ужасъ на султана и его окружающихъ, сдѣлать напрасною всякую попытку его обратиться къ преданности войска и тѣмъ избѣгнуть кроваваго столкновенія.

Собравшіеся къ вечеру въ сераскеріатѣ [1], одна изъ комнатъ котораго была обращена въ тронный залъ, министры принялись за обсужденіе способа исполненія опаснаго предпріятія. Условившись о ходѣ дѣла, они поручили Гуссейну-Авни взять въ свою карету принца Мурада и привезти его въ военное министерство. Благодаря своимъ сношеніямъ съ лицами близкими султану, онъ могъ пройти въ комнаты принца, который, удивленный и взволнованный, не рѣшался ѣхать въ сераскеріатъ; но послѣ увѣреній Гуссейна въ дѣйствительности всѣхъ мѣръ, принятыхъ для воспрепятствованія всякому сопротивленію со стороны Абдулъ-Азиса, Мурадъ подчинился просьбамъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сѣлъ въ карету. Принцъ смутился еще болѣе, когда не нашелъ у

[1] Зданіе военнаго министерства. А. Г.

дворцовой пристани Долма-Бахче парадной лодки, которая должна была, какъ того требовалъ обычай, отвезти его къ пристани Сиркеджи [1]. Разыгравшаяся буря въ конецъ разстроила Мурада; дождь шелъ ливнемъ, раскаты грома не прекращались, молнія крестила во всѣхъ направленіяхъ, и морскія волны съ бѣшенствомъ разбивались о молъ, на который вступилъ Мурадъ по выходѣ изъ кареты. Вскорѣ, промокшій до костей, въ безумномъ страхѣ при мысли, что его дядя, увѣдомленный объ его отъѣздѣ изъ сераля, можетъ обращеніемъ къ войску разрушить планы заговорщиковъ, принцъ, думая, что онъ попалъ въ западню, и чувствуя, такъ сказать, что голова уже не держится на плечахъ, пришелъ въ неописуемое волненіе. Онъ бросился къ ногамъ Гуссейна и съ рыданіями воскликнулъ: «что я вамъ сдѣлалъ, чтобы вы желали меня погубить!».

Страшныя волненія этой ужасной ночи повліяли, конечно, въ сильной степени на то печальное умственное состояніе, въ которое впалъ принцъ и которое, три мѣсяца спустя, сдѣлало необходимымъ его низложеніе.

Наконецъ, запоздавшія лодки появились, и принцъ, въ сопровожденіи Гуссейна и его сообщниковъ, отправился въ сераскеріатъ на готовившееся торжество. Немедленно прочтена была фетва (рѣшеніе, отданное шейхъ-уль-исламомъ), объявлявшая согласнымъ съ закономъ и своевременнымъ низложеніе султана Абдулъ-Азиса; затѣмъ Мурадъ былъ привѣтствованъ министрами, шейхъ-уль-исламомъ, главными улемами, военночальниками и гражданскими чиновниками; послѣднихъ спѣшно вызвали и допустили къ цѣлованію ноги.

Исполнена была лишь меньшая и наиболѣе легкая часть дѣла; предстояло объявить Абдулъ-Азису, что онъ пересталъ царствовать, и захватить его такъ, чтобы онъ не имѣлъ воз-

[1] На противоположной сторонѣ Золотаго Рога въ Стамбулѣ. А. Г.

можности обратиться къ солдатамъ въ расчетѣ на ихъ преданность. Эту тяжелую задачу возложили на одного храмого генерала, бывшаго губернатора провинціи, Редифа-пашу, о которомъ говорили, что онъ способенъ на все. Въ Сиріи этотъ человѣкъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ приглашенныхъ имъ на пиръ примиренія главарей возмутившихся арабовъ. Разсчитывали, что онъ, ради достиженія цѣли, не остановится ни передъ какимъ средствомъ.

Лишь только Редифъ оставилъ сераскеріатъ, какъ министры, съ своей стороны, пододвинулись къ мѣсту дѣйствія; одни отправились къ Халиль-Шерифу-пашѣ въ Фундукли [1], другіе укрылись въ мечети Валиде, на углу дворцовой площади. Между тѣмъ Редифъ,—потому ли, что не получилъ приказанія лично явиться къ Абдулъ-Азису, чтобы сдѣлать ему опасное заявленіе объ его низложеніи, или потому, что у него не хватило мужества—обратился къ одному караульному офицеру, который часто бывалъ дежурнымъ и хорошо зналъ всѣхъ обитателей сераля. Офицеръ заявилъ, что онъ проберется къ начальнику евнуховъ, единственному лицу, имѣвшему доступъ въ императорскій гаремъ. Надлежало объявить Абдулъ-Азису, что «въ силу султанскаго ирадэ онъ долженъ былъ немедля оставить резиденцію Долма-Бахче и отправиться со всѣмъ семействомъ во дворецъ Топъ-капу». Офицеръ встрѣтилъ внутри дворца лишь одного часоваго, который, вѣрный приказу, отказалъ ему въ пропускѣ; но офицеру удалось сдѣлать обходъ и, пройдя черезъ другую дверь, добраться до хранителя ключей гарема. Кызларъ-ага [2], выслушавъ сообщеніе, сначала разсмѣялся тѣмъ безсмысленнымъ смѣхомъ, на который способны евнухи; но затѣмъ, подойдя къ окну, онъ понялъ всю важность обстоя-

[1] Предмѣстье Константинополя, ближайшее къ Долма-Бахче, на берегу Босфора. А. Г.

[2] Въ буквальномъ переводѣ—староста дѣвушекъ. А. Г.

тельствъ при видѣ войскъ, окружившихъ дворецъ. Онъ отправился къ султаншѣ Валиде. Растерявшаяся, объятая ужасомъ, несчастная женщина начала кричать и въ сопровожденіи толпы служанокъ, потрясавшихъ воздухъ неистовыми воплями, побѣжала къ своему сыну, несчастному Абдулъ-Азису, вчера еще всемогущему падишаху! Бывшій султанъ спалъ. Приказаніе оставить дворецъ вызвало въ немъ взрывъ гнѣва. Но въ виду указаній окружавшихъ его домашнихъ на послѣдствія сопротивленія и оглушенный раздавшимися вокругъ него криками и стенаніями, онъ уступилъ слезамъ и просьбамъ матери. Эта бѣдная женщина, желая спасти ему жизнь, тащила его, полу-одѣтаго, къ лѣстницѣ. При такомъ безпорядкѣ и смятеніи Редифъ торопилъ его отъѣздомъ. Султанъ дважды спрашивалъ Редифа, посягаютъ ли на его жизнь, и, получивъ самыя успокоительныя завѣренія, Абдулъ-Азисъ отказался сопротивляться и пошелъ вслѣдъ за матерью къ ожидавшему его каику.

Лишь только халифъ, повелитель князей и царствъ, — нынѣ простой эффенди—оставилъ императорскую резиденцію Далма-Бахче, новый султанъ поспѣшилъ отправиться туда въ сопровожденіи многочисленной свиты, при оглушительныхъ и непрекращавшихся артиллерійскихъ залпахъ, громъ которыхъ усиливало эхо Босфора. Населеніе столицы извѣщалось о великомъ событіи, совершившимся ночью, — о вступленіи на престолъ султана Мурада V.

По низложеніи Абдулъ-Азиса пришли къ увѣрености, что спасеніе имперіи отнынѣ обезпечено. «Предатель», т. е. султанъ, исчезъ, благодаря ловко исполненному государственному перевороту, «честь» въ выполненіи котораго выпала главнымъ образомъ на долю англійскаго посла. Онъ былъ душою всего заговора, геніемъ—добрымъ или злымъ, мы не знаемъ. Онъ руководилъ совѣщаніями, онъ расточалъ совѣты и деньги, элементъ необходимый для каждаго людскаго предпріятія, бо-

лѣе необходимый, быть можетъ, для успѣха преступленія, нежели великодушіе. Устремясь на этотъ путь, сэръ Генри Элліотъ все предусмотрѣлъ, все сообразилъ и все подготовилъ съ пыломъ подобнымъ тому, который родственникъ его, лордъ Минто [1]), примѣнилъ, содѣйствуя нѣкогда созданію шестой великой державы, предназначенной вскорѣ оспаривать у Англіи морское первенство въ Средиземномъ морѣ и въ Адріатикѣ. Сэръ Генри не могъ, поэтому, не принять дѣятельнаго участія и въ низложеніи Абдулъ-Азиса. Султанъ имѣлъ однако довѣріе къ послу, который всегда упорно уклонялся отъ высказыванія жесткихъ истинъ. Это не помѣшало Элліоту съ легкимъ сердцемъ свергнуть монарха съ престола въ искреннемъ, конечно, убѣжденіи (совершенно, впрочемъ, ошибочномъ), что онъ освобождаетъ имперію отъ главы, который велъ ее къ гибели. Онъ гордился даже тѣмъ, что заодно подкопался подъ русское вліяніе, устранивъ соумышленниковъ такого вліянія, великаго визиря, а затѣмъ и самого султана.

Въ ночь съ 17-го на 18-е мая, желая быть поближе къ театру дѣйствій, сэръ Генри отправился на дачу одного изъ министровъ, куда особые посланцы, привозимые на шлюпкахъ британскаго станціонера «Антилопа», являлись съ донесеніями о ходѣ дѣла на всѣхъ пунктахъ, гдѣ оно было начато. Англійскій посолъ возвратился въ свою резиденцію лишь послѣ провозглашенія новаго султана военно-начальниками и высшими гражданскими чинами. Послѣдній посланецъ привезъ ему извѣстіе, что бывшій султанъ заключенъ во дворецъ Топъ-капу.

Надо сознаться, что въ столицѣ и въ провинціи внезапное низложеніе султана произвело лишь пріятное удивленіе, такъ много было недовольныхъ Абдулъ-Азисомъ. Его обви-

[1]) Жильбертъ Эллiотъ Минто, извѣстный англійскій дипломатъ и первый лордъ адмиралтейства, умеръ въ 1859 г. А. Г.

няли рѣшительно во всемъ, но осужденіе его оказалось безповоротнымъ, когда узнали о позорномъ оставленіи имъ престола, объ отсутствіи сопротивленія приказаніямъ того, на кого онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на похитителя, и о небываломъ оставленіи его всѣми его друзьями: ни одна рука не поднялась въ его защиту! Даже войско, которому онъ посвятилъ все свое попеченіе, которое онъ одѣвалъ съ роскошью, кормилъ обильно и помѣщалъ въ великолѣпныхъ казармахъ, которому всячески угождалъ,—это войско было обмануто и стало противъ него.

Его увѣрили, что оно охраняетъ личность султана отъ посягавшихъ на его жизнь софтовъ. Ни генералы, ни солдаты ничего не знали о заговорѣ. Имъ не довѣряли настолько, что первымъ дѣйствіемъ Сулеймана-паши въ ночь съ 17-го на 18-е мая было арестованіе и заключеніе въ тюрьму какъ полковника, командующаго дворцовымъ карауломъ, такъ и еще нѣкоторыхъ офицеровъ гвардейскаго полка.

Низложеніе и послѣдовавшая за нимъ вскорѣ трагическая смерть Абдула-Азиса и рѣзня министровъ увеличили въ политическихъ и официальныхъ кружкахъ чувство ужаса, возбужденное уже кровавыми сценами, происшедшими въ Салоникахъ. Опасеніе за спокойствіе внутри имперіи губительно повліяло на нравственный и политическій кредитъ Турціи. Восточный вопросъ, казалось, обострился до крайности, и самые горячіе защитники неприкосновенности и независимости Турецкой имперіи усумнились въ возможности долѣе защищать этотъ общій политическій догматъ противъ враждебныхъ ему элементовъ, выступавшихъ все чаще и все очевиднѣе.

Въ Петербургѣ впечатлѣніе это было сильнѣе, чѣмъ въ другихъ столицахъ великихъ державъ, и «больной»[1]) вре-

[1] Такъ называлъ Турцію императоръ Николай.

менъ императора Николая представлялся нынѣ лежащимъ въ предсмертной агоніи.

Возникшія вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ еще болѣе трагическія и кровавыя событія, театромъ которыхъ сдѣлалась Болгарія, содѣйствовали тому, что Турція утратила симпатіи значительнаго числа своихъ самыхъ горячихъ защитниковъ. Событія эти привели ее къ войнѣ съ ея могущественнымъ сосѣдомъ и, хотя дали ей возможность пожать немного лавровъ на поляхъ битвъ, но турки пользы отъ того для своей страны не извлекли.

Мы желали бы закончить эту главу нѣкоторыми вопросами, которые, быть можетъ, пригодятся для философіи исторіи.

Болгарская война съ ея неисчислимыми бѣдствіями для Оттоманской имперіи не была ли бы отвращена, если бы продолжалъ царствовать Абдулъ-Азисъ? Допуская, что султанъ былъ дѣйствительно расположенъ къ Россіи, нельзя сомнѣваться, что отвѣтъ былъ бы утвердительный. Нравственное подданство султана русскому царю можетъ ли имѣть для Турціи послѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя ей угрожаютъ, несмотря на геройство ея войскъ? Для нея — это вопросъ существованія, такъ какъ больше нельзя уже допускать, что она выйдетъ невредимою изъ борьбы; въ такомъ случаѣ мы не видимъ, чтобы зло было предотвращено низложеніемъ монарха опытнаго и осторожнаго, и чтобы замѣна его двумя другими, очевидно менѣе опытными, а, быть можетъ, и менѣе осторожными, послужила, какъ разсчитывали, лишь на благо. Вотъ какимъ образомъ людская мудрость бываетъ сбита съ толку обстоятельствами; вотъ какимъ образомъ самые глубокіе расчеты, самыя искусныя соображенія и усилія государственныхъ людей разбиваются въ прахъ ближайшими послѣдствіями ихъ дѣяній, отъ которыхъ они ожидаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Въ политикѣ гораздо легче желать блага, нежели обрѣсти

истинный путь для его достиженія. Хотѣли спасти Оттоманскую имперію и погубили ее. Для низложенія султана допускаютъ мятежъ, разрушаютъ обаяніе власти, погружаютъ страну въ волненія и порождаютъ борьбу изъ-за династіи. Чтобы положить предѣлъ постояннымъ жалобамъ и представленіямъ Россіи, вводятъ «административныя реформы», обнародываютъ конституцію, очевидно не угодную державѣ, которой хотятъ дать удовлетвореніе въ ея попеченіяхъ о судьбѣ христіанъ Востока. Все это привело и не могло не привести къ войнѣ. Войну эту искренно хотѣли предотвратить, всѣми средствами пытались помѣшать ей. Напрасныя усилія! Поводомъ къ войнѣ послужило все то, что сдѣлали, чтобы ея избѣгнуть. Самая гарантія неприкосновенности и независимости Оттоманской имперіи, включенная въ условія Парижскаго трактата, имѣла значеніе лишь до той поры, пока подписавшія трактатъ державы не нашли удобнымъ долѣе ее соблюдать.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ политики нерѣдко прибѣгаютъ къ самымъ безчестнымъ средствамъ съ величайшею непринужденностью. Добрыя намѣренія остаются, правда; но какой въ нихъ прокъ?

II.

Звѣрства въ Болгаріи. — Война Сербіи и Черногоріи.— Константинопольская конференція и конституція.—Руско-Турецкая война.

Длинный періодъ волненій, началомъ которыхъ были изложенныя нами событія, долженъ былъ закончиться войною между двумя сосѣдними государствами. Послѣ манифестаціи софтовъ и низложенія султана наступило нѣкоторое затишье. Но вскорѣ тревожные слухи о возстаніи въ Болгаріи снова

возбудили безпокойство публики. То подтверждаемые, то опровергаемые, эти слухи распространялись и упрочивались, но Порта отвергала ихъ по недостатку (!) свѣдѣній и въ надеждѣ втихомолку усмирить возстаніе. Наконецъ, донесенія адріанопольскихъ и софійскихъ консуловъ посламъ великихъ державъ не оставили больше мѣста сомнѣнію.

Мы подходимъ теперь къ печальной страницѣ исторіи Востока и, не вдаваясь въ подробности этой драмы, напоминающей ужасы религіозныхъ войнъ, мы ограничимся группировкой фактовъ такимъ образомъ, чтобы выяснить участіе, принятое въ ней официальными или тайными органами двухъ державъ, политику которыхъ мы разсматриваемъ.

Въ первыхъ числахъ мая жители селенія Отлу-Кёй, расположеннаго у подножія Балканъ, по наущенію пришлыхъ подстрекателей и подъ угрозою, въ случаѣ отказа, поджоговъ и грабежей ихъ имущества, — умертвили мѣстныя власти и нѣсколькихъ мусульманъ изъ окрестностей и затѣмъ, запасшись доставленнымъ этими подстрекателями оружіемъ, удалились въ сосѣднія горы. Этотъ бунтъ не замедлилъ распространиться, и вскорѣ мятежники могли удачно бороться съ турецкими властями.

Событіе было очень важно и имѣло особое значеніе для Турціи, въ виду ея положенія въ ту пору. Дѣйствительно, Герцоговина болѣе года съ успѣхомъ отражала всѣ усилія турецкихъ войскъ. Сербія, съ своей стороны, тоже волновалась и ей приписывали воинственные замыслы противъ ея падишаха. Среди этихъ обстоятельствъ возстаніе въ Болгаріи должно было поставить Порту въ тѣмъ большее критическое положеніе, что она уже въ то время считалась безсильной усмирить горсть непокорныхъ герцеговинцевъ. Неужели же ей вступать въ сдѣлку съ возстаніемъ, подкрѣпляемымъ недовольными изъ всѣхъ провинцій имперіи? Было весьма вѣроятно,—а сами турки были въ томъ вполнѣ увѣрены,—что

болгары, сербы, босняки и герцоговинцы, связанные столь многочисленными племенными и религіозными узами, являлись лишь покорнымъ орудіемъ иностраннаго вліянія, дѣятельнаго и могущественнаго.

Среди такихъ обстоятельствъ Порта имѣла бы полное право дѣйствовать со всею, требуемою въ подобныхъ случаяхъ, энергіею, чтобы подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ. Но была ли она права, когда, вмѣсто правильнаго и болѣе или менѣе законнаго подавленія, выпустила на всѣхъ, на виновныхъ и невинныхъ, на женщинъ и дѣтей, разнузданныя и дикія орды черкесовъ и баши-бузуковъ, находившихся по близости и воспользовавшихся случаемъ, чтобы на христіанскомъ населеніи удовлетворить свои гнусные инстинкты. Въ короткое время эти шайки предали огню и мечу богатѣйшую провинцію имперіи.

По поводу болгарскихъ звѣрствъ много писали, много спорили, многое утверждали и многое опровергали; газетные репортеры, офиціальныя комиссіи, разоблаченія съ самыхъ различныхъ сторонъ,—все способствовало затемнѣнію вопроса о происхожденіи и причинахъ возстанія, о числѣ жертвъ, о пространствѣ и свойствѣ варварскаго его усмиренія. Мы уже сказали то, что знаемъ и думаемъ о виновникахъ столь мало самостоятельнаго возстанія. Но мы не можемъ установить ни числа жертвъ, ни подробностей этой ужасной бойни. Всякое исправленіе, хотя бы основанное на самыхъ точныхъ данныхъ, не могло бы ни усилить, ни умалить ужаса, охватившаго общество во всѣхъ концахъ земли. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, доходило ли число людскихъ жертвъ, перебитыхъ разбойниками, до 12.000, согласно англійской версіи, или до 45.000, согласно увѣреніямъ славянофиловъ? И 12.000 слишкомъ много. Что въ томъ, что въ сожженныхъ черкесами школахъ было столько-то дѣтей обоего пола, погибшихъ въ пламени? Что двѣ или болѣе церквей были набиты тру-

пами? Что число разлагавшихся труповъ, покрывавшихъ, подобно желатину (картинное выраженіе очевидца изъ свиты г. Бэринга) сожженное селеніе Батакъ, доходило до 2.000 или 3.000? Развѣ все это не ужасно? Поэтому цифры не могутъ служить обстоятельствомъ ни отягощающимъ, ни умаляющимъ вину творившихъ эти звѣрства.

Никто не отрицаетъ, что звѣрства были вызваны возстаніемъ мятежниковъ. Но, несмотря на этотъ вызовъ, сама Порта, извлекая въ то же время изъ него выгоду, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ постоянно выражала самыя искреннія сожалѣнія о звѣрствахъ, совершенныхъ ея иррегулярными войсками. Въ свое оправданіе она приводила превышеніе мѣстными властями данныхъ имъ полномочій и непониманіе ими ея намѣреній.

Способъ защиты, принятый Портою, ясно доказываетъ ея недобросовѣстность. Сверхъ того, снисходительность, даже благоволеніе, выказанное ею генералъ-губернатору Шефкету-пашѣ, палачу Болгаріи, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о ея виновности. Несмотря на настоянія графа Дерби, который громко и неугомонно требовалъ наказанія Шефкета-паши, послѣдній былъ назначенъ эрзерумскимъ генералъ-губернаторомъ и осыпанъ милостями. А онъ, именно, не только понялъ какъ слѣдуетъ данныя ему полномочія, не только не превысилъ власти, но, напротивъ, слѣпо руководился предписаніями Порты, телеграфировавшей ему дословно: «подавите возстаніе, не разбирая средствъ».

Но сама Порта, сознавая важность положенія и необходимость энергическаго подавленія, не слѣдовала ли она совѣту своихъ друзей? Лучшій другъ ея, пользовавшійся ея наибольшимъ довѣріемъ, хранилъ ли онъ молчаніе въ эту критическую минуту? этому трудно повѣрить. Дѣйствительно извѣстно, что сэръ Генри Элліотъ, узнавъ о возстаніи и боясь новыхъ опасныхъ осложненій, первый далъ Портѣ совѣтъ потушить

мятежъ, «не разбирая средствъ». Это не было тайной ни для кого, пока не узнали, какимъ образомъ Порта воспользовалась даннымъ совѣтомъ. Понятый и осуществленный иначе, совѣтъ этотъ былъ бы въ сущности хорошъ. Но всякій совѣтъ, будь онъ самъ по себѣ прекрасенъ, становится погубнымъ и роковымъ, какъ скоро примѣняется людьми, лишенными такта. Быть можетъ, сэръ Генри не зналъ, что Порта прибѣгнетъ къ черкесамъ, быть можетъ, онъ не зналъ, на что эти дикари способны. Но онъ очень хорошо зналъ, что мусульмане всѣхъ слоевъ общества, какъ въ Стамбулѣ, такъ и въ провинціяхъ, одушевлены враждою и ненавистью къ христіанамъ, чему были даны кровавыя доказательства. Онъ долженъ былъ предвидѣть, что всякій совѣтъ, выраженный въ такой формѣ и направленный противъ христіанскаго населенія, могъ дать мѣсто прискорбнымъ злоупотребленіямъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы говорить Портѣ «подавите возстаніе, не разбирая средствъ», онъ долженъ бы былъ посовѣтовать ей благоразуміе, употребленіе законныхъ средствъ; онъ долженъ бы былъ умѣрить ея пылъ, чтобы предотвратить его послѣдствія. Какъ могъ онъ не обратить вниманія турецкихъ министровъ на то обстоятельство, что, если нужно безъ промедленія водворить порядокъ среди мятежниковъ, то существенно важно, для спасенія нравственнаго кредита страны, не давать повода, ненужными жестокостями и пролитіемъ христіанской крови, къ новому неудовольствію Европы на Турецкую имперію и на фанатизмъ мусульманъ.

Среди страшнаго шума, вызваннаго во всемъ свѣтѣ этими сценами разрушенія и кровопролитія, сильно возбужденное общественное мнѣніе Англіи, напавъ на представителя королевы въ Константинополѣ, ставило ему, однако, въ упрекъ только то, что онъ не предупредилъ своевременно министерство о происходившемъ у самыхъ воротъ столицы и не постарался своими совѣтами удержать Порту въ предѣлахъ

умѣренности. За его совѣтами дѣло не стало; но мы видѣли ихъ смыслъ, а также и то, что г. Эллиоттъ сталъ настоящимъ,—мы охотно признаемъ,—безсознательнымъ соучастникомъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Въ то время, какъ посолъ былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны Европы, а особенно его отечественной печати, въ то время, какъ графъ Дерби по мѣрѣ силъ старался его защитить, самъ онъ продолжалъ поступать по своему усмотрѣнію и руководиться личными побужденіями, не обращая никакого вниманія на инструкціи изъ Лондона. Такъ, когда ему было предписано отправить въ Болгарію, на самое мѣсто звѣрствъ, слѣдственную коммиссію, и когда министерство указывало ему для этой цѣли на вице-консула Вренча, сэръ Генри, собственною властью, замѣнилъ его однимъ изъ секретарей посольства, г. Бэрингомъ. Отчего? А оттого, что г. Вренчъ раздѣлялъ мнѣнія своего непосредственнаго начальника, сэра Филиппа Франсиса, генеральнаго консула въ Константинополѣ, и что оба они находились въ постоянномъ противорѣчіи съ посломъ.

Къ тому же г. Вренчъ, человѣкъ открытый и честный, не согласился бы ни смягчать фактовъ, ни оцѣнивать ихъ съ намѣреніемъ уменьшить ихъ важность. Напротивъ того, г. Бэрингъ подчинялся непосредственно г. Эллиотту, который, давая особыя инструкціи, могъ внушить ему представить положеніе вещей въ свѣтѣ, наиболѣе благопріятномъ его личному поведенію и дѣйствіямъ мѣстныхъ властей въ Болгаріи. Прибавимъ, что г. Бэрингъ, по своей ли инииціативѣ и чтобы быть въ состояніи сказать правду, не слишкомъ увеличивая общественнаго возбужденія, или въ силу секретнаго предписанія, представилъ своему начальнику два донесенія: одно содержало голую истину безъ всякихъ стилистическихъ прикрасъ и должно было остаться тайной; другое, изложенное болѣе сдержанно, предназначалось для одурманиванія, если можно такъ выразиться, англійскаго общества.

Какъ видно, сэръ Генри питалъ къ Турціи и туркамъ искреннія и, какъ мы думаемъ, совершенно безкорыстныя симпатіи. Но развѣ теперь не въ модѣ подобныя симпатіи? Мы уже видѣли, что г. Монрое-Бёттлеръ Джонстонъ на свои средства поддерживалъ возстаніе софтовъ, а г. Давидъ перомъ служилъ на пользу исламизма. Уркхардтъ защищалъ его же въ теченіе полувѣка. Да развѣ Стюартъ Милль, философъ, экономистъ, публицистъ, политическій ораторъ, человѣкъ, выдающійся въ всѣхъ отношеніяхъ, не раздѣлялъ симпатій къ исламизму и не былъ его защитникомъ? Слишкомъ долго было бы перечислять здѣсь всѣхъ выдающихся на Западѣ людей, проникнутыхъ тѣми же чувствами. Впрочемъ, эти стремленія легко объяснимы, если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ идеяхъ, руководящихъ публицистами въ дѣлахъ религіи, нравственности и философіи. Многіе христіане—христіане только по имени, и тѣ изъ нихъ, которые открыто не принадлежатъ къ матеріалистамъ или нигилистамъ, охотно исповѣдуютъ натурализмъ или раціонализмъ, ученія, одинаково проводящія абсолютный деизмъ, безъ стѣснительныхъ таинствъ обрядовъ, что и есть въ сущности ученіе Магомета. Самой личностью пророка естественно не дорожатъ; онъ просто идетъ за великаго человѣка. Самыя омовенія совершаются сообразно требованіямъ гигіены и хорошаго тона. Что касается многоженства, то оно примѣняется сообразно обстоятельствамъ, пока какой-нибудь преобразователь отечества, наперекоръ извѣстной общественной стыдливости, не поставитъ открыто о томъ вопроса. Тогда многіе, безъ сомнѣнія, къ нему примкнутъ. На свѣтѣ, такимъ образомъ, кромѣ открытыхъ исповѣдниковъ ислама, существуютъ и другіе мусульмане. Наконецъ, вступленіе многихъ правовѣрныхъ въ ряды франмасоновъ обезпечиваетъ за турками, со стороны братьевъ и друзей, партію защитниковъ, почтенную по числу и опасную по средствамъ дѣйствія.

Какъ бы то ни было, взрывъ негодованія, вызванный болгарскими звѣрствами во всѣхъ частяхъ свѣта, произвелъ удручающее впечатлѣніе на лучшихъ друзей Порты. Ихъ политическія убѣжденія были сильно поколеблены и они съ безпокойствомъ спрашивали себя, будетъ ли поддержаніе неприкосновенности Оттоманской имперіи совмѣстимо съ чтимыми въ данную минуту принципами человѣчества, такъ какъ эти принципы были теперь грубо попраны турками.

Вспомнимъ волненіе, возникшее въ Англіи. Одинъ изъ ея выдающихся государственныхъ людей, во главѣ значительной партіи, дошелъ даже до проповѣди крестоваго похода противъ этого неизлечимаго варварства, одно существованіе котораго является настоящимъ позоромъ для Европы и цивилизаціи. Въ этомъ человѣкѣ не трудно угадать Гладстона.

Понятно, что въ Россіи броженіе умовъ было не менѣе сильно. Оно, впрочемъ, имѣло свое особое основаніе въ личности жертвъ, этихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, славянъ и православныхъ. Если въ Россіи волненіе не выразилось, подобно другимъ странамъ, съ торжественностью публичнаго диспута въ многолюдномъ собраніи, то печать взяла на себя дополнить послѣднюю силою рѣчи и постоянными совѣтами къ вооруженному столкновенію. На одномъ изъ собраній славянофиловъ въ Москвѣ, въ началѣ іюня, И. С. Аксаковъ, съ высоты предсѣдательскаго кресла, употребилъ все свое краснорѣчіе противъ турокъ и заключилъ свою рѣчь словами: «Братья наши въ Турціи должны быть освобождены; сама Турція должна прекратить существованіе; Россія имѣетъ право занять Константинополь, такъ какъ свобода проливовъ для нея вопросъ жизненной важности».

Между тѣмъ, несмотря на кровавый разгромъ Болгаріи, прекратившій пополненіе рядовъ возставшихъ, подстрекатели усилили ободренія, блестящія обѣщанія и всякую помощь

мирнымъ сербамъ, чтобы убѣдить ихъ взяться за оружіе противъ ихъ сюзерена. Это было нѣсколько поздно; однако противникамъ турокъ удалось наэлектризовать массы, привлекши на свою сторону нѣсколько пылкихъ головъ, взявшихся распространять волненіе. И вскорѣ князю Милану предстояла альтернатива: или объявить войну, или быть сверженнымъ своимъ народомъ съ престола.

Достовѣрно, что князь Горчаковъ неоднократно пытался отклонить князя Милана отъ всякаго воинственнаго предпріятія. Но угроза предоставить его собственнымъ силамъ и формальное заявленіе, что онъ не долженъ разсчитывать ни на какую, хотя бы чисто нравственную, поддержку со стороны с.-петербургскаго двора, не произвели никакого дѣйствія. Тогда императоръ Александръ, какъ бы для приданія особой торжественности своимъ словамъ, избралъ для передачи ихъ иностраннаго дипломата, который долженъ былъ служить ему въ нѣкоторомъ родѣ свидѣтелемъ. Онъ поручилъ австро-венгерскому агенту въ Бѣлградѣ, князю Вреде, подтвердить отъ его имени князю Милану всѣ предыдущія заявленія князя Горчакова и снова увѣрить его, что, въ случаѣ неуспѣха и пораженія сербской арміи, онъ не долженъ ожидать никакого содѣйствія Россіи.

Дальнѣйшее извѣстно: царскому слову не вняли...

Сербія и Черногорія послѣдовательно взялись за оружіе. Тотчасъ же иностранная дипломатія, проникнутая сердечнымъ согласіемъ и трогательнымъ единодушіемъ, удвоила свою дѣятельность и усилія передъ Портой, чтобы, примиреніемъ столкнувшихся интересовъ, положить конецъ и безъ того уже тяжелому и грозившему стать еще болѣе опаснымъ, положенію. Но это согласіе и единодушіе, бывшія, какъ мы по крайней мѣрѣ думаемъ, искренними со стороны кабинетовъ и монарховъ Запада, были ли въ такой же степени искренними среди ихъ представителей въ Турціи? Мы въ

этомъ сильно сомнѣваемся. Всякаго, кто могъ по своимъ связямъ или по положенію слѣдить за сношеніями этихъ представителей въ Константинополѣ между собой и съ блистательной Портой, не могло не поразить столь мало правильное поведеніе великобританскаго посла. Совершенно пренебрегать категорическими предписаніями своего правительства, слѣдовать имъ только въ совершенно противоположномъ смыслѣ и какъ бы поднимать ихъ на смѣхъ; давать понять своимъ сдержаннымъ поведеніемъ, что графъ Дерби говоритъ, конечно, языкомъ, принятымъ другими кабинетами, но что онъ ни слову не вѣритъ изъ того, что говоритъ; давать побѣду своимъ личнымъ чувствамъ, ослабляя и разрушая дипломатическое воздѣйствіе, которое Европа обязалась произвести на Порту — таковою, кажется, была постоянная цѣль усилій и личной дѣятельности г. Эллiотта.

Хотя его инструкціи категорически предписывали ему во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать заодно со своими коллегами, онъ всегда держался въ сторонѣ, чтобы предоставлять болѣе простора Портѣ и ослаблять значеніе заявленій, вся нравственная сила которыхъ заключалась въ единодушіи. Такъ, въ моментъ предъявленія требованій по сербскому вопросу, когда, послѣ объявленія войны, державы старались остановить борьбу, совмѣстный образъ дѣйствія долженъ бы былъ имѣть чрезвычайное значеніе. И что же? Сэръ Эллiоттъ и здѣсь отказался присоединиться къ своимъ коллегамъ, предложилъ имъ сдѣлать свои заявленія отдѣльно, а самъ, въ качествѣ старѣйшины дипломатическаго корпуса[1], держался въ сторонѣ. Нѣсколько дней спустя его коллеги настойчиво требовали отъ него объясненій, выразилъ ли онъ достаточно твердо и ясно заключающуюся въ заявленіи угрозу о прекращеніи шестью великими державами сношеній съ Портой

[1] За отсутствіемъ генерала графа Игнатьева.

и о предполагаемомъ отозваніи ихъ представителей. Сэръ Генри Эллиоттъ отвѣтилъ съ усмѣшкою, что онъ дѣйствительно сказалъ Портѣ то, что ему было предписано, и тѣмъ далъ открыто понять, что онъ дѣйствовалъ только для очистки совѣсти въ столь маловажномъ дѣлѣ.

Съ одной стороны, кабинеты пребывали въ сердечномъ согласіи, съ другой — одинъ посолъ наносилъ ущербъ единодушному образу дѣйствія, своимъ личнымъ положеніемъ нейтрализуя его результаты! И каждый разъ, какъ новыя инструкціи настоятельно требовали собранія представителей, послѣднимъ стоило не мало усилій добиться отъ временнаго старѣйшины, чтобы онъ ихъ созвалъ. Но по состоявшемся собраніи и по принятіи имъ представленія Портѣ, старѣйшина неизмѣнно передавалъ его черезъ своего драгомана, который, вопреки обычаямъ, никогда не присоединялся къ драгоманамъ прочихъ великихъ державъ.

Въ лѣтописи англійской дипломатіи на Востокѣ не рѣдки случаи подобнаго неповиновенія ея агентовъ, а равно и ихъ чисто личной политики, находящейся въ прямомъ противорѣчіи съ политикой правительства. Лордъ Страффордъ Редклифъ, напримѣръ, вызвалъ войну 1854 года и коалицію противъ Россіи только потому, что далъ объясненіямъ, заключавшимся въ одной депешѣ графа Нессельроде, толкованіе, дѣлавшее ихъ совершенно недопустимыми; тогда онъ убѣдилъ Решидъ-пашу отвергнуть ихъ, несмотря на то, что лордъ Пальмерстонъ предписалъ ему настаивать передъ Диваномъ, чтобы Порта этими объясненіями удовлетворилась.

Но если это дѣло обычное для англійской дипломатіи, то послѣдствія этого, какъ мы видимъ, очень важны; и если бы с. джемскій кабинетъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ злоупотребляютъ его агенты своимъ авторитетомъ и личнымъ вліяніемъ, то, безъ сомнѣнія, подумалъ бы о средствахъ добиться менѣе двусмысленнаго ихъ повиновенія и содѣйствія.

Какъ бы ни было странно въ данномъ случаѣ поведеніе сэра Генри Эллiотта по отношенію къ своимъ коллегамъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ съ Портою, это поведеніе стало просто скандальнымъ по случаю открывшихся въ Константинополѣ совѣщаній.

Мы не будемъ говорить ни о практическомъ значеніи, ни о пригодности принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ рѣшеній: проекта устройства Болгаріи (выработаннаго молодымъ атташе посольства), назначенія христіанскихъ губернаторовъ, иностранной стражи и т. д. Мудрость государственныхъ людей имѣетъ тайны, недоступныя пониманію простыхъ смертныхъ. Въ качествѣ послѣднихъ, мы замѣтимъ только, что, въ отношеніи послѣдовательнаго хода трудовъ, уполномоченные шли навстрѣчу вѣрному неуспѣху, настоящей неудачѣ; собраніе пословъ Константинополя по вопросу о реформахъ для провинцій, или находившихся въ возстаніи или бывшихъ театромъ кровавыхъ сценъ, особенно когда ничего не было сдѣлано для провинцій оставшихся покорными,—обезпечивало за Портой возможность легкаго торжества. Сверхъ того, отказались выслушивать Порту, имѣя въ виду навязать ей мѣры, принятыя безъ нея и направленныя противъ нея.

Дѣйствуя подобнымъ образомъ, упускали изъ вида важныя политическія соображенія. Прежде всего устранялся неотъемлемый принципъ власти, который не дозволялъ Турціи какъ бы поощрять возстаніе и мятежъ, допуская только непокорныя провинціи къ пользованію выгодами реформъ и оставляя внѣ попеченія провинціи покорныя. Упускали изъ виду значеніе, которое придавала Порта своему собственному достоинству и своимъ правамъ независимаго государства, однимъ словомъ всему тому, что она всегда такъ ревниво охраняла. Не принимали также въ расчетъ взаимоотношеній дворца и Порты съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе общественнаго мнѣнія дало себя почувствовать сильно и не впервые,

по случаю возстанія софтовъ и слѣдовавшихъ за ні
бытій, и султана ставили въ необходимость или і
взрывъ уже безъ того возбужденнаго общественнаго і
или проявить смѣлую независимость, давъ суровый
шести великимъ державамъ. Не признавали также
новъ логики, заявляя о желаніи сохранить въ силѣ
скій трактатъ въ ту самую минуту, когда совѣщались
треннемъ устройствѣ имперіи. На самомъ дѣлѣ это бі
рушеніемъ статьи 9-ой этого трактата, въ силу котор
жавы запрещали себѣ всякое единичное или совмѣстн
шательство въ отношенія Порты къ ея подданнымъ.
нецъ, не принимали въ расчетъ опытности и прони
ности турецкихъ дипломатовъ, когда угрожали Порт
случаѣ не принятія ею мѣръ, выработанныхъ въ ко
ціи,— не прерваніемъ дипломатическихъ сношеній, что
бы совершенно иное значеніе, но отъѣздомъ пословъ
ціальныхъ делегатовъ. Секретари должны были остат
качествѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Требованіе, обращенное къ Дивану конференціе
весьма слабой угрозѣ, не могло не пропасть даромъ.
было весьма пріятно проявить безъ всякихъ усилій тв
лестную для національнаго самолюбія. Въ глазахъ на
имперіи это было настоящимъ торжествомъ надъ объ
нымъ противъ Турціи Западомъ. И Порта, среди тр
обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась, получа
влетвореніе въ томъ, что освобождалась отъ назойливы
стояній иностранной дипломатіи. Министры султана
что соглашеніе великихъ державъ ограничится пусто
зою; что дѣло не пойдетъ дальше; что различные ин
вплетенные въ Восточный вопросъ, разъединятъ де
какъ только та или другая изъ нихъ сдѣлаетъ видъ,
словъ переходитъ къ дѣлу. Порта ясно сознавала пол
Странное дѣло, что послы, бывшіе въ числѣ членов

ференціи, много лѣтъ прожившіе въ Турціи, могли хотя одно мгновеніе подумать, что турецкіе дипломаты, обезпокоенные или смущенные этою угрозою, подчинятся приказаніямъ знаменитаго ареопага? Допустимъ, что министры султана не обладали ни достаточною опытностью, ни прозорливостью, чтобы спокойно пренебречь отъѣздомъ пословъ, но у нихъ были-же передъ глазами странныя взаимныя отношенія представителей королевы Викторіи и ихъ образъ дѣйствія въ конференціи. Одного этого было достаточно, чтобы побудить турокъ на отчаянное сопротивленіе.

Англійскій посолъ имѣлъ собратомъ маркиза Салисбюри, вельможу важнаго по своему официальному положенію, но человѣка, не отличавшагося особенною гибкостью. Способности, необходимыя для успѣшнаго участія въ этомъ дипломатическомъ собраніи, блистали у него только своимъ отсутствіемъ, развѣ признать таковыми взгляды, мнѣнія и чувства, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя, исповѣдывалъ сэръ Генри Элліоттъ, — изъ ряда вонъ выходящее невѣдѣніе людей и дѣлъ Востока, а равно и политической географіи Европы... Не разъ говорилось о немъ среди дипломатовъ Босфора, гдѣ лордъ Салисбюри оставилъ по себѣ неизгладимую и ироническую память.

Благородный лордъ счелъ полезнымъ, для лучшаго служенія взглядамъ своего правительства и интересамъ мира, придерживаться по отношенію турокъ оскорбительной рѣзкости и не скрываемаго презрѣнія. Благодаря этому странному поведенію, онъ лишился передъ Портой всякаго личнаго кредита.

Не менѣе полезнымъ онъ счелъ примкнуть, въ нѣкоторомъ родѣ, къ русскому посольству, постоянно тамъ бывать, раздѣлять всѣ мнѣнія русскаго посла, стать его ревностнымъ приверженцемъ и поддерживать всѣ предложенія, инициативу которыхъ послѣдній бралъ на себя, на конференціи. Все это свидѣтельствуетъ о ловкости его дипломатическихъ пріемовъ.

А вотъ образчикъ его географическихъ познаній.— На одномъ общемъ собраніи, на которомъ присутствовали представители Дивана, былъ поднятъ вопросъ объ уступкѣ Турціею порта на Адріатикѣ Черногоріи, которая того домогалась. Уполномоченные Порты стали возражать, какъ вдругъ лордъ Салисбюри съ живостью заявилъ, что эти возраженія относятся только къ упомянутымъ мѣстностямъ: «но что онъ не видитъ причины, почему султанъ не согласился бы уступить Черногоріи портъ и городъ Каттаро!»...

Можно судить объ изумленіи графа Зичи, австро-венгерскаго посла.

Очевидно, спеціальный уполномоченный Foreign Office'а не подготовился къ обсужденію стоявшаго на очереди вопроса.

Помимо этого комическаго инцидента, поведеніе маркиза Салисбюри обстоятельствамъ не особенно соотвѣтствовало. Въ глазахъ Порты оно компрометтировало англійское правительство и дѣлало еще болѣе оскорбительными для Дивана пріемы конференціи. Съ другой стороны, отношенія благороднаго лорда къ сэру Генри Эллiотту изъ холодныхъ превратилось просто въ дурныя; и это разногласіе, ясное для всѣхъ, оказало на ходъ и исходъ конференціи болѣе сильное, чѣмъ вообще полагали, вліяніе.

На засѣданіяхъ сэръ Генри погружался въ абсолютное молчаніе, не ускользавшее отъ вниманія турецкихъ уполномоченныхъ. Можно ли думать теперь, какъ нѣкоторые предполагаютъ, а многіе даже утверждаютъ, что въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Портою г. Эллiотъ поддерживалъ ея сопротивленіе, увѣряя ее, что, каковы бы ни были осложненія, англійскій кабинетъ никогда не станетъ на сторону враговъ Турціи? это весьма правдоподобно. Но достовѣрно то, что разногласіе между двумя великобританскими уполномоченными отняло всякій кредитъ у совѣтовъ с.-джемскаго кабинета.

Нельзя не сожалѣть, что этотъ кабинетъ, искренне желая прекращенія пререканій между Россіею и Портою, былъ настолько несчастливъ въ выборѣ своихъ дипломатическихъ агентовъ, что не могъ воспользоваться въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежавшимъ ему по праву авторитетомъ въ рѣшеніяхъ Дивана.

Еще болѣе обидно для чести европейской дипломатіи, что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сидя спокойно у окна блистательной Порты и видя, какъ иностранныя военныя суда, увозившія пословъ, съ трудомъ разсѣкали поднятыя непогодою волны Мраморнаго моря, спрашивалъ у своего собесѣдника съ чисто восточною флегматичностью: «Но кого же, наконецъ, здѣсь обманываютъ?»

Пока представители шести великихъ державъ доставляли Портѣ случай легкаго торжества, послѣдняя заканчивала законы и распоряженія, относившіеся до созыва народныхъ депутатовъ, сообразно постановленіямъ конституціи, дарованной султаномъ своимъ народамъ и обнародованной, какъ бы для полной обстановки неожиданнаго зрѣлища, въ день перваго общаго засѣданія международной конференціи. Прибавимъ, что залпы, данные столичною артиллеріею по случаю чтенія императорскаго указа, раскатились эхомъ надъ Босфоромъ, и Савфетъ-паша, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, прервалъ его на минуту и въ напыщенныхъ выраженіяхъ объявилъ о преобразованіи государственной власти въ Турціи.

Другими словами, Порта этимъ давала понять, что, участвуя въ засѣданіяхъ конференціи, она напередъ твердо рѣшила отвергнуть всѣ ея постановленія. Но, съ своей точки зрѣнія, она шла дальше того, что отъ нея требовали, даруя коренное измѣненіе формы правленія, въ чемъ видѣла для себя двойную выгоду добровольно принятаго рѣшенія и благодѣянія для всѣхъ провинцій имперіи. Къ тому же вели-

кимъ визиремъ былъ тогда Мидхатъ-паша и онъ не могъ не воспользоваться случаемъ, чтобы восторжествовать надъ сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ имъ еще въ рядахъ мусульманскихъ консерваторовъ, и настоять на принятіи проекта конституціи, которому уже давно онъ посвятилъ всѣ свои попеченія.

Разсматриваемое съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія обнародованіе конституціи было, конечно, дѣломъ ловкимъ. Но не грѣшило ли оно излишнею ловкостью и не било ли дальше цѣли? Говорятъ, что ничтожныя причины часто имѣютъ большія послѣдствія. Въ предшествующее въ Россіи царствованіе, учрежденіе въ Турціи конституціоннаго государства было бы само по себѣ достаточнымъ поводомъ для рѣшенія императора Николая немедленно объявить войну своему сосѣду на Черномъ морѣ. Но императоръ Александръ потребовалъ для славянъ Турціи прочныхъ обезпеченій, хорошей администраціи, а въ этихъ обезпеченіяхъ отказывали и замѣняли ихъ конституціонною хартіею. Учрежденія зарождаются въ нравахъ народовъ, а не въ силу законовъ и указовъ. Конституціонная Турція не то же ли, что конституціонный Египетъ? Поэтому, слышалъ ли кто-нибудь, чтобы феллахъ сталъ счастливѣе съ измѣненіемъ государственныхъ учрежденій и чтобы его трудъ въ потѣ лица теперь цѣнился немного дороже прежняго? Стали ли лучше государственные финансы подъ контролемъ народа? Сдѣлало ли когда-нибудь ужасающее банкротство больше жертвъ съ бо̀льшимъ шумомъ? Наконецъ, самъ султанъ, со времени провозглашенія конституціонной формы правленія, не продолжалъ ли назначать и смѣщать министровъ, не обращая никакого вниманія на палаты, на большинство и на его мнѣнія?

Очевидно, что съ этой точки зрѣнія Россія не могла казаться довольною щедростью султана, хотя бы и призрачною, мертворожденною и могущею быть принятою благосклонно лишь тѣми, кто добровольно давалъ себя въ обманъ.

Обнародованіе конституціи въ Турціи вызвало въ печати и въ русскомъ обществѣ всеобщій взрывъ смѣха.

На конституцію посыпались самыя злыя насмѣшки, самыя жесткія эпиграммы. Все казалось смѣшнымъ, потому что не доставало главнаго: опытности министровъ, умственнаго развитія и независимости въ представителяхъ народа, краснорѣчіе которыхъ должно было встрѣтить непреодолимое препятствіе въ разнообразіи нарѣчій разныхъ провинцій имперіи. Наиболѣе сдержанные органы печати, напуская на себя какъ бы спокойную оцѣнку и соглашаясь разсуждать въ болѣе приличномъ тонѣ объ учрежденіяхъ, дарованныхъ султаномъ своимъ народамъ, видѣли въ нихъ только болѣе или менѣе удачно поставленную ловушку для довѣрчивой Европы, хартію, предназначенную остаться мертвою буквою послѣ того, какъ она дастъ Портѣ возможность отдѣлаться отъ постоянныхъ и назойливыхъ настояній западныхъ кабинетовъ, — однимъ словомъ, обманъ, одну изъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ всегда умѣло прибѣгали турецкіе министры, чтобы выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ, и о которыхъ, по минованіи грозы, обыкновенно не бывало и рѣчи.

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное въ Россіи обнародованіемъ оттоманской хартіи.

Между тѣмъ болгарскія звѣрства, негодованіе, вызванное ими въ Россіи, не прекращавшееся безпокойство Европы по поводу внутренняго положенія Турціи, пораженія сербовъ, съ которыми Россія была нравственно солидарна, вслѣдствіе значительнаго числа русскихъ офицеровъ и солдатъ, сражавшихся въ рядахъ побѣжденныхъ, роковыя заблужденія офиціальныхъ круговъ С.-Петербурга относительно слабости и безпомощности классическаго больного (Турціи), равно и относительно быстрыхъ побѣдъ, обезпеченныхъ за нападающею арміею, наконецъ, закончившаяся мобилизація русской арміи и заключенный съ этою цѣлью заемъ, — все это, по

нашему мнѣнію, служило достаточнымъ поводомъ къ объявленію войны.

Многія войны, во всякія времена, возгарались изъ-за менѣе важныхъ причинъ. Но послѣ того удовлетворенія, которое кабинеты великихъ державъ дали Россіи при посредствѣ своихъ представителей на константинопольскихъ конференціяхъ, раздѣляя ея мнѣнія и поддерживая всѣ ея требованія; послѣ доказательствъ уваженія этихъ требованій, доказательствъ, возобновленныхъ державами отозваніемъ пословъ, подписаніемъ Лондонскаго протокола и принятіемъ на себя въ нѣкоторомъ родѣ ручательства за исполненіе Портою реформъ—можно, даже должно полагать, что с.-петербургскій кабинетъ отказался бы отъ всякаго воинственнаго предпріятія, хотя бы изъ уваженія къ сочувствію, высказанному ему Европой съ такимъ постояннымъ и полнымъ единодушіемъ[1]. Однако, дипломатія, какъ бы пламенно ни желала сохранить миръ, могла удовлетворить Россію лишь относительно высказанныхъ и оформленныхъ ею неудовольствій; а Россія имѣла неудовольствіе, которое она не могла не только высказать, но и дать о немъ понять: Россія не желала турецкой конституціи.

Вотъ почему обнародованіе ея было слишкомъ большою ловкостью, бьющею дальше цѣли. Вотъ почему мѣры, менѣе рѣшительныя и менѣе коренныя со стороны турецкихъ преобразователей и ихъ совѣтниковъ, мѣры, которыя хотя не измѣнили бы внутренняго положенія имперіи,—дали бы, по

[1] Нельзя не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія въ томъ значеніи, которое авторъ придаетъ «постоянному и полному,—какъ онъ говоритъ,—единодушію Европы». Что европейскія державы дѣйствительно усиленно трудились надъ тѣмъ, чтобы отогнать надвигавшуюся грозу со всѣми ея непредвидѣнными послѣдствіями,—въ этомъ нельзя сомнѣваться; но одинаково не подлежитъ сомнѣнію, что сопротивленіе Порты вытекало именно изъ отсутствія нелицемѣрнаго единодушія въ образѣ дѣйствій представителей великихъ державъ. А. Г.

крайней мѣрѣ, Турціи возможность пользоваться благами мира, а не быть опустошенною войной, ближайшимъ послѣдствіемъ которой оказалось полное истощеніе ея средствъ на полстолѣтіе.

Предлагая великимъ державамъ Лондонскій протоколъ, Россія требовала отъ нихъ въ подтвержденіе единодушія взглядовъ, обнаруженнаго ими на конференціи въ Константинополѣ, взять на себя въ нѣкоторомъ родѣ поручительство за исполненіе Портою дѣйствительныхъ реформъ и, въ случаѣ неуспѣха, сообща приступить къ мѣрамъ, требуемымъ обстоятельствами. Россія не требовала, да и не могла требовать, чтобы Порта подписала протоколъ, такъ какъ онъ былъ направленъ противъ нея. Болѣе того, послѣдняя не должна была знать о его существованіи. Прибавимъ, что она проявила чрезмѣрную щепетильность, выразивъ согласіе неофиціально съ нимъ ознакомиться и, выступивъ затѣмъ съ тѣмъ знаменитымъ протестомъ, отъ котораго загорѣлся весь сыръ-боръ и который вызвалъ объявленіе войны со стороны Россіи.

Слабость Турціи въ военномъ отношеніи съ наибольшею очевидностью выразилась, какъ казалось, въ ея безсиліи усмирить герцоговинцевъ и въ напряженіяхъ въ войнѣ съ Сербіею, и существованіе этого роковаго заблужденія болѣе чѣмъ подтверждается численностью выступившей противъ нея арміи. Нынѣ неоспоримо, повидимому, что Россія начала войну, имѣя не болѣе 70 тысячъ войска на Дунаѣ и менѣе 60 тысячъ въ Азіи. Конечно, если бы Турція даже и была такъ слаба, какъ думали, самое простое благоразуміе требовало, чтобы нападающій призналъ за нею ту оборонительную силу, которую она всегда выказывала въ прежнихъ войнахъ, и онъ долженъ былъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что далеко не всегда могъ побороть встрѣчаемое сопротивленіе. Не представлялось ли безусловно выгоднымъ принять эти данныя въ основаніе предстоявшей кампаніи? Разгромъ непріятеля, помимо обез-

печенія въ удовлетвореніи чести, избавилъ бы Россію отъ крупныхъ расходовъ; а побѣжденный, лишенный всѣхъ симпатій, порождаемыхъ честною и славною защитою, оказался бы въ полномъ распоряженіи побѣдителя.

III.

Территоріальная неприкосновенность Оттоманской имперіи.—Интересы Россіи и Англіи на Востокѣ.—Принципъ національностей.—Вопросъ о проливахъ.

Просвѣщеніе, которымъ гордится нашъ вѣкъ, не заставило умолкнуть страсти. Такъ, въ странахъ конституціонныхъ, хотя политика уже не направляется исключительно желаніемъ монарховъ и ихъ совѣтниковъ, и народы оставили за собою права контроля надъ нею черезъ своихъ представителей, но всегда ли политика эта имѣетъ въ виду дѣйствительные ихъ интересы и не подпадаетъ ли она вліянію національныхъ предразсудковъ? Эти предразсудки пріобрѣтаютъ часто рѣшающую непреодолимую силу, не останавливающуюся передъ возможностью войны при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и цѣною жертвъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ ожидаемыми отъ побѣдъ выгодами. Странный, дѣйствительно, поступокъ со стороны государственныхъ людей, разумныхъ, предусмотрительныхъ и осторожныхъ, поступокъ, не находящій себѣ объясненія, если не принять во вниманіе заблужденій общественнаго мнѣнія, неизбѣжныхъ, когда оно руководится страстями, а не попеченіемъ о судьбѣ государства.

Эти размышленія, примѣнимыя къ политикѣ вообще, сами напрашиваются, когда идетъ рѣчь о политикѣ Англіи на Востокѣ, покоющейся, какъ извѣстно, на принципѣ національныхъ воззрѣній: поддержаніи Оттоманской имперіи въ

ея территоріальной неприкосновенности. Этотъ принципъ, 40 лѣтъ тому назадъ, убѣдилъ Англію принять участіе въ коалиціи противъ Россіи, цѣною, какъ извѣстно, громадныхъ жертвъ и съ самыми ничтожными результатами. Этотъ же принципъ убѣдилъ бы ее еще разъ дѣятельно защитить Турцію въ настоящей борьбѣ, несмотря на живую оппозицію извѣстной части англійской публики, если бы только она нашла себѣ союзника въ той или другой изъ континентальныхъ крупныхъ военныхъ державъ. Наконецъ, этотъ же принципъ болѣе, чѣмъ когда-либо, какъ кажется, руководитъ политикою с.-джемскаго кабинета съ тѣхъ поръ, какъ геройское и неожиданное сопротивленіе турецкихъ войскъ на Дунаѣ, увеличивъ симпатіи Англіи къ мусульманамъ, совершенно изгладило тяжелое впечатлѣніе, произведенное нѣкогда прекращеніемъ платежа процентовъ по государственному долгу, избіеніемъ консуловъ въ Салоникахъ и болгарскими звѣрствами.

Поэтому важно выяснить причину существованія этого принципа, чтобы убѣдиться, покоится ли онъ на истинныхъ, политическихъ, матеріальныхъ или нравственныхъ интересахъ Англіи, или же является, какъ мы думаемъ, просто предразсудкомъ національной политики, переходящимъ по традиціи отъ поколѣнія къ поколѣнію и отъ министра къ министру, по традиціи, конечно достойной уваженія, но самой по себѣ недостаточной, чтобы служить основаніемъ политики большого государства, въ виду измѣненія, вносимаго во все временемъ и обстоятельствами.

Постараемся это выяснить.

Подъ охраною капитуляцій всѣ европейскія государства были нѣкогда одинаково заинтересованы въ сохраненіи Оттоманской имперіи и ея территоріальной неприкосновенности. Дѣйствительно, капитуляціи обезпечивали за иностранцами личныя преимущества и льготы, всякія выгоды огромной важности. Экстерриторіальность ставила иностранца въ зави-

симость отъ его національнаго закона: земля подъ ним англійскою, французскою, нѣмецкою, смотря по тому, государства онъ былъ подданнымъ, а его личность, косновенная и священная для чиновниковъ Порты, за только отъ его національныхъ властей, подлежала в жданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ дѣлахъ исключи законодательнымъ распоряженіямъ его страны.

Кромѣ того, промышленность, почти во всѣхъ ея ляхъ, и судоходство были освобождены отъ всякой по а ввозная иностранная торговля была обложена только 3 сборомъ, между тѣмъ какъ, благодаря фискальной с ошибочной во всѣхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія совъ государства, вывозъ туземныхъ произведеній бы ложенъ пошлиною въ 5 процентовъ. Таковы условія, торыхъ находились иностранцы во время господства туляцій.

Иностранецъ пользовался въ Турціи гостепріимо быть можетъ, не столь сердечнымъ, сколько выгодн привлекательнымъ. Онъ чувствовалъ себя тамъ лучше дома, на родинѣ, и передъ мѣстными властями онъ за носъ и съ гордостью заявлялъ: «Noli me tangere; ci manus sum» [1]. Но если къ этому добавить, что, помимо этихъ преимуществъ, льготъ и привилегій, окружавших странца, его имущество, личность и торговлю, сама раскинулась на двухъ континентахъ и что ея велико провинціи, съ ихъ естественными богатствами, были должаютъ оставаться нетронутыми и заброшенными нымъ населеніемъ, — легко понять, насколько Европа заинтересована въ сохраненіи въ этой части свѣта, п шеизложенныхъ условіяхъ, важнаго пункта для сбыта произведеній, богатаго рынка сырья по дешевой цѣн

[1] Не тронь меня; я римскій гражданинъ.

рокаго поля для настойчивой дѣятельности иностранца, находившаго тамъ примѣненіе своихъ физическихъ и духовныхъ способностей, примѣненіе, выгодное для себя и полезное для страны.

Конечно, если при такомъ порядкѣ вещей всѣ державы были заинтересованы въ сохраненіи Турецкою имперіею капитуляцій, то Англія, въ виду своей обширной торговли съ Востокомъ, была особенно заинтересована, такъ какъ она здѣсь находила сбытъ для своего каменнаго угля, мануфактурныхъ произведеній, желѣза и всякихъ товаровъ; всѣ эти выгоды для нея исчезали, если бы исчезла сама Турція, уступивъ мѣсто владычеству, болѣе разсудительному по части политической экономіи и болѣе свѣдущему въ системѣ обложеній. Изо всѣхъ интересовъ Англіи на Востокѣ интересъ торговый ближе всѣхъ другихъ лежитъ къ ея сердцу; откинуть его—и всѣ прочіе политическіе и нравственные доводы въ пользу догмата о неприкосновенности Турціи не выдерживаютъ обстоятельной и безпристрастной критики. Поэтому, доказывая ихъ полную неосновательность, мы тѣмъ самымъ отводимъ имъ мѣсто въ ряду предразсудковъ.

Но долженъ былъ наступить моментъ, когда всѣмъ вышеуказаннымъ выгодамъ надлежало исчезнуть, одной за другой, а Турецкой имперіи продолжать свое существованіе. Скажемъ больше, онѣ должны были исчезнуть ради самаго существованія и сохраненія имперіи, а Англія, упуская изъ виду свойство своихъ сношеній съ Турціею и причины, по которымъ ей такъ дорого было существованіе прежней «Турціи капитуляцій», Англія, говоримъ мы, показала міру странное зрѣлище дѣятельнаго и добровольнаго соучастія въ преобразованіи Турціи въ государство общаго права, пренебрегая, съ непривычнымъ для нея безкорыстіемъ, важными интересами своей промышленности, торговли и судоходства, приносимыми ею въ жертву благоденствію Турецкой имперіи.

Извѣстно, съ какою настойчивостью, со времени уничтоженія янычаръ, западные кабинеты требовали отъ Порты,— какъ условія sine qua non ея политическаго существованія,— дѣйствительныхъ реформъ въ области внутренняго управленія имперіею.

По окончаніи крымской войны и по заключеніи мира настойчивость эта приняла характеръ повелительный, и допущеніе Турціи къ концерту европейскихъ державъ было подчинено, по тексту парижскаго договора, кореннымъ преобразованіямъ, которыя султанъ долженъ былъ произвести въ своихъ владѣніяхъ.

Приступивъ болѣе или менѣе твердо и ловко къ ломкѣ старыхъ учрежденій, реформаторы встрѣтили, или думали, что встрѣтили, главное препятствіе къ успѣху задуманнаго дѣла въ системѣ капитуляцій, покоющейся на особомъ принципѣ внѣземельности и разности законодательствъ въ самомъ лонѣ имперіи, равно и на свободѣ и льготахъ разнаго рода, которыми иностранцы пользовались въ области промышленности, торговли и мореплаванія. Не можетъ быть хорошаго управленія безъ совершенной свободы дѣйствій, — говорили государственные люди Турціи. Установленіе равенства для различныхъ народностей требуетъ уничтоженія какъ административной автономіи, дарованной не мусульманскимъ общинамъ завоевателемъ и его непосредственными преемниками, такъ и личныхъ преимуществъ, которыми пользуются иностранцы и которыя не совмѣстимы съ правильнымъ отправленіемъ суда и полицейской дѣятельности. Ради этого равенства не менѣе необходимо устраненіе разныхъ помѣхъ, которыя вносятъ существующіе торговые договоры. Эти помѣхи препятствуютъ преобразованію, на разумныхъ началахъ и на истинныхъ принципахъ экономической науки, устарѣлой фискальной системы, противной дѣйствительнымъ интересамъ имперіи. Таковы главныя затрудненія,—прибавляли турецкіе

министры,—которыя намъ приходится одолѣвать на томъ пути преобразованій, на который вы насъ такъ настойчиво толкаете. Окажите намъ содѣйствіе въ измѣненіи, въ области международныхъ сношеній, настоящаго положенія; оно не поправимо, доколѣ мы будемъ дѣйствовать въ столь тѣсныхъ границахъ. Къ тому же времена измѣнились; внѣземельность имѣла смыслъ при недостаткахъ и пробѣлахъ прежней системы управленія, нынѣ уже осужденной, и если гарантіи, которыя вы находите въ совершенныхъ уже реформахъ, оставляютъ желать лучшаго, то исполнить и закрѣпить ихъ можно лишь устраненіемъ тѣхъ препятствій, на которыя мы указываемъ.

Таковы были аргументы Порты и отказать имъ въ нѣкоторой справедливости нельзя. Можно было бы, конечно, возразить, что гарантіи, особенно драгоцѣнныя при старыхъ порядкахъ, не лишни были и теперь, хотя Турція и предприняла передѣлывать свои учрежденія по образцу западныхъ, такъ какъ согласованіе старыхъ и новыхъ учрежденій имѣло послѣдствіемъ лишь увеличеніе административной неурядицы и смѣшеніе властей. Можно было бы возразить кромѣ того, что въ области упорядоченія государственныхъ доходовъ, реформы имѣли единственнымъ послѣдствіемъ злоупотребленіе займами и созданіе государственнаго долга, систематически и быстро возраставшаго. Наконецъ, можно было аргументамъ оттоманскихъ реформаторовъ противопоставить и иные аргументы, не менѣе неумолимой логики...

Въ то время, какъ Порта, подъ напоромъ требованій современнаго духа, силилась осуществить единство суда, администраціи и законодательства и съ шумомъ и гамомъ требовала отъ иностранныхъ державъ, чтобы онѣ отказались отъ преимуществъ и личныхъ льготъ, которыми пользовались ихъ подданные въ области промышленности и торговли,—она и не подозрѣвала, что, становясь страною общаго права, утра-

чивала главное право на попеченіе Запада о сохраненіи ея неприкосновенности и независимости.

Такъ выходило по логикѣ, но въ данномъ случаѣ Турція оказалась правою въ противность самой логикѣ, такъ какъ Англія, столь ревниво охраняющая матеріальные интересы своихъ подданныхъ, повидимому, ни въ грошъ не поставила потери, которыя они могутъ понести вслѣдствіе ея уступчивости, и поспѣшно согласилась на всѣ требованія Порты, энергически поддержавъ ихъ передъ прочими европейскими державами.

Прежде всего предстояло во что бы то ни стало передѣлать фискальную систему, по общему отзыву діаметрально противоположную требованіямъ экономической науки; и для того освободить отъ сборовъ вывозимыя національныя произведенія, а произведенія иностранныя обложить болѣе высокими пошлинами. Англія подвергла пересмотру свои торговые договоры и тарифы, и ввозная пошлина была повышена съ трехъ на восемь процентовъ, при чемъ не предрѣшался вопросъ о правѣ Порты требовать, при возобновленіи договоровъ, новаго повышенія, даже до двадцати пяти процентовъ, на что англійскій кабинетъ уже далъ, какъ говорили, свое согласіе.

Санитарная и полицейская службы въ портахъ требовали значительныхъ расходовъ; Англія согласилась на обложеніе ея флота разными тягостными сборами, подъ названіемъ патентныхъ, измѣрительныхъ и якорныхъ. Затѣмъ, во имя безопасности мореплаванія, но, въ сущности, ради выгодъ одной французской компаніи, покровительствованной императоромъ Наполеономъ, Порта потребовала уплаты маячнаго сбора, и Англія поспѣшила согласиться и на этотъ сборъ, хотя дѣло шло, между прочимъ, и о маякахъ, поставленныхъ на Босфорѣ, плаваніе по которому ночью было безусловно воспрещено дѣйствовавшими правилами.

Для украшенія городовъ и увеличенія благосостоянія ихъ жителей потребовались и городскія учрежденія. Англія не только согласилась на взиманіе городскихъ сборовъ, безусловно противныхъ трактатамъ, но и старалась склонить къ тому же представителей другихъ державъ и всѣми средствами побороть сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вообще не предвидѣлось уступокъ, на которыя бы она ни пошла, къ прямому ущербу своихъ подданныхъ и своей торговли, хотя она продолжала шумѣть о своихъ интересахъ на Востокѣ. Дѣйствительно, она первая подписалась подъ извѣстнымъ протоколомъ 1867 года [1] и дѣлая видъ, что пріобрѣтаетъ для своихъ подданныхъ право владѣть недвижимою собственностью — о чемъ они ни мало не заботились, такъ какъ такое владѣніе въ Турціи не имѣетъ ничего привлекательнаго — она формально отказывалась, взамѣнъ этой уступки, ничтожной до смѣшнаго, отъ личныхъ преимуществъ, которыми пользовались подданные королевы, отнынѣ подсудные въ извѣстныхъ случаяхъ турецкимъ властямъ; а позднѣе, съ неприличною поспѣшностью — все во имя тѣхъ же интересовъ — она изъявляла согласіе на патентный сборъ, который пребывающіе въ Турціи англичане должны были платить за свой промыслъ наравнѣ съ подданными Порты.

Англійскій кабинетъ постоянно твердилъ, что, «вѣрный договорамъ, не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ вопросы внутренняго управленія».

[1] Примѣру Англіи послѣдовала Австрія и прочія западныя державы. Россія же, какъ всегда, уклонилась отъ соглашенія, посягавшаго на права своихъ подданныхъ, опредѣленныя капитуляціями. Лишь въ 1873 году (8-го марта) русскимъ посломъ въ Константинополѣ и турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ подписанъ протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи; но въ протоколѣ ясно установлялось, что законъ о такомъ владѣніи не отнялъ ни одной изъ льготъ, которыми ограждалась личность и движимое имущество иностранцевъ, пріобрѣвшихъ недвижимую собственность.

А. Г.

При важности вопроса и значеніи затронутыхъ интересовъ, такой отвѣтъ былъ торжественнымъ и рѣшительнымъ освященіемъ установленнаго съ нѣкотораго времени политическаго образа дѣйствій сентъ-джемскаго кабинета. Онъ вызвалъ во всемъ мірѣ неописуемое удивленіе, а Востокъ былъ не только удивленъ, но и ошеломленъ. Банкиры, капиталисты, промышленники, всѣ видѣли, какъ исчезала единственная надежда спастись отъ неминуемаго бѣдствія, надежда всеобщая, покоющаяся на увѣренности въ энергіи, съ которою англійское правительство всегда выступало на защиту интересовъ своихъ подданныхъ и которая доселѣ внушала всѣмъ спокойную увѣренность. Такая увѣренность—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—единственно побуждала населеніе Востока вѣрить кредито-способности турецкаго правительства; безъ нея ни грекъ, ни армянинъ, ни турокъ—будь онъ самый искренній мусульманинъ—не помѣстилъ бы самой ничтожной части своего имущества въ облигаціи оттоманскаго государственнаго долга. Но современникамъ были еще памятны буря, поднятая въ Англіи по поводу вознагражденія за убытки Притчарда, и блокада, которую навлекла на себя Греція вслѣдствіе рекламаціи еврея Пачифико, грѣлка котораго была незаконно продана органами эллинской власти [1],—и они не видѣли причинъ, по которымъ

[1] Авторъ иронически упоминаетъ объ одномъ лишь ничтожномъ предметѣ домашней утвари проживавшаго въ Аѳинахъ португальскаго еврея Пачифико, домъ котораго былъ разграбленъ въ 1847 году. Незадолго передъ тѣмъ принявшій великобританское подданство, Пачифико предъявилъ къ греческому правительству требованіе о вознагражденіи, размѣры котораго во много разъ превышали дѣйствительную стоимость похищеннаго у него имущества; требованіе это было поддержано англійскимъ кабинетомъ, который, въ виду отказа аѳинскихъ властей уплатить требуемую сумму, выслалъ флотъ и блокировалъ Пирей, что чуть было не вызвало разрыва Англіи съ Франціею.

Притчардъ былъ англійскимъ консуломъ на островѣ Таити, находившемся съ 1842 года подъ протекторатомъ Франціи. Онъ постоянно воз-

Англія лишила бы ихъ своего покровительства въ сдѣлкахъ, заключенныхъ въ самой Англіи съ англійскими банкирами, въ самой торжественной формѣ, послѣ переговоровъ съ агентами турецкаго правительства, а иногда и съ самимъ посломъ султана, часто по совѣту англійскихъ министровъ, расточавшихъ передъ капиталистами увѣренія въ добросовѣстности и благонадежности заемщика...

Предоставляя людямъ болѣе свѣдущимъ объяснить такую странную перемѣну въ политикѣ Англіи, разсмотримъ тѣ моральные интересы, которые могутъ для нея существовать въ восточномъ вопросѣ.

По поводу событій въ Салоникахъ и въ Болгаріи и явнаго пристрастія, съ которымъ англійское правительство отнеслось къ агентамъ Порты, намъ довелось слышать отъ англійскихъ дипломатовъ, что Англія должна оказывать султану особое покровительство, такъ какъ онъ духовный владыка 40 милліоновъ подданныхъ императрицы Индіи. Пока Великобританія не отказалась отъ владѣній въ этой части свѣта, независимость и неприкосновенность Турціи, равно и владѣніе султаномъ проливами, при извѣстныхъ условіяхъ обезпечивающими безопасность,—имѣютъ для нея первостепенное значеніе.

Такъ ли это? Не чудовищнымъ ли предразсудкомъ руководился Гладстонъ, когда онъ силился доказать—и въ данномъ случаѣ онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія—что нельзя быть въ одно и то же время и вѣрноподданнымъ королевы и добрымъ католикомъ, т. е. слѣдовать заповѣдямъ церкви, глава которой иностранецъ, проживающій за границею? Въ силу какихъ непостижимыхъ рецептовъ британской логики та же самая власть—всемогущее въ по-

буждалъ противъ послѣдней мѣстное населеніе и былъ оттуда высланъ французами въ 1844 г. Распоряженіе это вызвало бурю въ Англіи и дѣло едва не дошло до войны. А. Г.

литикѣ общественное мнѣніе—которая декретируетъ безапелляціонно, что нельзя быть англійскимъ гражданиномъ, подчиняться законамъ своей страны и зависѣть духовно отъ римскаго первосвященника,—допускаетъ безъ всякихъ затрудненій, что можно быть добрымъ индійцемъ, а слѣдовательно и добрымъ англичаниномъ, и быть подчиненнымъ духовной власти калифа въ Стамбулѣ? Между тѣмъ какая разница въ политическомъ положеніи этихъ двухъ духовныхъ владыкъ! Неужели римскій первосвятитель, лишенный той маленькой территоріи, которою онъ владѣлъ до объединенія Италіи, представляется для Англіи болѣе грознымъ, нежели великій императоръ оттомановъ? Или заповѣди ислама, огнемъ и мечемъ распространявшаго свои владѣнія и подчинявшаго народы своему закону, причисляющаго кромѣ того убійство невѣрнаго къ дѣламъ угоднымъ Богу,—безвреднѣе, менѣе опасны для властителей странъ мусульманскихъ, нежели догматъ католическій—для монарховъ протестантовъ—ясно, строго предписывающій покорность установленнымъ властямъ и приписывающій этимъ властямъ божественное происхожденіе? Въ этомъ отношеніи сомнѣній быть не можетъ для того, кто хотя мало-мальски добросовѣстенъ. Но предразсудки, въ союзѣ со страстями, всегда заглушаютъ добросовѣстность и часто въ ущербъ интересамъ. Слово калифа, если бы ему захотѣлось возбудить религіозный пылъ дѣтей пророка, нашло бы въ ихъ сердцахъ искренній отголосокъ, благодаря отвращенію, которое они испытываютъ къ чужестранному владычеству; но если бы, подчиняясь духу времени, они сами схватились бы за оружіе, безъ всякаго возбужденія съ его стороны, то слово его было бы совершенно безпомощно ихъ успокоить, такъ какъ оно слишкомъ противорѣчило бы духу ислама! Наоборотъ, порядокъ всегда найдетъ самую твердую опору въ мощномъ словѣ первосвященника, когда онъ обращается къ истиннымъ католикамъ; оставаясь вѣрнымъ догматамъ церкви, онъ

можетъ проповѣдывать лишь миръ, согласіе и покорность установленнымъ властямъ, лишь бы онѣ не посягали на свободу совѣсти вѣрующихъ.

Но, допуская, что Англія обязана оказывать султану, въ его званіи калифа, особое покровительство, можно ли, вопреки элементарной политической осторожности, ради удержанія спокойствія среди «правовѣрныхъ» Индіи и укрѣпленія его, султана, власти, поддерживать религіозный фанатизмъ противъ христіанъ, стараться извинить его, когда онъ прорывается въ кровавыхъ расправахъ, возбуждать въ рядахъ мусульманъ пропаганду, безъ того уже дѣятельную, въ пользу образованія наступательной и оборонительной лиги, разъяснять мусульманамъ значеніе ихъ численности и угрожать ихъ гнѣвомъ христіанамъ всѣхъ странъ?

Между тѣмъ такова, повидимому, задача, которую себѣ поставили въ Турціи уже цѣлыхъ два года [1] англійская печать и англійская дипломатія, стремясь къ выполненію ея съ пыломъ, достойнымъ лучшей цѣли. Не лучше ли было бы, если бы онѣ строже отнеслись къ насиліямъ мусульманъ именно потому, что императрица Индіи насчитываетъ 40 милліоновъ мусульманскихъ подданныхъ, не признающихъ принципа, что «всякая власть отъ Бога» и могущихъ въ одинъ прекрасный день сговориться съ своими единовѣрцами изъ сосѣднихъ странъ, чтобы стряхнуть иноземное, конечно, ненавистное иго? Не было ли бы осторожнѣе со стороны Англіи напомнить Турціи, по поводу послѣднихъ событій, то, что Европа въ теченіе полувѣка твердитъ послѣдней: «религіозная терпимость, яркими буквами начертанная на входѣ въ зданіе современныхъ обществъ, касается и васъ. Исповѣдуйте свободно вашу вѣру, но подъ условіемъ, что религіозный духъ не будетъ нарушать порядка и мира, что никогда не будетъ рѣчи о «священной

[1] Настоящій очеркъ написанъ въ декабрѣ 1877 года. А. Г.

войнѣ», такъ какъ фанатизмъ заразителенъ; онъ распространяется съ быстротою пламени, и я не желаю, чтобы огонь добрался и до меня». Лишь такая рѣчь, по нашему мнѣнію, служа предостереженіемъ для мусульманъ Индіи, можетъ согласовать принципы великой христіанской державы съ выгодами величайшей державы мусульманской. И такую рѣчь—мы въ томъ увѣрены—Англія держала бы непремѣнно, если бы она не имѣла слабости, столь обычной у государственныхъ людей всѣхъ временъ, вести политику, покоющуюся болѣе на страстяхъ, нежели на сознаніи собственныхъ выгодъ.

Этимъ однимъ можно объяснить покровительство, которое она оказываетъ калифу, въ то время какъ считаетъ себя ничѣмъ не связанной съ духовнымъ главою 10—12 милліоновъ католиковъ, своихъ подданныхъ.

Обращаясь къ второму аргументу, выставляемому Англіею въ оправданіе ея усилій, направленныхъ къ поддержанію Оттоманской имперіи и къ защитѣ калифа, мы должны сознаться, что не видимъ соотношенія между охраною обширныхъ англійскихъ владѣній въ Индіи и охраною турецкаго владычества, разумѣя подъ послѣднимъ вопросъ такъ называемый «проливовъ». До послѣднихъ годовъ неприкосновенность и независимость Турціи считались элементомъ сохраненія европейскаго равновѣсія и поддержки мира. Вслѣдствіе затрудненій, которыя втрѣтила бы передѣлка карты этой части Европы, затрудненій, вытекающихъ изъ разнообразія народностей и ихъ стремленій, предпочитали то, что существуетъ, тому, чѣмъ пришлось бы замѣнить, не достигнувъ при этомъ, быть можетъ, примиренія сталкивающихся въ этомъ вопросѣ разнородныхъ интересовъ. Зло явное, противъ котораго боролись, котораго страшились не безъ основанія. Это было вполнѣ разумно. Но нынѣ, благодаря событіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, положеніе существенно измѣнилось и нужно много смѣлости,—въ которой у государственныхъ людей часто не было

недостатка,—чтобы постичь возможность совмѣстнаго житья въ будущемъ мусульманъ и герцеговинцевъ, болгаръ и мусульманъ, если не въ мирѣ и согласіи—такое требованіе было бы чрезмѣрно,—то при условіи взаимной терпимости, достаточной для предупрежденія столкновеній. Это было бы, впрочемъ, слишкомъ сладкою мечтою, и дѣйствительность не замедлила бы ее разрушить. Послѣ потоковъ крови, пролитыхъ въ долахъ Герцоговины и равнинахъ Болгаріи, вѣковая ненависть, подогрѣтая современными неистовствами со стороны укротителей мятежа, изъ состоянія пассивнаго и скрытаго перешла въ борьбу слишкомъ упорную, слишкомъ продолжительную, чтобы намъ не придти къ заключенію, что было бы, быть можетъ, болѣе разумно и болѣе осторожно рѣшительно приступить къ территоріальной перекройкѣ Оттоманской имперіи, нежели продолжать заботиться о ея неприкосновенности, поддерживая тѣмъ самымъ въ разныхъ пунктахъ ея неугасимые очаги безпорядковъ, возстаній и борьбы. Тѣмъ не менѣе, всякая полумѣра, съ трудомъ выработанный modus vivendi, чреватый бурями, однимъ словомъ, настоящая подклейка, представляли менѣе затрудненій, нежели коренное и окончательное разрѣшеніе, и потому имѣли бы болѣе шансовъ быть принятыми европейскимъ ареопагомъ.

Но какъ бы ни относиться къ этому вопросу всеобщаго интереса, Англія не можетъ, наравнѣ съ другими двумя великими державами, Германіею и Франціею, желать ничего другого кромѣ порядка, устойчивости и спокойствія: окажись задача разрѣшенною для этихъ двухъ державъ, она окажется разрѣшенною и для Англіи. Важно, поэтому, быть можетъ, знать, не лучше ли было бы, если, при настоящемъ положеніи восточнаго вопроса и ради спокойствія Европы, установить равновѣсіе на новыхъ основаніяхъ, болѣе обезпечивающихъ его прочность.

Намъ, впрочемъ, нечего затрогивать этого вопроса; для насъ достаточно выяснить, какая связь между владѣніями въ Индіи и цѣлостью Турецкой имперіи.

Европейскія области этой великолѣпной имперіи не представляютъ для Англіи особаго, политическаго или торговаго поля дѣйствій, нѣтъ ни сродства ни расъ, ни религій, нѣтъ ни сосѣдскихъ отношеній, ни обмѣна мануфактурныхъ произведеній, получаемыхъ Турціею изъ Австріи и Германіи въ обмѣнъ на сырье, которое особенно пригодилось бы и для англійскаго промышленнаго производства. Поэтому для Англіи нѣтъ основаній ссылаться на какіе-либо особые интересы, которые побуждаютъ ее вмѣшиваться въ распоряженія по улучшенію судьбы этихъ областей.

Но, быть можетъ, дѣло обстоитъ иначе по отношенію къ областямъ мало-азійскимъ. Долины Аравіи и Евфрата могли бы, говорятъ, представлять выгоды болѣе короткаго и быстраго сообщенія съ Индіею, и переговоры генерала Ченэ (Chesney) съ Портою о проведеніи евфратской желѣзной дороги шли слишкомъ долго, чтобы не понять, что Англія считаетъ себя очень заинтересованною въ недопущеніи водвориться сильной и, быть можетъ, враждебной власти на мѣстѣ нынѣшней власти султана. Но, къ счастью, въ умѣ государственныхъ людей Англіи одерживаетъ въ эту минуту верхъ болѣе справедливая оцѣнка обстоятельствъ; воображаемая опасность завладѣнія Россіею долинами Аравіи и Евфрата, приводившая доселѣ англичанъ въ ужасъ, разсѣялась передъ декларацieю лорда Дерби (ноябрь 1877), который на политическомъ банкетѣ, далъ ясно понять, что по мнѣнію кабинета, въ составъ котораго онъ входитъ, истинная линія сообщенія Англіи съ Индіею черезъ Евфратъ не проходитъ. «Пока путь черезъ Суэзъ, — сказалъ онъ, — не прерванъ, у насъ достаточно сообщеній». Что касается Месопотаміи и Аравіи, никто этими областями не прельщается; дипломаты

и публицисты въ одинъ голосъ сохраняютъ ихъ за калифомъ, которому тамъ можетъ быть лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нигдѣ, дѣйствительно, онъ не былъ бы принятъ со столь живыми симпатіями, какъ въ этомъ, всегда пылающемъ, очагѣ религіознаго возбужденія; нигдѣ онъ не могъ бы проявлять своей двойной власти съ большею увѣренностью, чѣмъ въ этихъ странахъ, бывшихъ колыбелью пророка, небеснаго посланца, коего онъ преемникъ.

Намъ остается упомянуть объ Египтѣ. Для Англіи Египетъ—дорога къ дому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Суэзскій каналъ сократилъ путь. Ей представляется возможнымъ домогаться безусловнаго верховенства надъ этой областью, что было бы для нея, въ случаѣ переустройства Востока, великолѣпнымъ удѣломъ, вознагражденіемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ за то, что она потеряла бы въ другомъ мѣстѣ, или за то, что досталось бы другимъ. При такомъ условіи Англія осталась бы въ выгодѣ при всякомъ измѣненіи въ европейскомъ равновѣсіи, несмотря на недавно высказанное Гладстономъ мнѣніе, что будь даже предложено королевѣ верховенство надъ Египтомъ, ея величество должна отъ него отказаться. Но это, конечно, было лишь одною изъ тѣхъ вспышекъ, къ которымъ этотъ государственный человѣкъ часто прибѣгаетъ, когда онъ оставляетъ власть. Мы же думаемъ, что судьба Египта — единственный крупный интересъ повелительницы Индіи въ восточномъ вопросѣ и изъ-за него вся Англія взялась бы за оружіе. Помимо выгодъ своего географическаго положенія, Египетъ, подъ разумнымъ и гуманнымъ управленіемъ, которое сняло бы съ несчастнаго мѣстнаго населенія сорокавѣковой фараоническій гнетъ, какъ бы предопредѣленный, — обогатитъ всякую цивилизованную державу, если она съумѣетъ использовать сказочное плодородіе почвы, и мы не вѣримъ, чтобы англійская политика, отказываясь впервые отъ побужденій эгоизма и того завоева-

тельнаго духа, которому она всегда подчинялась, пренебрегла, по совѣту г. Гладстона, столь богатою добычею. Правда, въ 1853 г.[1], Англія отклонила сдѣланное ей Россіею предложеніе взять Египетъ въ случаѣ раздѣла Турціи; но въ то время на Суэзскій каналъ смотрѣли, какъ на фантастическую мечту, осуществленіе которой весьма измѣнило значеніе пріобрѣтенія.

— Для пополненія предпринятаго нами изслѣдованія, разсморимъ вопросъ «проливовъ», какъ съ точки зрѣнія существующаго относительно ихъ порядка, запрещающаго входъ иностраннымъ военнымъ судамъ, такъ и по отношенію къ неудобствамъ для Англіи порядка противоположнаго, т. е. безусловной свободы мореплаванія.

Если допустить, что Англія, для охраны своихъ политическихъ интересовъ, имѣетъ въ виду лишь помѣшать занятію Босфора русскими и тѣмъ уберечь султана и столицу отъ всякаго нападенія съ этой стороны, то окажется, что гарантія, представляемая существующимъ порядкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ воображаемая. Всякое международное соглашеніе по этому вопросу, — подобное протоколу 1840 года, подтвержденному парижскимъ трактатомъ, — имѣетъ цѣну лишь въ мирное время, т. е. при такомъ положеніи вещей, которое дѣлаетъ совершенно безвреднымъ для султана доступъ въ Босфоръ военныхъ судовъ; въ военное же время, когда враждебныя дѣйствія влекутъ за собою прекращеніе силы договоровъ, соглашеніе теряетъ всякую цѣну какъ разъ въ то время, когда ему нужно имѣть силу, въ данномъ случаѣ для того, чтобы обезпечить Босфоръ. Имѣя въ Черномъ морѣ почтенный флотъ, способный оказать сопротивленіе броненосцамъ своего непріятеля, можетъ ли Россія, послѣ объявленія войны, быть задержанною у входа въ проливъ обязательствами, которыя она взяла на себя въ Парижѣ? Она несо-

[1] Извѣстная бесѣда англійскаго посла Лорда Сеймура съ императоромъ Николаемъ, намекавшимъ на возможность распаденія Турціи.
А. Г.

мнѣнно предпочтетъ кратчайшій путь для занятія столицы имперіи, чтобы диктовать тамъ свои условія.

Весьма важно, поэтому, не упускать изъ вида возможности для Россіи, въ случаѣ предъявленія ею какихъ-либо требованій Портѣ, поддержать ихъ значительными морскими силами и попытаться вступить въ Босфоръ. Но такая случайность, заслуживавшая полнаго вниманія государственныхъ людей Европы въ ту эпоху, когда Турція, почитавшаяся неспособною защититься и не имѣвшая внушительнаго военнаго флота, вынуждена была прибѣгать къ слабой охранѣ международныхъ соглашеній—нынѣ не имѣетъ того значенія, какое ей приписывали до сей поры. Нынѣ Турція обладаетъ сильнымъ флотомъ, броненосными судами разныхъ типовъ и можетъ себя охранить отъ всякой неожиданности. Изобрѣтенныя съ того времени торпеды служатъ удобнымъ средствомъ защиты, и если Босфору не суждено быть нейтрализованнымъ, то вооруженіе его береговъ, въ иныхъ мѣстахъ столь близкихъ одинъ къ другому, даетъ возможность Турціи защититься самой; мѣсто прежней безпомощности заступила оборонительная сила, значеніе которой, быть можетъ, Порта преувеличиваетъ, но которая настолько дѣйствительна, что Турція можетъ пренебречь вытекающими изъ соглашеній призрачными гарантіями, въ которыхъ она искала главнаго залога своего политическаго существованія.

Сами англичане при всемъ томъ, что въ вопросѣ о свободѣ плаванія черезъ проливы крѣпко держатся за свои политическіе предразсудки по отношенію къ Востоку, склонны, повидимому, стать на нашу точку зрѣнія, если судить по недавно произнесенной (ноябрь 1877 г.) рѣчи одного вліятельнаго члена англійскаго парламента, Куртенэ. Онъ высказалъ и подробно развилъ мнѣніе, что Англія, въ случаѣ мирнаго договора между Турціею и Россіею, не должна настаивать на закрытіи проливовъ для большихъ военныхъ су-

довъ. Какъ было бы желательно, чтобы англійскій шовинизмъ утратилъ свою первобытную рѣзкость и вступилъ открыто на тотъ путь умѣренности, который ему указываютъ графъ Дерби, Куртенэ и ихъ политическая партія.

Мы, какъ кажется, удѣлили интересамъ Англіи въ восточномъ вопросѣ все вниманіе, котораго они заслуживаютъ. Но изъ всѣхъ великихъ державъ, Англія, какое бы значеніе ни приписывали доводамъ ея національной политики, конечно, не та, чьи интересы занимаютъ первое мѣсто при разрѣшеніи этого знаменитаго вопроса. Сопредѣльная съ Азіею и непосредственная въ Европѣ сосѣдка Турціи, Россія можетъ по праву взирать на себя какъ на прирожденнаго распорядителя судебъ этой части свѣта. Если къ сосѣдству, со всѣми вызываемыми имъ послѣдствіями, прибавить географическія условія южной границы, примыкающей къ Черному морю, ключи отъ котораго въ рукахъ у султана, тождество религіи и сродство расъ, соединяющихъ большинство ея населенія съ христіанскимъ населеніемъ Турціи — права Россіи на преобладающій голосъ будутъ имѣть вполнѣ достаточное оправданіе. Если въ наши дни являютъ всюду склонность дешево цѣнить соображенія религіозныя, то иначе относятся къ столь модному въ наше время принципу національности и крупныхъ агломератовъ. Принципъ этотъ, по нашему мнѣнію ложный, имѣетъ роковое вліяніе на благосостояніе народовъ, но онъ прельщаетъ міръ; монархи и государственные дѣятели вынуждены, благодаря условіямъ, созданнымъ общественнымъ настроеніемъ, почтительно передъ нимъ склоняться, какова бы ни была форма правленія. Кромѣ того, за срокъ свыше ста лѣтъ Россія пролила слишкомъ много крови въ обѣихъ частяхъ Оттоманской имперіи, чтобы не видѣть въ жертвахъ, уже ею принесенныхъ, размѣръ жертвъ, которыя она еще принесетъ ради охраны интересовъ неопровержимой важности. Такъ какъ и Англіи и Россіи принадлежитъ первое мѣсто

среди тѣхъ, кто заинтересованъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, то, упомянувъ объ интересахъ Англіи, мы постараемся дать себѣ отчетъ и въ интересахъ Россіи, съ цѣлью выяснить положеніе каждой изъ нихъ и облегчить разрѣшеніе созданныхъ этимъ положеніемъ затрудненій.

Закрытіе проливовъ имѣетъ для Англіи, какъ мы, кажется, доказали, болѣе чѣмъ второстепенное, воображаемое, значеніе; но что̀ выгоднѣе для Россіи, свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы или закрытіе ихъ? Вопросъ важный и по которому—странное дѣло!—въ народномъ сознаніи и его представителяхъ, дипломатахъ и публицистахъ, мы видимъ глубокое разногласіе. Размышленія дипломатовъ и обсужденія публицистовъ ни мало вопроса не разъяснили и не выработали принципа или нормы для политики русскаго кабинета.

По мнѣнію однихъ, пока берега Босфора будутъ находиться подъ иностраннымъ владычествомъ, при которомъ Россія не можетъ получить для своего флота, при исключеніи другихъ державъ, свободнаго и ничѣмъ не обусловленнаго права прохода, принципъ mare clausum [1]), примѣненный къ Черному морю, будетъ всегда предпочтительнѣе безусловной свободы плаванія по проливамъ военныхъ флотовъ прочихъ державъ.

Россія, правда, заперта у себя, но здѣсь она безусловная хозяйка; по отношенію къ состоянію своихъ арсеналовъ, вооруженій къ организаціи флота, къ топографическимъ условіямъ своего побережья и, въ особенности къ иноземной враждебной пропагандѣ среди мусульманскихъ ея подданныхъ,—она ускользаетъ отъ всякаго контроля. Она заперта, но воздѣйствіе, которое она могла бы оказывать въ Средиземномъ морѣ и въ Адріатикѣ, желательное, конечно, если бы оно могло дешево достаться,—не стоитъ тѣхъ выгодъ, которыхъ

[1] Море закрытое.

бы она лишилась при полной свободѣ плаванія всѣхъ флотовъ по проливамъ и по Черному морю.

Между Россіею и Италіею нѣтъ такихъ особенныхъ дѣлъ, вслѣдствіе которыхъ первая предвидѣла бы случаи, гдѣ ей можетъ оказаться необходимымъ поддержать свои требованія демонстраціею у береговъ полуострова. Австрія—ея сосѣдка, но въ случаѣ столкновенія съ ней, борьба завязалась бы всюду, только не на берегахъ Адріатики; наконецъ, Египетъ никогда не будетъ представлять для нея особеннаго значенія, и она встрѣтила бы тамъ стойкій и значительный флотъ, съ которымъ флотъ Чернаго моря, какъ бы быстръ ни былъ его ростъ, долго бороться окажется не въ состояніи. Что касается Греціи, то она всегда была предметомъ коллективнаго воздѣйствія всѣхъ великихъ державъ, и нынѣ менѣе чѣмъ когда-либо Россія окажется въ состояніи оказать ей дѣйствительную помощь.

Таковы аргументы приверженцевъ существующаго порядка вещей, аргументы, взявшіе верхъ на совѣтахъ, собираемыхъ императоромъ Николаемъ, когда онъ прикладывалъ руку къ трактату 3 (15) іюля 1840 года, входившіе, впрочемъ, въ его систему замыкать Россію въ границы, не проницаемыя для разрушительныхъ вѣяній извнѣ.

Приверженцы противоположнаго порядка вещей, то есть ничѣмъ не обусловленнаго открытія проливовъ, говорятъ, что откинуть Россію въ край озера и запереть ее тамъ, лишивъ совершенно свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ, это — то же, что поставить судьбу ея торговли и ея вывоза въ зависимость отъ отношеній къ Портѣ. Кромѣ того, лишать независимую державу права направлять свои морскія силы куда ей окажется нужнымъ, это — ограничивать ея права; такое ограниченіе тѣмъ болѣе ненавистно, что оно представляетъ лишь неудобства, которыя не возмѣщаются никакими выгодами и что, въ случаѣ войны съ Портою или

съ державами, для которыхъ Порта будетъ всегда союзницею, оно никогда не помѣшаетъ непріятельскимъ флотамъ войти въ Черное море и разрушить все, что только они могутъ. Такимъ образомъ, за прекращеніемъ дѣйствій трактатовъ во время войны, закрытіе проливовъ перестаетъ существовать какъ разъ въ ту минуту, когда оно можетъ быть полезнымъ, и берега Россіи доступны нападенію непріятеля.

Наконецъ, умиротвореніе Кавказа и водвореніе твердой власти въ странахъ, изъ которыхъ удалено непокорное и и враждебное населеніе, устраняютъ опасность, связанную съ свободнымъ доступомъ въ Черное море иноземныхъ флаговъ и отнимаютъ у mare clausum главную его выгоду.

Таково, относительно проливовъ, другое мнѣніе, насчитывающее въ Россіи многихъ сторонниковъ; въ теченіе извѣстнаго періода оно брало верхъ, и мы поэтому имѣемъ право предполагать, что окончательное открытіе Босфора, какъ послѣдствіе новаго порядка вещей, имѣющаго быть созданнымъ ожидавшимися быстрыми и блестящими побѣдами, сильно повліяло въ высшемъ правительственномъ совѣтѣ въ пользу объявленія войны. Улучшеніе судьбы славянъ Турціи не было, надо полагать, единственною причиною, побудившею императора Александра принять рѣшеніе, столь мало согласное съ отличительнымъ свойствомъ его характера, и преодолѣть инстинктивное отвращеніе къ войнѣ.

Что касается до опасностей, которыя угрожаютъ Оттоманской имперіи, какъ то полагаютъ державы въ своихъ попеченіяхъ о ея сохраненности, мы не перестанемъ повторять, что нынѣ Турція въ состояніи сама защищаться и что отъ своего войска и своего флота она можетъ требовать бòльшихъ гарантій, нежели отъ международныхъ соглашеній. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ Россія не связана условіемъ, ограничивающимъ ея морскія силы въ Черномъ морѣ, султанъ, при установленіи свободы плаванія по Босфору, оди-

наково будетъ спокоенъ или безпокоенъ, будь проливы открыты или закрыты, зная, что русскій флотъ, какимъ бы онъ ни былъ, крейсируетъ по Черному морю во всѣхъ направленіяхъ. Если ближайшій будущій конгрессъ приметъ такое рѣшеніе вопроса о проливахъ, т. е. откроетъ ихъ, нейтрализуетъ Босфоръ и его оба берега, наложитъ на великія державы обязательство уважать неприкосновенность имѣющей быть установленной нейтральной зоны, простирающейся отъ такого-то до такого-то пункта, такое рѣшеніе будетъ болѣе соотвѣтствовать видамъ дипломатіи Запада, нежели существующій нынѣ порядокъ. Русскій флотъ въ Черномъ морѣ пересталъ бы быть пугаломъ для султана и предметомъ безпокойства для Европы, а Россія, свободная отнынѣ проходить проливы когда вздумается и показывать свой флагъ въ Средиземномъ морѣ, не будетъ имѣть причинъ, которыя имѣетъ теперь, добиваться владычества надъ этимъ морскимъ рукавомъ и искать случая вызвать разчлененіе Оттоманской имперіи [1].

[1] Въ историческомъ журналѣ нѣтъ мѣста для обсужденій, неизбѣжно полемическаго свойства, вопроса современной политики, всегда волнующаго общественное мнѣніе Европы и, въ особенности, Россіи. Не входя поэтому въ оцѣнку указываемаго авторомъ способа рѣшенія вопроса о проливахъ, способа «соотвѣтствующаго видамъ дипломатіи Запада»,— мы ограничимся замѣчаніемъ, что такой проектъ, ясно формулированный, впервые, сколько намъ извѣстно, появляется въ трудахъ многочисленныхъ публицистовъ, писавшихъ на эту тему. Надо надѣяться, что вся относящаяся до этого вопроса аргументація автора обратитъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые занимаются изученіемъ modus vivendi, что долженъ обезпечить за нами спокойное и вѣрное движеніе къ неизмѣнной, намѣченной всею нашею исторіею цѣли: стоять твердою ногою въ преддверіи края, верховенство надъ которымъ имѣетъ для насъ жизненное значеніе, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ море пролитой русской крови въ теченіе почти двухъ вѣковъ.

Способъ, предлагаемый авторомъ, можетъ оказаться совершенно непригоднымъ, но если, при обсужденіи его русскими государственными людьми и общественными дѣятелями, исчезнетъ это разногласіе въ отзы-

Но, быть можетъ, подобное соглашеніе не удовлетворитъ Англіи, которая желала бы, чтобы Россія была вѣчно блокирована въ Черномъ морѣ. По ея мнѣнію, европейское равновѣсіе подлежащее поддержкѣ во что бы то ни стало, когда оно направлено противъ московской державы, можетъ быть всюду нарушено въ ея, Англіи, выгоду и пользу. Если же прочія великія державы нашли бы, что вышепомянутое соглашеніе не только не нарушитъ столь вожделѣнное равновѣсіе, но упрочитъ его въ бассейнѣ Средиземнаго моря, то Англіи ничего бы другого не осталось, какъ подчиниться такому соглашенію и сбавить свои требованія до справедливыхъ размѣровъ.

— Таковы главнѣйшія обстоятельства, которыя мы сочли нужнымъ освѣтить, чтобы выяснить великіе интересы, связанные съ восточнымъ вопросомъ. Мы достигли цѣли, если читатель раздѣлитъ наше личное убѣжденіе и признаетъ отнынѣ вмѣстѣ съ нами, что интересы Англіи—въ противность принятымъ взглядамъ, или вѣрнѣе, предразсудкамъ, господствующимъ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ Великобританіи — ограничиваются исключительно судьбою Египетскаго вице-королевства; что лишь фантазирующій англійскій шовинизмъ усматриваетъ воображаемую опасность для сношеній метрополіи съ индійскими владѣніями, въ возможности для турецкой Арменіи, столь близко расположенной къ долинамъ Аравіи и Евфрата, подпасть подъ власть Россіи; что Англія въ вопросѣ о проливахъ заинтересована не болѣе, чѣмъ прочія державы, которыя должны желать, ради успѣ-

вахъ о порядкѣ пользованія проливами, на которое справедливо указываетъ авторъ, и установится единый и вполнѣ опредѣленный взглядъ на то, что намъ нужно — mare clausum или mare apertum, то уже въ одномъ этомъ окажется не мало пользы. (Сохраняемъ эту выноску въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ «Русск. Старинѣ въ 1897 г. Съ той поры вопросъ о проливахъ получилъ и въ нашихъ глазахъ иной обликъ. А. Г.

ховъ торговли, по возможности ничѣмъ не обусловленной свободы плаванія, что въ этомъ вопросѣ Россія занимаетъ особенное положеніе въ ряду другихъ государствъ, что нельзя не признать ея правъ на преобладающій голосъ въ этомъ дѣлѣ, и что ея честь столько же, сколько и заботы о матеріальныхъ успѣхахъ, предписываютъ ей требовать въ будущемъ отмѣны существующаго доселѣ порядка закрытія проливовъ для военныхъ судовъ большаго водоизмѣщенія, что, наконецъ, при настоящемъ положеніи Турціи, нейтрализація Босфора не повлекла бы за собою никакихъ опасностей для личнаго спокойствія султана и для независимости имперіи, а, наоборотъ, лучше обезпечивала бы ея политическое существованіе, нежели международныя соглашенія, которыя, запирая Россію въ Черномъ морѣ и стѣсняя ея свободу сообщенія съ моремъ Средиземнымъ, вызываютъ законное съ ея стороны неудовольствіе.

